ИСТОРІЯ
ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

ИСТОРІЯ

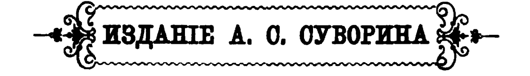
ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ

СОЧИНЕНІЕ

А. БРИКНЕРА

профессора русской исторіи въ дерптскомъ университетѣ

съ 300 гравюрами и украшеніями на деревѣ, исполненными лучшими иностранными и русскими граверами

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1885

Императрица Екатерина II въ 1773 году.

Съ гравированнаго портрета Дикинсона.

Фототипія Брукмана въ Мюнхенѣ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Внѣшняя политика

СОДЕРЖАНІЕ ЧАСТИ ТРЕТЬЕЙ.

ВНѢШНЯЯ ПОЛИТИКА.

ГЛАВА I.

Личное участіе Екатерины во внѣшней политикѣ. Первыя дѣйствія.

Еще во время царствованія императрицы Елизаветы, великая княгиня Екатерина занималась, какъ мы видѣли, вопросами внѣшней политики. Въ ея замѣткахъ, писанныхъ незадолго до вступленія на престолъ Петра Ѳеодоровича, встрѣчаются разсужденія въ родѣ слѣдующаго: «Миръ необходимъ этой обширной имперіи: мы нуждаемся въ населеніи, а не въ опустошеніяхъ... Миръ намъ доставитъ болѣе уваженія, чѣмъ случайности войны, всегда разорительной»[1]).

Также и по своемъ воцареніи Екатерина утверждала, что Россія, по крайней мѣрѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, нуждается въ мирѣ.

Въ то же время, однако, императрица желала имѣть вліяніе и вѣсъ въ Европѣ. Ей приходилось поправлять ошибки, сдѣланныя ея предшественниками. Россія должна была поступать вполнѣ независимо отъ Австріи и Пруссіи въ вопросахъ внѣшней политики. При Елизаветѣ, Австрія имѣла вліяніе на Россію. Петръ III разыгрывалъ роль вассала Фридриха II. Екатерина желала дѣй-

[1]) «Сборн. Ист. Общ.», VII, 85.

ствовать безусловно самостоятельно. Этимъ самымъ она вскорѣ доставила Россіи большое значеніе въ обще-европейскихъ дѣлахъ. Другія державы, тотчасъ же послѣ вступленія на престолъ Екатерины, должны были принимать въ соображеніе виды русскаго правительства. Екатерина умѣла воспользоваться разладомъ между Австріею и Пруссіею. Въ польскомъ и восточномъ вопросахъ Екатерина дѣйствовала по своему усмотрѣнію, принимая въ соображеніе слабость сосѣднихъ державъ; она старалась всѣми мѣрами поддерживать вліяніе Россіи на Швецію; раздробленіе Германіи оказалось удобнымъ средствомъ для вмѣшательства въ германскія дѣла; Англія и Франція, болѣе чѣмъ когда нибудь, чувствовали силу и вліяніе Петербургскаго кабинета. Всѣ эти успѣхи свидѣтельствуютъ о необычайной способности Екатерины къ занятіямъ внѣшнею политикою. Во все свое царствованіе она оставалась чуждою всякой предвзятой системы или какого нибудь отвлеченнаго доктринаризма въ области междугосударственныхъ сношеній, руководствуясь въ каждомъ данномъ случаѣ лишь выгодами Россіи. При этомъ она дѣйствовала постоянно вполнѣ независимо отъ вліянія фаворитовъ и министровъ. Взгляды и мнѣнія Екатерины всегда брали верхъ надъ желаніями Панина, Потемкина и др. Она была своимъ собственнымъ министромъ; ей исключительно, какъ вообще, такъ и въ области внѣшней политики, принадлежала иниціатива. Это обстоятельство было особенно пріятно иностраннымъ дипломатамъ при русскомъ дворѣ, усиливая, впрочемъ, лежавшую на нихъ отвѣтственность. Весьма часто императрица бесѣдовала съ представителями другихъ державъ о дѣлахъ, обнаруживая при этомъ необычайное знакомство со всѣми частностями политическихъ вопросовъ.

Сановники, руководившіе внѣшнею политикою при Екатеринѣ, служили лишь исполнителями воли императрицы и должны были довольствоваться ролью ея помощниковъ. Нельзя сравнить значеніе Панина или Безбородка съ тою ролью, которую игралъ Бестужевъ при Елизаветѣ, или съ тѣмъ мѣстомъ, которое занималъ Кауницъ около Маріи Терезіи. Панинъ, какъ государственный человѣкъ, имѣлъ бо́льшее значеніе нежели Безбородко, превосходившій Панина рабочею силою и способностью въ техникѣ дѣла. Однако, ни тотъ ни другой не могли имѣть вліянія на взгляды и убѣжденія Екатерины. Когда императрица, въ 1780 году, замѣнила близкія отношенія къ Пруссіи тѣснымъ союзомъ съ Іосифомъ II, Панинъ былъ крайне недоволенъ этою перемѣною въ направленіи внѣшней политики Россіи; однако, Екатерина, не

обращая ни малѣйшаго вниманія на Панина, шла своею дорогою въ избранномъ ею направленіи. Считаясь номинально министромъ иностранныхъ дѣлъ, Панинъ, до тѣхъ поръ, пока оставался вѣрнымъ своей прежней системѣ, основанной на союзѣ съ Пруссіею, былъ лишенъ всякаго значенія. Безбородко, завѣдовавшій внѣшними дѣлами во второй половинѣ царствованія Екатерины, былъ податливѣе Панина и поэтому сохранилъ свое положеніе до слѣдующихъ царствованій. Екатерина умѣла воспользоваться его талантами для частностей внѣшнихъ дѣлъ; что же касалось до направленія дѣйствій, то императрица не нуждалась въ совѣтникѣ или руководителѣ.

Не безъ основанія императрица надѣялась на собственную силу; она могла быть довольною успѣхами своего царствованія во внѣшней политикѣ. Панинъ, въ 1773 году, въ наказѣ, составленномъ имъ для князя Барятинскаго, характеризовалъ вообще политику Екатерины слѣдующимъ образомъ: «Руководство общими дѣлами раздѣляется главными державами по мѣрѣ умѣнья каждой себѣ его присвоивать. До царствованія великой Екатерины, Россія, при всѣхъ своихъ успѣхахъ въ прусской войнѣ, играла только второстепенную роль, выступая вездѣ вслѣдъ за своими союзниками. При вступленіи ея величества на престолъ, въ Европѣ были двѣ стороны: въ первой находились Франція и Австрія, за ними Испанія и значительная часть имперскихъ князей; на другой сторонѣ были Англія и король прусскій. Съ первою въ союзѣ находился король португальскій и нѣкоторые имперскіе князья, съ послѣднимъ же сдѣлался вдругъ изъ непріятеля тѣснѣйшимъ союзникомъ императоръ Петръ III; слѣдовательно и тутъ Россія, перемѣнивъ политическую систему, осталась все же въ значеніи державы, отъ постороннихъ интересовъ зависимой... Чѣмъ меньше вліянія могла имѣть Россія, вслѣдствіе скоропостижнаго перелома, совершеннаго въ ея политикѣ Петромъ III, въ этихъ мирныхъ переговорахъ, которые основывали будущее положеніе всей Европы, тѣмъ труднѣе было ей пріобрѣсти его впослѣдствіи. Мудрость и твердость ея императорскаго величества превозмогли, однако, скоро эту трудность, и свѣтъ увидѣлъ вдругъ съ удивленіемъ, что здѣшній дворъ началъ играть въ общихъ дѣлахъ роль, равную роли главныхъ державъ, а на сѣверѣ—первенствующую» [1]).

Личное значеніе императрицы Екатерины въ области внѣшней политики особенно рельефно обнаруживается въ ея прямыхъ сно-

---

[1]) Соловьевъ, XXIX, 74—75.

шеніяхъ съ разными коронованными лицами, а именно въ ея переепискѣ съ Фридрихомъ II, Іосифомъ II, Густавомъ III.

Недавно была издана переписка между Фридрихомъ II и Екатериною [1]). Она обнимаетъ время отъ 1762 до 1781 года и заключаетъ въ себѣ 181 письмо, большею частью представляя собою собственноручныя письма короля и императрицы. Главнымъ предметомъ обсужденія въ нихъ служатъ польскія и турецкія дѣла. И императрица, и король обращаютъ большое вниманіе на внѣшнюю форму писемъ, соблюдая при этомъ нѣкоторыя правила этикета. Однако, въ оживленной бесѣдѣ между этими коронованными лицами, имѣющей иногда характеръ остроумной болтовни, есть много веселости, игривости. Комплименты, лесть — занимаютъ въ этихъ письмахъ видное мѣсто. Средоточіемъ переписки остаются дѣла; въ ней оказывается главною чертою холодный разсчетъ двухъ государей, бывшихъ каждый своимъ собственнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Фридрихъ и Екатерина отличаются при этомъ случаѣ замѣчательнымъ политическимъ искусствомъ. Въ продолженіе безъ малаго двухъ десятилѣтій союзъ между императрицею и прусскимъ королемъ оставался въ полной силѣ. Бывали, впрочемъ, минуты нѣкотораго охлажденія въ сношеніяхъ между Екатериною и Фридрихомъ и до 1780 года. Такъ, напримѣръ, во время турецкой войны, около 1771 года, Фридрихъ былъ недоволенъ императрицею и, наоборотъ, Екатерина была раздражена образомъ мыслей короля. Собственноручныя письма замѣняются несобственноручными. Вообще же, интересы Россіи и Пруссіи во все это время шли рука объ руку, и потому переписка между Фридрихомъ II и Екатериною оставалась до 1780 года дѣломъ необходимости. Иногда Фридрихъ и Екатерина посылали другъ другу подарки, и нерѣдко въ своихъ сношеніяхъ затрогивали частныя дѣла. Вся эта переписка заключаетъ въ себѣ богатый матеріалъ для характеристики императрицы и короля и для исторіи политики Россіи и Пруссіи во второй половинѣ XVIII вѣка.

Личныя отношенія Екатерины къ вопросамъ политики еще болѣе проглядываютъ въ ея перепискѣ съ императоромъ Іосифомъ II [2]). Со времени пребыванія Іосифа II въ Россіи, отношенія его къ императрицѣ принимаютъ характеръ личной дружбы и самаго тѣснаго политическаго союза. Такъ какъ Іосифъ II и

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XX, 149—395.

[2]) «Joseph II und Katharina von Russland.». Briefwechsel, herausgegeben von Alfred Ritter von Arneth. Wien, 1869. См. мою статью въ «Журн. Мин. Народн. Пр.», CXIX, 82—139.

Императоръ Австрійскій Іосифъ II.

Съ гравированнаго портрета Калпашникова, сдѣланнаго въ 1780 г. по случаю пріѣзда Іосифа II въ Россію.

Екатерина любили дѣйствовать вполнѣ самостоятельно, сами управляли всѣми дѣлами, сами заботились и знали обо всемъ, то, конечно, они для своихъ сношеній и переписки другъ съ другомъ мало нуждались въ помощи своихъ канцелярій и секретарей: такая помощь или посредничество министровъ и дипломатовъ были бы

Фридрихъ II, король прусскій.

Съ гравюры Баузе, сдѣланной съ портрета, писаннаго А. Граффомъ.

несовмѣстимы съ характеромъ ихъ царствованій вообще, но и представляли бы нѣкоторыя неудобства, потому что въ письмахъ своихъ и императоръ, и императрица нерѣдко высказывали чисто личныя мнѣнія, а иногда и секреты. За исключеніемъ весьма немногихъ писемъ, составленныхъ въ тонѣ оффиціальныхъ документовъ, дипломатическихъ нотъ или договорныхъ грамотъ, всѣ письма имѣютъ

характеръ частной дружеской корреспонденціи, въ которой важнѣйшіе политическіе вопросы трактуются наравнѣ съ семейными дѣлами. О привитіи оспы великимъ князьямъ Александру и Константину говорится въ томъ же тонѣ, въ какомъ обсуждается вопросъ объ изгнаніи турокъ изъ Европы; пребываніе цесаревича Павла и Маріи Ѳеодоровны въ Вѣнѣ оказывается столь же важнымъ предметомъ переписки, какъ вопросъ объ обмѣнѣ Нидерландовъ на Баварію; за революціею въ Нидерландахъ Екатерина слѣдила не менѣе внимательно, нежели за случавшимися болѣзнями императора. Впрочемъ, обсужденіе политическихъ вопросовъ въ этихъ письмахъ занимало весьма видное мѣсто. Іосифъ, переписываясь съ Екатериною, иногда прибѣгалъ къ совѣтамъ князя Кауница. Екатерина иногда показывала свои письма къ Іосифу, до ихъ отправленія, своему секретарю, Храповицкому. Іосифъ и Екатерина близко знали другъ друга. Екатерина умѣла цѣнить способности и уважала благородныя стремленія императора; отчасти, однако, ея сужденія объ Іосифѣ походили на не особенно благопріятные отзывы о немъ Фридриха II. Іосифъ, уважая Екатерину, считалъ ее необычайно тщеславною. Въ запискѣ къ Кауницу онъ замѣчаетъ, что въ письмахъ къ ней нужно по возможности болѣе льстить, чтобы достигнуть желаемой цѣли, выгодъ для Австріи чрезъ союзъ съ Россіей. И дѣйствительно, значительная часть писемъ Іосифа и Екатерины наполнена любезными фразами и пышными льстивыми выраженіями. Но есть письма, свидѣтельствующія объ искреннемъ уваженіи Екатерины и Іосифа другъ къ другу, о настоящей дружбѣ, объ истинной благодарности. Личныя отношенія Іосифа и Екатерины, однако, объусловливались обоюднымъ убѣжденіемъ въ выгодахъ австро-русскаго союза.

Приблизительно таковъ же характеръ переписки Екатерины съ польскимъ королемъ, Понятовскимъ, со шведскимъ королемъ, Густавомъ III, и др. Вездѣ встрѣчаются остроумная игривость, склонность къ шуткамъ и колкостямъ, въ тѣсной связи съ необычайною ясностью и проницательностью въ отношеніи къ политическимъ вопросамъ, полнѣйшее пониманіе частностей и техники политическихъ дѣлъ, соединенное съ блестящимъ литературнымъ талантомъ. Все это обнаруживается и въ перепискѣ императрицы съ находившимися при иностранныхъ дворахъ русскими дипломатами, съ разными полководцами, сановниками и друг.

Переписка Екатерины съ Гриммомъ и Вольтеромъ, съ г-жами Бьельке и Жофренъ, съ Циммерманомъ и др. — занимаетъ также довольно видное мѣсто въ исторіи внѣшней политики этого цар-

Принцъ Генрихъ Прусскій

Съ гравюры Бароллини, сдѣланной съ портрета, писаннаго въ 1774 г. Рекланомъ.

ствованія. Хотя въ письмахъ императрицы къ этимъ лицамъ политическіе вопросы затрогиваются лишь какъ бы случайно и мимоходомъ, тѣмъ не менѣе многія заявленія Екатерины въ этихъ письмахъ имѣютъ, такъ сказать, значеніе офиціозной печати. Путемъ частныхъ писемъ къ разнымъ лицамъ Екатерина имѣла вліяніе на общественное мнѣніе въ западной Европѣ въ отношеніи къ Россіи. Здѣсь она старалась противодѣйствовать распространенію разныхъ ложныхъ слуховъ, любила говорить о громадныхъ средствахъ, которыми будто бы располагала Россія для достиженія высокихъ цѣлей и проч. Такимъ образомъ, императрица, не довольствуясь управленіемъ дѣлами, объясняла въ публицистической формѣ частной корреспонденціи свои взгляды на разные предметы, свои желанія и намѣренія, мотивы своихъ дѣйствій, опасенія, надежды и проч.

Екатерина, самолично вникая въ частности вопросовъ внѣшней политики, отличалась необычайною способностью для дипломатическаго искусства. Весьма часто ей приходилось вести переговоры о дѣлахъ съ высокопоставленными лицами. Она любила устраивать свиданія съ важными политическими дѣятелями. Пріѣздъ принца Генриха Прусскаго въ Петербургъ, въ 1770 году, занимаетъ видное мѣсто въ исторіи перваго раздѣла Польши; второе свиданіе между Екатериною и братомъ Фридриха Великаго состоялось въ 1776 году. Путешествіе Іосифа II въ Россію въ 1780 году сдѣлалось исходною точкою тѣснаго союза между Австріею и Россіею, существовавшаго до 1790 года; второе свиданіе между Іосифомъ и Екатериною, въ южной Россіи, въ 1787 году, имѣло важное значеніе въ исторіи восточнаго вопроса. Густавъ III прибылъ въ Петербургъ въ 1777 году съ цѣлью лично познакомиться съ Екатериною; второе свиданіе между ними происходило въ 1783 году, въ Фридрихсгамѣ. При такомъ личномъ участіи императрицы въ дѣлахъ внѣшней политики, ея министры, какъ, напримѣръ, Панинъ, Остерманъ, Безбородко, должны были довольствоваться скромною ролью исполнителей ея воли, редакторовъ ея мыслей. Иногда министры императрицы не узнавали вовсе о содержаніи подробныхъ бесѣдъ Екатерины съ иностранными дипломатами. Иногда она нѣсколько часовъ разговаривала о дѣлахъ съ представителями другихъ державъ, какъ, напримѣръ, съ англійскимъ посломъ Геррисомъ, съ французскимъ дипломатомъ Сегюромъ и друг. Изъ записокъ этихъ государственныхъ дѣятелей видно, въ какой степени Екатерина умѣла соединять прелесть салонной бесѣды съ отвѣтственностью, всегда сопряжен-

*

ною съ занятіями политикою. Всѣ собесѣдники императрицы восхищались ея способностями, ея личностью, всѣ удивлялись ясности ея сужденій, проницательности ея ума, подробному знанію дѣла, краснорѣчію.

Фридрихъ II въ своихъ запискахъ замѣчаетъ, что вѣсть о государственномъ переворотѣ въ Россіи была для него громовымъ ударомъ. Вступленіе на престолъ Петра III за полгода до этого было для прусскаго короля спасеніемъ отъ крайней опасности. Въ минуту воцаренія Екатерины никто не могъ предвидѣть, каковы будутъ при новомъ царствованіи отношенія между Россіею и Пруссіею. Съ разныхъ сторонъ было высказано предположеніе, что Екатерина въ отношеніи къ Фридриху послѣдуетъ примѣру Елизаветы Петровны. Это предположеніе преобладало, между прочимъ, и въ кружкахъ военныхъ. Генералъ Салтыковъ, который долженъ былъ при Петрѣ III очистить мѣста, занятыя при Елизаветѣ русскими войсками въ Пруссіи, тотчасъ же послѣ полученія извѣстія о воцареніи Екатерины, не дождавшись приказаній, вновь занялъ только что оставленныя позиціи. Вскорѣ оказалось, что эта военная операція не соотвѣтствовала желаніямъ Екатерины [1]).

Императрица не думала вовсе о возобновленіи войны съ Пруссіею. Она, напротивъ, поручила генералу Чернышеву, находившемуся при Фридрихѣ II, сообщить королю о своемъ намѣреніи держаться твердо союза, заключеннаго ея предшественникомъ съ Пруссіею. Въ то же самое время, однако, она приказала Чернышеву возвратиться съ войскомъ въ Россію. Фридрихъ II убѣдилъ русскаго полководца остаться при немъ еще три дня, такъ что австрійскіе генералы не могли составить себѣ точнаго понятія о намѣреніяхъ Россіи. Этимъ временемъ воспользовался король для того, чтобы разбить австрійскаго фельдмаршала Дауна, начать осаду Швейница и такимъ образомъ достигнуть значительныхъ выгодъ. Можно думать, что Чернышеву, точнѣе чѣмъ Салтыкову, были извѣстны виды императрицы. Она, въ своемъ манифестѣ при восшествіи на престолъ, говорила о Фридрихѣ въ рѣзкихъ выраженіяхъ лишь съ тою цѣлью, чтобы и въ этомъ отношеніи порицать образъ дѣйствій Петра III. Въ сущности, она не желала войны съ Пруссіею. Прусскій дипломатъ Гольцъ во время

---

[1]) См. циркулярную депешу къ русскимъ дипломатамъ отъ 16 августа 1762 г. въ «Осьмнадцатомъ Вѣкѣ», I, 74.

царствованія Петра удалялся отъ Екатерины, чтобы не лишиться расположенія императора; Екатерина тотчасъ же послѣ своего воцаренія распорядилась о личной безопасности прусскаго дипломата и велѣла сообщить ему о своемъ намѣреніи оставаться въ дружбѣ и союзѣ съ Фридрихомъ II.

Такимъ образомъ, король имѣлъ возможность, въ письмѣ къ Екатеринѣ отъ 7 (18) іюля, поздравить ее со вступленіемъ на

Князь Н. В. Репнинъ.

Съ портрета, принадлежащаго князю А. Б. Лобанову-Ростовскому.

престолъ и выразить надежду на поддержаніе «добраго согласія и единомыслія, установившихся между обѣими націями». Отвѣчая королю, Екатерина намекнула на «чрезмѣрную ревность» Салтыкова и на приказанія, данныя Чернышеву «для устраненія недоразумѣнія въ Пруссіи»[1]). Достойно вниманія то обстоятельство, что императрица написала и отправила свое письмо, не спросясь никого изъ русскихъ сановниковъ и не сообщивъ никому

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XX, 151—152.

изъ своихъ министровъ о содержаніи этого чрезвычайно важнаго документа [1]).

Вскорѣ, однако, Гольцу было сообщено, что миролюбіе Екатерины обусловливается готовностью Фридриха содѣйствовать безотлагательному окончанію войны. Очевидно, императрица питала надежду, что при этомъ случаѣ на ея долю выпадетъ роль посредницы между Фридрихомъ и его противниками [2]).

Князь Репнинъ, находившійся въ это время въ качествѣ дипломата при Фридрихѣ II, въ первой депешѣ своей новой императрицѣ, отъ 12 іюля, изъ лагеря при Бегендорфѣ, описывалъ, какъ онъ извѣстилъ Фридриха II о событіи 28 іюня, когда король еще не зналъ, что распоряженія Салтыкова не одобрены въ Петербургѣ. Во все продолженіе разговора король, по словамъ Репнина, «весьма былъ смутенъ, опасаясь чрезвычайно, чтобъ не разрушилось какъ настоящее согласіе между имъ и императрицею». Вечеромъ король опять призвалъ къ себѣ Репнина и разспрашивалъ, не можетъ ли онъ дознаться, что подало поводъ сдѣланнымъ въ Пруссіи объявленіямъ (по поводу обратнаго движенія русскихъ войскъ), не сомнѣніе ли какое, чтобъ онъ, по прежнимъ обязательствамъ, хотѣлъ какимъ нибудь образомъ препятствовать царствованію императрицы; при этомъ Фридрихъ увѣрялъ, что, такъ какъ бывшій императоръ самъ письменно отрекся отъ престола, то противъ такого обнародованнаго доказательства никому идти нельзя, и что онъ, хотя бы и хотѣлъ, но собственныя его дѣла къ тому бы его не допустили; наконецъ, онъ тотчасъ же призналъ Екатерину царствующею императрицею. Фридрихъ требовалъ также, чтобъ Репнинъ донесъ императрицѣ, угодно ли будетъ, чтобъ баронъ Гольцъ остался министромъ при ея дворѣ [3]).

Русскій дипломатъ Корфъ, находившійся въ Берлинѣ, когда тамъ было получено извѣстіе о перемѣнѣ въ Россіи, писалъ Екатеринѣ: «Когда тамъ узнали о вступленіи на престолъ вашего величества, ужасъ былъ такъ великъ, что королевскую казну ночью отвезли въ Магдебургъ» [4]).

---

[1]) См. письмо Гольца къ Фридриху II въ сочин. Шлёцера: «Friedrich der Grosse und Katharina II». Berlin, 1859. 108—109.

[2]) См. статью Мартенса о Россіи и Пруссіи въ «Вѣстникѣ Европы» 1882 май, 226—239.

[3]) Соловьевъ, XXV, 189—190.

[4]) Тамъ-же, XXV, 202.

Марія-Терезія, императрица австрійская.

Съ гравированнаго портрета Киліана.

Во всякомъ случаѣ, на первыхъ порахъ Фридрихъ не довѣрялъ безусловно расположенію къ нему императрицы. Когда Репнинъ старался успокоить его, то король потребовалъ, чтобъ онъ изложилъ свои увѣренія на бумагѣ, которую можно бы было показать иностраннымъ министрамъ; но Репнинъ на это не рѣшился. Когда затѣмъ Репнинъ предлагалъ королю добрыя услуги Россіи для заключенія мира, Фридрихъ не изъявилъ готовности принять это предложеніе.

Между тѣмъ вопросъ о посредничествѣ не переставалъ занимать Екатерину. Въ концѣ іюля, она предложила своимъ совѣтникамъ нѣкоторые собственноручно написанные пункты объ этомъ предметѣ [1]). Отвѣты соотвѣтствовали бо̀льшею частью видамъ Екатерины [2]). Особенно важнымъ казался вопросъ: оставить ли войска Чернышева въ Германіи для поддержанія дипломатическихъ дѣйствій Россіи, или отозвать ихъ обратно въ отечество? Почти всѣ сановники требовали оставленія войска за границею. Голицынъ указывалъ на опасность, грозившую всѣмъ сосѣдямъ со стороны Пруссіи. Екатерина рѣшила: возвратить войско въ Россію. Одновременно она поручила Репнину понуждать прусскаго короля къ миру съ Австріею и Саксоніею.

Однако, Фридрихъ обнаруживалъ намѣреніе овладѣть Саксоніею; когда Репнинъ сталъ представлять ему объ очищеніи этой страны, король началъ обходиться съ нимъ холодно, такъ что Репнинъ просилъ у императрицы позволенія уѣхать изъ лагеря въ Берлинъ, чтобъ «не подвергнуть неучтивости свой посольскій характеръ». Когда Репнинъ заговорилъ о конгрессѣ, Фридрихъ отвѣтилъ, что на конгрессъ никакъ не согласится. «Король,» доносилъ Репнинъ, «когда я чуть коснусь этой матеріи или возстановленія мира, прерываетъ разговоръ и съ неудовольствіемъ отъ меня уходитъ».

Екатерина собственноручно написала иностранной коллегіи инструкцію для передачи Репнину: «При пристойномъ случаѣ князю Николаю Репнину въ разговорѣ внушить королю прусскому, будто бы отъ себя, что видимая его склонность къ войнѣ можетъ удержать меня отъ вящшей дружбы съ нимъ, королемъ, хотя нѣкоторые между нами есть сходственные интересы. Когда королевскія рѣчи покажутся склонны къ войнѣ, тогда посланнику подавать виды склонности къ вѣнскому двору; а когда къ миру

[1]) Соловьевъ, XXV, 192.
[2]) Отвѣты Волконскаго въ «Осьмнадцатомъ Вѣкѣ», I, 80—82.

покажетъ желанье, тогда на его сторону говорить, показывая при всякомъ случаѣ крайнее мое желаніе видѣть миръ и тишину». «Сомнѣваюсь», отвѣчаетъ Репнинъ, «чтобъ можно было склонить короля къ какой нибудь уступкѣ; развѣ сдѣлать это силою оружія, а иначе невозможно».

Людовикъ XV, король французскій.

Съ гравюры Пети, сдѣланной съ портрета, писаннаго Ліотаромъ.

26 ноября, Репнинъ имѣлъ разговоръ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Финкенштейномъ, причемъ представилъ рѣшительно о необходимости очищенія Саксоніи и вознагражденія ея, безъ чего прочный миръ невозможенъ. Финкенштейнъ сказалъ: «Прежде съ русской стороны упоминалось только объ очи-

щеніи Саксоніи, а теперь пошло дѣло уже и о вознагражденіи». Во все время разговора, доносилъ Репнинъ, Финкенштейнъ былъ въ великой торопости, говорилъ дрожащимъ голосомъ, самъ дрожалъ [1]).

Такимъ образомъ, Фридрихъ II легко могъ убѣдиться въ томъ, что отъ посредничества Россіи нельзя было ожидать значительныхъ выгодъ для Пруссіи. Поэтому онъ долженъ былъ желать заключенія мира безъ содѣйствія Екатерины.

Около этого времени король и императрица обмѣнивались письмами, въ которыхъ обнаруживается необычайныя дипломатическія способности обоихъ государей.

Императрица писала изъ Москвы, 17 ноября 1762 года, между прочимъ: «Я чистосердечно сознаю, что принятая мною система не можетъ одинаково нравиться всѣмъ моимъ друзьямъ... но я слѣдовала въ этомъ случаѣ правосудію, интересу своей имперіи и своей любви къ истинѣ... однимъ изъ первыхъ моихъ дѣлъ было конфирмовать миръ и упрочить единомысліе, установившееся между нашими государствами... Графъ Чернышевъ полагаетъ, что замѣтилъ желаніе мира въ вашемъ величествѣ, и что мои добрыя услуги были бы пріятны вамъ... между тѣмъ я съ огорченіемъ вижу, что эта счастливая минута, вмѣсто того, чтобы приблизиться — отдаляется все болѣе и болѣе; мнѣ говорятъ со всѣхъ сторонъ, что ваше величество противится тому и, правда, все, что я могла предложить вамъ, не достигло цѣли....; признаюсь разногласіе нашихъ мнѣній радуетъ тѣхъ, кто ничего не ищетъ, какъ только видѣть несогласіе между нами... скажу вамъ просто: не найдется ли способовъ къ заключенію мира?... Я могла бы дѣйствовать иначе; я имѣла къ тому средства въ рукахъ и имѣю ихъ еще доселѣ; ваше величество слишкомъ проницательны, чтобы не видѣть того, что̀ побуждаетъ меня говорить съ вами такимъ образомъ — это желаніе, чтобы не было между нами разлада... я знаю, что вѣнскій дворъ склоненъ къ миру. Я могла бы передать вашему величеству сдѣланныя откровенныя сообщенія, если бы могла ожидать того же со стороны вашего величества, но къ несчастію вы отказались отъ того, и я сильно опасаюсь, что мои личныя намѣренія останутся безъ исполненія и что я буду вовлечена въ планы, противные моимъ желаніямъ и склонностямъ, равно какъ и чувствамъ искренней дружбы къ вашему величеству».

[1]) Соловьевъ, XXV, 199.

Фридрихъ отвѣчалъ изъ Лейпцига, 22 декабря, что письмо Екатерины,—которое въ сущности заключало въ себѣ угрозы—доставило ему величайшее удовольствіе. «Я знаю», продолжалъ король, «тѣхъ, кто обвиняетъ меня въ нежеланіи мира: это британское министерство, желающее, чтобы я пожертвовалъ своими интересами... До сихъ поръ число моихъ враговъ не заставило меня заключить миръ... въ настоящее время, когда императрица-королева находится почти въ разобщеніи со всѣми, можно надѣяться, что она возъимѣетъ болѣе умѣренныя намѣренія... Кто лучше желаетъ мира: австріецъ ли, желающій одерживать побѣды, или пруссакъ, требующій только того, что̀ принадлежало ему?... Ваше величество объявили съ самаго начала своего царствованія, что не желаете вмѣшиваться въ эту войну и допускаете рѣшить ея участь тѣмъ, кто вовлеченъ въ нее... я достигъ нѣкоторыхъ выгодъ, доставляющихъ мнѣ возможность вести переговоры на болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ прежде... я хотѣлъ просить вашего посредничества для мира, который долженъ отложить нынѣ, не зная, на что̀ положиться... Добрые совѣты вашего величества будутъ не мало способствовать къ смягченію непреклонности нѣкоторыхъ слишкомъ мало уступчивыхъ умовъ», и пр. [1]).

Екатеринѣ понравилось это письмо короля. Увидя прусскаго посланника на придворномъ маскарадѣ, она, поговоривъ съ нимъ сначала о постороннихъ дѣлахъ, прибавила въ полголоса: «То что вы прислали мнѣ вчера, доставило мнѣ чрезвычайное удовольствіе; прошу васъ благодарить короля отъ моего имени» [2]).

Графъ Сольмсъ, прусскій посланникъ, прибывшій въ Москву въ концѣ ноября 1762 года, бесѣдуя то съ императрицею, то съ Панинымъ, Воронцовымъ и Голицынымъ, старался устранить отъ дѣлъ графа Бестужева, не даромъ считавшагося завзятымъ противникомъ Пруссіи. Пріѣхавъ 18 декабря къ канцлеру на вечеръ, Сольмсъ вступилъ съ нимъ, подъ видомъ разговора, въ подробныя разсужденія о дѣлахъ. «Король, мой государь, удивляется, началъ Сольмсъ, какъ сильно ея величество изволитъ интересоваться саксонскимъ дворомъ, когда тотъ поступками своими не только не заслуживаетъ заступленія ея величества, но болѣе достоинъ мести за радость, оказанную имъ при извѣстіи о заговорѣ (Хрущевскомъ) противъ ея величества; я могу увѣрить, что при этомъ случаѣ дрезденскій дворъ вездѣ разглашалъ въ

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XX, 162—158.
[2]) Reimann, «Neuere Geschichte des preussischen Staats». Gotha, 1882. I, 48.

Польшѣ, что хотя первое покушеніе было и неудачно, однако новое покушеніе, которое послѣдуетъ въ ноябрѣ, непремѣнно произведетъ перемѣну въ правленіи».

Такимъ образомъ, прусское правительство старалось повредить своимъ противникамъ въ глазахъ Екатерины; однако, отношенія между нею и королемъ еще нѣкоторое время оставались неопредѣленными. Въ декабрѣ 1762 года Фридрихъ писалъ къ Финкенштейну: «При настоящихъ обстоятельствахъ надобно выигрывать время и идти потихоньку. До сихъ поръ я не знаю, въ какихъ отношеніяхъ мы съ Россіею; я имѣю важныя причины думать, что тамъ не захотятъ разорвать съ нами... я не думаю, чтобъ Австрія имѣла большое вліяніе въ Петербургѣ» [1]).

Король былъ правъ: не было основанія ожидать сближенія Россіи съ Австріею.

Получивъ извѣстіе о государственномъ переворотѣ 26 іюня, Марія-Терезія собственноручнымъ письмомъ поздравила Екатерину съ восшествіемъ на престолъ: «По моему мнѣнію — писала императрица-королева — послѣ покойной императрицы Елизаветы, никто не могъ быть достойнѣе престола и никто не могъ достойнѣе замѣстить ее въ моемъ сердцѣ, какъ ваше величество. Жажду случая доказать вашему величеству мои чувства. Я такъ много полагаюсь на проницательность и взаимную вашу ко мнѣ дружбу, что надѣюсь отъ нея всего, чего только требуютъ наши общіе интересы и чего можно ожидать отъ вашего великодушія». Отвѣтъ Екатерины заключался въ общихъ увѣреніяхъ дружбы [2]).

Въ разговорахъ съ Воронцовымъ, Голицынымъ и Панинымъ, австрійскій дипломатъ, графъ Мерси, къ крайнему своему неудовольствію, долженъ былъ слышать повторенія одной и той же фразы, что Россія нуждается въ мирѣ. Начали говорить о медіаціи Россіи при предстоявшемъ заключеніи мира. Вскорѣ Мерси могъ убѣдиться въ томъ, что Австрія ни въ чемъ не могла надѣяться на Россію. Онъ объявилъ въ конференціи 20 августа, что между заявленіями русскихъ министровъ и манифестомъ, опубликованнымъ при восшествіи на престолъ императрицы, существуетъ противорѣчіе, именно, подтвержденъ съ Пруссіею такой миръ, о которомъ въ манифестѣ всенародно объявлено, что онъ заключенъ съ самымъ опаснымъ для Россіи непріятелемъ съ ущербомъ славы русскаго оружія. Заявленія Мерси легко могли

---

[1]) Соловьевъ, XXV, 200—201.
[2]) Тамъ-же, XXV, 223—224.

привести въ раздраженіе русскихъ министровъ [1]). Когда со стороны Панина было сдѣлано предложеніе о медіаціи, Мерси отклонилъ его, замѣтивъ, что австрійскій дворъ смотритъ на русскій, какъ на союзный, а не нейтральный [2]). При такомъ поло-

Георгъ III, король англійскій.

Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія Купера.

женіи дѣлъ, дипломатическая дѣятельность русскаго посла въ Вѣнѣ, Голицына, не могла имѣть успѣха. Одновременно черезъ Голицына изъ Вѣны и черезъ Репнина изъ Берлина въ Петербургѣ узнали о переговорахъ, имѣвшихъ слѣдствіемъ заключеніе Губертсбургскаго мира. Россія не могла участвовать въ этихъ

---

[1]) Соловьевъ, XXV, 224—225.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», XVIII, 458.

переговорахъ; миръ состоялся безъ содѣйствія Екатерины. Напрасно король Фридрихъ II предложилъ включить Россію въ договоръ, въ качествѣ державы, состоящей въ дружескихъ сношеніяхъ съ договаривающимися правительствами, — австрійскіе дипломаты рѣшительно отклонили это предложеніе [1]).

Вскорѣ послѣ этого, главнымъ предметомъ обсужденія въ дипломатическихъ сношеніяхъ между Пруссіею и Россіею явились польскія дѣла, которыя не преминули содѣйствовать сближенію обоихъ государствъ.

Французскій дворъ, наравнѣ съ австрійскимъ, былъ сначала чрезвычайно обрадованъ извѣстіемъ о воцареніи Екатерины, но вскорѣ увидѣлъ себя обманутымъ въ своихъ ожиданіяхъ. Чернышевъ, русскій посолъ въ Парижѣ, писалъ о радости, съ которою не только дворъ, но и общество, приняли вѣсть о государственномъ переворотѣ. Къ этой радости примѣшивалась досада, что французскаго посланника, барона Бретёля, въ это время не было въ Петербургѣ [2]). Къ тому же, оказалось, что донесенія Бретёля до воцаренія Екатерины заключали въ себѣ несправедливую оцѣнку характера, ума и способностей новой государыни, которую во Франціи считали остроумною, но нѣсколько поверхностною женщиною; далѣе не считали вѣроятнымъ, что она долго удержится на престолѣ. Въ этомъ смыслѣ выразился король Людовикъ XV въ письмѣ къ Бретёлю, замѣчая, что Россія, занятая внутренними кризисами, не будетъ имѣть возможности принимать участіе въ обще-европейскихъ, напримѣръ, польскихъ, дѣлахъ. Король выразилъ надежду, что Франція станетъ дѣйствовать въ этомъ отношеніи успѣшно, не допуская развитія вліянія Россіи въ Польшѣ [3]).

Французскій дворъ жестоко ошибался, разсчитывая на слабость Россіи. Именно вмѣшательство въ польскія дѣла обнаруживало чрезвычайную силу Россіи, между тѣмъ какъ Франція должна была довольствоваться ролью празднаго зрителя при событіяхъ, имѣвшихъ цѣлью окончательное уничтоженіе самостоятельности Польши.

Уже прежде, бывши великою княгинею, Екатерина не обнаруживала расположенія къ Франціи. Съ французскимъ дипломатомъ Л'Опиталемъ (l'Hôpital) она обращалась холодно и надменно. Въ первое время царствованія Екатерины, французскій дипломатъ при русскомъ дворѣ, Бретёль, не имѣлъ особеннаго значенія. По-

[1]) Reimann, 49.
[2]) Соловьевъ, XXV, 228.
[3]) Jauffret, «Cathérine II et son règne». Paris, 1860, I, 183.

Фридрихъ V, король датскій.

Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія Зифанга.

литическія отношенія между Россіею и Версальскимъ дворомъ оставались холодными. Франція все еще медлила формальнымъ признаніемъ императорскаго титула; по этому вопросу происходили переговоры между обѣими державами. Во время Семилѣтней войны, при тѣсномъ союзѣ, существовавшемъ между Франціею и Россіею, шла регулярная и тайная переписка, въ которой обѣ державы сообщали другъ другу подробности хода дѣлъ. Екатерина приказала прекратить эту переписку, которую называла «безполезною болтовнею» [1]).

Нельзя удивляться тому, что при такихъ обстоятельствахъ отзывы Людовика XV, Бретёля и Шуазеля о Екатеринѣ были неблагопріятны. Въ то время когда образъ дѣйствій Россіи въ отношеніи къ Турціи и Польшѣ возбуждалъ негодованіе французскаго двора, Людовикъ XV въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ осуждалъ личность Екатерины [2]). Бретёль принадлежалъ постоянно къ противникамъ Россіи; то же самое можно сказать о французскомъ дипломатѣ Сабатье-де-Кабръ, бывшемъ въ Россіи въ семидесятыхъ годахъ. Во все это время, однако, Екатерина, не нуждаясь въ союзѣ съ Франціею, могла быть вполнѣ равнодушною къ образу мыслей короля и его министровъ. Франція не была въ состояніи препятствовать мѣрамъ, принимаемымъ Россіею относительно Польши и Турціи.

Въ Англіи, совершенно такъ же, какъ и во Франціи, во время воцаренія Екатерины господствовало нерасположеніе къ Фридриху II. Неуступчивость короля въ отношеніи къ Австріи и Саксоніи при окончаніи Семилѣтней войны возбуждала сильное негодованіе англійскихъ государственныхъ дѣятелей. Екатерина дорожила дружбою Англіи. 21 сентября она писала канцлеру Воронцову: «Писать къ графу Александру Воронцову (русскому послу въ Англіи), дабы онъ въ разговорѣ отозвался, сколь велико мое желаніе видѣть миръ; но съ немалымъ прискорбіемъ понимаю несклонность короля прусскаго къ такому полезному для рода человѣческаго предмету и что столь несходственные сентименты весьма отдаляютъ меня отъ сего государя» [3]).

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, VII, 647. «Сб. Ист. Общ.», VII, 221—223.

[2]) Въ одной инструкціи, составленной для одного французскаго дипломата, сказано о Россіи: «Nous connaissons l'animosité de cette cour contre la France. Le roi méprise si profondément la princesse, qui règne dans ce pays, ses sentiments et sa conduite, que notre intention n'est pas de faire un seul pas pour la faire changer. Le roi pense que la haine de Cathérine II est beaucoup plus honorable, que son amitié» и пр. Jauffret, I, 300—301.

[3]) Соловьевъ, XXV, 231.

Впрочемъ, не было основанія ожидать существенныхъ выгодъ отъ союза съ Англіею, такъ какъ эта держава, по донесенію Воронцова, по возможности избѣгала вмѣшиваться въ дѣла континента. Въ Англіи считали вѣроятнымъ сближеніе Россіи съ Франціею, и поэтому желали заключенія союза между Россіею, Англіею и Австріею. Переговоры о заключеніи русско-англійскаго торговаго трактата не имѣли особеннаго значенія. Только нѣсколько позже сношенія между Англіею и Россіею сдѣлались болѣе важными.

Восшествіе на престолъ Екатерины произвело непріятное впечатлѣніе въ Константинополѣ. Обрѣзковъ писалъ (отъ 27 августа), что въ то время, когда Порта находилась въ самыхъ пріятныхъ мысляхъ, видя Вѣнскій дворъ въ крайнемъ ослабленіи, извѣстіе о восшествіи на престолъ Екатерины поразило ее какъ громомъ. Переводчикъ Порты, приходившій къ Обрѣзкову съ представленіемъ, навѣдывался: какія будутъ теперь отношенія между русскимъ и австрійскимъ дворомъ? сохранится ли заключенный съ прусскимъ королемъ мирный договоръ? датское дѣло дойдетъ ли до крайности, или полюбовно уладится? Обрѣзковъ отвѣчалъ, что прежнія отношенія между императорскими дворами нисколько не прекращены, и, если союзъ ослабѣлъ по личному пристрастію бывшаго императора, то теперь получитъ прежнюю силу, чему служитъ доказательствомъ возвращеніе корпуса Чернышева. Мирный договоръ съ Пруссіею будетъ соблюденъ ненарушимо. Въ датскомъ дѣлѣ ни до какой крайности не дойдетъ, но все дружелюбнымъ образомъ уладится. Все это говорилось съ тою цѣлью, чтобы заставить Порту отложить всякіе враждебные замыслы противъ Австріи. Между тѣмъ Фридрихъ II далъ знать Портѣ, что его вліяніе при дворѣ Екатерины II такъ же сильно, какъ было при дворѣ Петра III. Переводчикъ Порты пришелъ поэтому къ русскому послу провѣдать, что̀ онъ думаетъ о такихъ увѣреніяхъ прусскаго короля. Обрѣзковъ отвѣчалъ, что это новыя хитрости прусскаго короля; въ доказательство, что прусскаго вліянія въ Петербургѣ нѣтъ, Обрѣзковъ представлялъ, какъ выражается о прусскомъ королѣ манифестъ Екатерины, обнародованный при восшествіи ея на престолъ, и возвращеніе Чернышевскаго корпуса [1]).

Совсѣмъ иначе подѣйствовало извѣстіе о воцареніе Екатерины въ Копенгагенѣ. Во время царствованія Петра III, въ Даніи ожидали со дня на день нападенія русскихъ войскъ. Устраненіе Петра могло считаться для Даніи спасеніемъ отъ крайней опасности.

---

[1]) Соловьевъ, XXV, 223.

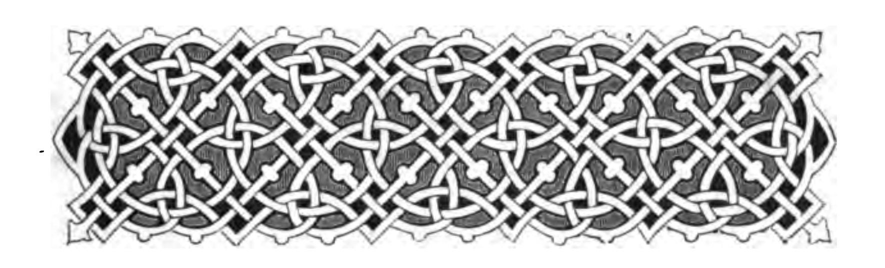
Русскій дипломатъ Корфъ, пріѣхавшій въ это время въ Копенгагенъ, былъ принятъ съ великою радостью. Король не находилъ словъ для выраженія своей благодарности императрицѣ за ея увѣренія въ дружбѣ и говорилъ о своемъ уваженіи къ русскому народу. «Не только дворъ — писалъ Корфъ — но и всѣ жители датскихъ провинцій, черезъ которыя я проѣзжалъ, до послѣдняго крестьянина, обнаруживали радость, вслѣдствіе нечаянной перемѣны въ ихъ судьбѣ».

Однако, вскорѣ Данія почувствовала силу воли Екатерины. Датскій король считалъ себя въ правѣ сдѣлаться опекуномъ Павла Петровича, какъ малолѣтняго герцога Голштинскаго. Екатерина писала собственноручно иностранной коллегіи: «Удивленія достоенъ поступокъ короля датскаго, который объявилъ мнѣ, будто онъ права имѣетъ обще со мною опекунство сына моего въ Голштиніи на себя взять. Я оныя права признать не могу», и пр. Въ заключеніи собственноручной записки Екатерины сказано: «Съ королемъ датскимъ же въ негоціацію отнюдь вступать не буду до тѣхъ поръ, что всѣ его войска изъ Голштиніи не выведены».

Разумѣется, Данія должна была уступить; Бернсторфъ объявилъ Корфу, что намѣреніе короля въ этомъ дѣлѣ было самое невинное: онъ хотѣлъ только пріобрѣсти дружбу будущаго государя (Павла), но, усмотря, что императрица относительно соопекунства и администраціи голштинскихъ земель не одного мнѣнія съ нимъ, король не преминетъ отказаться отъ своего права, для показанія высокопочитанія и самой искренней дружбы своей, какую только ея величество вообразить себѣ изволитъ [1]).

Таковы были первыя дѣйствія Екатерины въ области внѣшней политики. Какъ видно, самымъ важнымъ вопросомъ для Европы вообще были отношенія новаго правительства въ Россіи къ Фридриху II. Тщетно противники прусскаго короля старались сѣять раздоръ между Екатериною и Фридрихомъ; напрасно они надѣялись на сближеніе между Россіею и Австріею: польскія дѣла повели къ заключенію тѣснаго союза между Россіею и Пруссіею.

[1]) Соловьевъ, XXV, 202—203. «Сб. Ист. Об.», VII, 163—168.

ГЛАВА II.

Отношенія къ Польшѣ до 1768 года.

ЕКАТЕРИНА, съ самаго вступленія своего на престолъ, любила въ бесѣдахъ съ иностранными дипломатами указывать на величіе и могущество Россіи, на громадныя и неисчерпаемыя средства, которыя находились въ ея распоряженіи.

Дѣйствительно, императрица была проникнута убѣжденіемъ въ необходимости для Россіи принимать самое дѣятельное участіе въ европейскихъ дѣлахъ. Къ тому же, она не ограничивалась хвастовствомъ: она была готова дѣйствовать. Говоря постоянно о необходимости сохраненія мира, Екатерина, тѣмъ не менѣе, приняла самыя крутыя мѣры относительно Польши. Ей удалось безъ войны превратить Курляндію и Польшу въ зависимыя отъ Россіи государства. Напротивъ того, стремленіе къ расширенію власти Россіи въ ущербъ Турціи повело къ войнѣ. Съ Польшею Екатерина справилась, ограничиваясь дипломатическими дѣйствіями, полицейскими распоряженіями и военными демонстраціями. Образъ дѣйствій императрицы въ этомъ отношеніи отличался рѣзкостью, невниманіемъ къ правамъ и интересамъ другихъ народовъ и государствъ. Екатерина слѣдовала часто правиламъ Маккіавелли. Главною цѣлью ея было поддержаніе и

развитіе могущества и вліянія Россіи. Въ сношеніяхъ съ великими державами и при столкновеніяхъ и разладѣ съ ними, Екатерина употребляла внѣшнія формы дипломатическаго приличія; въ обращеніи же съ менѣе важными государствами императрица обнаруживала иногда изумительную безцеремонность. Все это, впрочемъ, не было новостью въ области политики, и обсужденіе мѣры нравственности въ такомъ образѣ дѣйствій представляетъ нѣкоторыя затрудненія, возбуждаетъ кое-какія сомнѣнія; но зато никто не станетъ оспаривать, что успѣхи Екатерины въ области внѣшней политики главнымъ образомъ объясняются необычайною энергіею императрицы, ея проницательностью, чрезвычайною способностью къ дѣламъ дипломатическимъ и ея рабочею силою, доставившею ей возможность, не упуская изъ виду общаго значенія политическихъ вопросовъ, заниматься постоянно всѣми мельчайшими подробностями.

Курляндія.

Самымъ блестящимъ началомъ наступательныхъ дѣйствій Екатерины въ области внѣшней политики было вмѣшательство Россіи въ курляндскія дѣла; вмѣшательство это могло считаться какъ бы введеніемъ къ событіямъ, которыя повели къ раздѣлу Польши.

Еще при Петрѣ I была сдѣлана попытка превратить Курляндію въ нѣчто похожее на провинцію Россіи. Когда Биронъ былъ герцогомъ курляндскимъ и въ то же время занималъ первое мѣсто возлѣ императрицы Анны Іоанновны, Россія не могла имѣть сильнаго вліянія на курляндскія дѣла. Въ 1740 году Биронъ палъ, былъ сосланъ въ Сибирь, а оттуда переведенъ въ Ярославль, оставаясь лишь номинально герцогомъ курляндскимъ. Въ 1758 году, польскому королю Августу III удалось, съ согласія императрицы Елизаветы, доставить достоинство герцога курляндскаго своему сыну Карлу. То обстоятельство, что дочь Петра Великаго не противодѣйствовала возведенію польско-саксонскаго принца на курляндскій престолъ, могло считаться какъ бы нарушеніемъ тѣхъ правилъ, которыми русское правительство до сихъ поръ руководствовалось въ отношеніи къ Курляндіи.

Изъ собственноручныхъ набросковъ Екатерины, относящихся къ послѣднему времени царствованія Елизаветы Петровны, мы узнаемъ, что̀ думала въ то время великая княгиня о курляндскихъ дѣлахъ. Здѣсь сказано:

«Говорили, что во всякомъ дѣлѣ есть только два способа, которые слѣдуетъ избрать—это быть справедливымъ или несправедливымъ. Обыкновенно корысть производитъ послѣднее. Въ дѣлѣ о Курляндіи было справедливымъ возвратить дѣтямъ Бирона то, что имъ предназначалось отъ Бога и природы. Если же хотѣли бы слѣдовать корысти, то долженствовало (признаюсь, что не справедливо) беречь Курляндію и изъять ее изъ подъ власти Польши для присоединенія къ Россіи. Кто бы послѣ этого разсужденія сказалъ, что нашли третій способъ, по которому учинена несправедливость безъ извлеченія изъ того и тѣни выгоды? — т. е. отдали Курляндію принцу Карлу. Чрезъ это самое усиливается польскій король, который, слѣдуя политикѣ, усвоенной имъ отъ отца своего, ищетъ только уничтоженія свободы республики. Если онъ будетъ продолжать жить въ Польшѣ, то этого достигнетъ, въ особенности поддерживаемый французскою партіею и нашимъ небреженіемъ къ сторонникамъ свободы и проч. Итакъ, я васъ спрашиваю, что необходимѣе для Россіи: деспотическій ли сосѣдъ, или счастливая анархія, въ которую погружена Польша и которою распоряжаемся мы по своей волѣ? Петръ Первый, лучше знакомый съ дѣломъ, объявилъ себя въ Ништадтскомъ договорѣ 1717 года (sic) поручителемъ за свободу Польши и врагомъ того, кто посягнетъ на нее. Надобно, когда уже хочешь быть несправедливымъ, имѣть выгоду быть таковымъ; но въ дѣлѣ о Курляндіи, чѣмъ болѣе о немъ думаю, тѣмъ менѣе нахожу тамъ здраваго смыслу» [1]).

Аргументація Екатерины въ данномъ случаѣ походитъ на образъ мыслей Маккіавелли въ его сочиненіи «О государѣ». Великая княгиня указывала на альтернативу между началомъ справедливости и началомъ цѣлесообразности. Сдѣлавшись императрицею, Екатерина все болѣе и болѣе руководствовалась правилами политической выгоды. Занимаясь до вступленія на престолъ теоріею вопроса объ обязанностяхъ государя, Екатерина, достигнувъ власти и встрѣчая необходимость дѣйствовать, должна была разстаться съ такимъ доктринаризмомъ и руководствоваться исключи-

---

¹) «Сб. Ист. Общ.», VII, 91—92.

тельно интересами Россіи. Поэтому она относилась къ вопросу о Курляндіи иначе, чѣмъ ея предшественники.

Елизавета допустила саксонскаго принца къ достиженію герцогскаго достоинства въ Курляндіи. Петръ III желалъ возвести на престолъ курляндскій своего дядю Георга, принца Голштинскаго. Въ этомъ смыслѣ русскій дипломатъ въ Митавѣ, Симолинъ, старался дѣйствовать противъ герцога Карла, сѣя раздоръ между нимъ и курляндскимъ дворянствомъ. Въ договорѣ, заключенномъ между Петромъ III и Фридрихомъ II, было рѣшено доставить Курляндію дядѣ императора. Государственный переворотъ 1762 года воспрепятствовалъ осуществленію этого предположенія.

Екатерина, тотчасъ послѣ своего воцаренія, занялась рѣшеніемъ вопроса о судьбѣ Курляндіи. Она обращалась съ Польшею по своему усмотрѣнію и вызвала въ Петербургъ назначеннаго въ Варшаву еще при Петрѣ III русскаго посланника, графа Кейзерлинга, чтобы условиться съ нимъ относительно польскихъ дѣлъ. Въ Варшавѣ тѣмъ временемъ оставался агентъ Ржичевскій, которому императрица посылала собственноручныя инструкціи. Не во всѣхъ отношеніяхъ довольная образомъ дѣйствій Ржичевскаго, Екатерина писала, между прочимъ: «Я вижу, что Ржичевскій весьма влюбленъ въ графа Брюля, а я желаю, чтобъ не по собственнымъ страстямъ, но по моимъ приказаніямъ поступлено было».

Ржичевскому было поручено сообщить польскому министерству о рѣшеніи Екатерины возстановить на курляндскомъ престолѣ Бирона. «Натурально думать», говорилось въ рескриптѣ Ржичевскому, «что хотя король, какъ великодушный государь, съ одной стороны и признаетъ наше правосудіе относительно пострадавшей фамиліи, которая никогда ни въ чемъ не погрѣшила ни передъ нами, ни передъ его короною; съ другой стороны, какъ отецъ, не можетъ онъ не почувствовать горести. Желая сколько возможно утѣшить короля въ печали, и притомъ доказать, что мы дружески заботимся о благосостояніи его и всего его дома, повелѣваемъ вамъ подать обнадеживаніе, что... мы будемъ содѣйствовать не только справедливому удовлетворенію Саксоніи за претерпѣнныя ею разоренія, но содѣйствовать также и вознагражденію принца Карла за потерю Курляндіи посредствомъ секуляризаціи какихъ-либо епископствъ или доставленіемъ другихъ выгодъ; напримѣръ, можно было бы доставить ему епископство минстерское или городъ Эрфуртъ, за который Майнцскій епископъ получитъ эквивалентъ», и проч.

Августъ III потребовалъ, чтобъ Биронъ представилъ прямо ему свои требованія. На это Ржичевскій получилъ рескриптъ, что Биронъ собственно не обязанъ просить о томъ, чего у него никто и ни по какимъ правамъ отнять не могъ.

Августъ III, король польскій.

Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія Шмидта.

Ржичевскій писалъ: «Не могу утаить, что король находится въ большомъ горѣ,—боится, чтобъ сынъ не потерялъ герцогства курляндскаго въ пользу Бирона, и весь дворъ опасается, чтобъ здоровье короля не пострадало отъ этой печали; говорятъ, потерпѣвъ великое разореніе въ Саксоніи, король возлагалъ всю свою

надежду на великодушіе русской императрицы, а теперь и съ русской стороны терпитъ притѣсненія и по курляндскому дѣлу».

Король надѣялся, что польскій сеймъ не согласится на возстановленіе Бирона въ Курляндіи; но сеймъ былъ «разорванъ», вслѣдствіе предписанія Екатерины Ржичевскому дѣйствовать въ этомъ направленіи. Также и старанія австрійскаго дипломата въ Польшѣ дѣйствовать въ пользу принца Карла не имѣли успѣха. Столь же тщетно Брюль неоднократно давалъ знать Ржичевскому, что при будущемъ конгрессѣ всѣ союзные дворы, безъ сомнѣнія, вступятся за принца Карла.

Екатерина въ раздраженіи писала Воронцову, 10 декабря 1762 года: «Велите внушить графу Брюлю, что, если по курляндскимъ дѣламъ онъ единаго противнаго моей волѣ шага сдѣлаетъ, я велю покинуть всѣ мои старанія у короля прусскаго объ Саксоніи, а въ Польшѣ сутенировать всѣмъ, чѣмъ только вздумать онъ можетъ, всѣ тѣ, которые ему злодѣи, и до тѣхъ поръ не перестану, пока его изъ Польши не выгоню». Нарочно Екатерина желала, чтобы все это дошло до саксонскаго резидента въ Петербургѣ, Прассе, котораго она ненавидѣла [1]).

Въ концѣ ноября пріѣхалъ въ Варшаву Кейзерлингъ и началъ «отлично служить». Одновременно, Симолинъ въ Митавѣ дѣйствовалъ съ цѣлью сверженія Карла и возведенія Бирона. Принцъ Карлъ объявилъ, что не признаетъ Симолина русскимъ министромъ, потому что онъ къ нему не аккредитованъ, запретилъ придворнымъ ѣздить къ нему въ домъ и имѣть какія-либо сношенія. Въ отвѣтъ явился изъ Россіи въ Митаву батальонъ русскаго войска, и Симолинъ объявилъ, что батальонъ присланъ для потушенія бываемыхъ иногда при настоящихъ обстоятельствахъ безпорядковъ. Къ тому же, въ Курляндію вошли русскіе полки, возвращавшіеся изъ Пруссіи. Симолинъ успѣшно уговаривалъ депутатовъ сословій стоять за Бирона и доносилъ въ Петербургъ, что почти все шляхетство и мѣщанство, лучше сказать, вся страна нетерпѣливо желаетъ возстановленія Бирона. 13 декабря Симолинъ получилъ рескриптъ, въ которомъ приказывалось внушить принцу Карлу, что императрица «неотмѣнно намѣрена возстановить герцога Эрнста Іогана на курляндскомъ престолѣ, и потому онъ, принцъ Карлъ, выѣхалъ бы изъ Митавы, а ея величество не оставитъ заботиться о его пріустроеніи; если же онъ упорно будетъ сопротивляться намѣреніямъ императрицы, то

---

[1]) См. статью Гейсера въ «Forschungen zur deutschen Geschichte», IX, 8.

легко можетъ статься, что и собственную особу подвергнетъ непріятностямъ». Принцъ отвѣчалъ, что не зависитъ отъ себя, но отъ своего государя родителя, къ которому посылалъ за рѣшеніемъ. 30 декабря пріѣхалъ въ Митаву Биронъ съ сыномъ Петромъ и былъ принятъ ожидавшими его дворянами, которыхъ было до 200. Въ январѣ происходилъ торжественный въѣздъ Бирона въ Митаву; однако, онъ долженъ былъ остановиться въ частномъ домѣ, потому что дворецъ все еще былъ занятъ прежнимъ герцогомъ.

Польскіе комиссары, находившіеся въ Митавѣ, удивлялись пріѣзду новаго герцога, спрашивали Симолина, почему «какой-то Биронъ» въѣхалъ въ городъ съ великимъ торжествомъ, требовали объясненія, почему въ Митавѣ находится столько русскихъ солдатъ, и проч. Фактическая власть была въ рукахъ Симолина, готоваго отстаивать всячески права Бирона[1]).

Императрица, въ мартѣ 1763 года, писала канцлеру Воронцову: «Означите курляндскому депутату аудіенцію сегодня послѣ обѣда въ шесть часовъ и изволъте съ нимъ конферировать о высылкѣ принца Карла изъ Курляндіи, а по новымъ депешамъ графа Кейзерлинга уже, кажется, болѣе нечего обождать. Они никакъ меня не менажируютъ и хотятъ меня принудить. Не вижу, какой имъ прибыли ради, чтобъ я силою зачала, и за мною не станетъ. Они разславливаютъ въ Польшѣ, что я безъ бунта внутренняго у насъ не могу войска сподвинуть. Пора намъ показать, кто мы таковы»[2]).

Слухи объ опасности, въ которой находилась Екатерина, о вѣроятности новыхъ смутъ въ Россіи, постоянно повторялись [3]) и содѣйствовали раздраженію императрицы. Она хотѣла доказать своимъ противникамъ, что не было повода къ опасностямъ. Тѣмъ болѣе энергично она продолжала дѣйствовать въ области внѣшней политики, настаивая, между прочимъ, на удаленіи принца Карла изъ Митавы. Онъ долженъ былъ выѣхать оттуда 16-го апрѣля. Какъ только Симолинъ узналъ объ отъѣздѣ принца, то немедленно послалъ полковника Шредера занять дворецъ, что и было исполнено. Лѣтомъ уѣхали и польскіе комиссары. Мѣсто для Бирона было очищено.

Понятно, что все это поселило сильное неудовольствіе между русскимъ и польскимъ дворами. 21 февраля 1763 года, Екате-

---

[1]) Соловьевъ, XXV, 64, 210—212, 220—223, 300 и слѣд.

[2]) «Архивъ князя Воронцова», VII, 647—648.

[3]) См., наприм., депешу Бенуа изъ Варшавы въ «Forschungen z. deutsche Gesch.», IX, 8.

рина писала Воронцову: «Надлежитъ писать къ графу Кейзерлингу, что я при теперешнихъ обстоятельствахъ съ великимъ удивленіемъ слышу, что при польскихъ близъ Курляндіи и Лифляндіи границахъ собирается войско, что на то я индиферентными глазами смотрѣть не буду и терпѣть не могу, чтобъ присвоилъ себѣ оный дворъ выйтить изъ узаконеній своего королевства, которыя королю не позволяютъ безъ сейма собирать на чужой границѣ войско; а если оное собраніе войскъ цѣлитъ обезпокоить законнаго курляндскаго герцога, Эрнста Іогана, то я имъ объявляю, что я королевскую власть безъ сейма надъ онымъ не признаю, и все, что безъ республики сдѣлано будетъ въономъ дѣлѣ, пріиму какъ нарушеніе польской вольности, которой гарантію я имѣю и защищать намѣрена, а герцога Эрнста Іогана въ свое покровительство принимаю, какъ беззаконно утѣсненнаго владѣтеля».

Когда въ Москву пріѣхалъ уполномоченный отъ Августа III ходатайствовать за сына короля, то ему не позволили ни представляться императрицѣ, ни вступать въ переговоры съ канцлеромъ или вице-канцлеромъ, на томъ основаніи, что у Россіи съ Польшею не было непосредственныхъ сношеній, вслѣдствіе того, что республика не признавала императорскаго титула русскихъ государей. 24 февраля, Екатерина писала Воронцову: «Можно г. Борху сказать, что оные труды лишни, что я не перемѣню своихъ сентиментовъ по курляндскимъ дѣламъ, понеже они основаны на справедливости; ... что удивительна смѣлость его короля, который, любя сына, нарушаетъ правосудіе и узаконенія своего королевства и, что того удивительнѣе, вездѣ упоминаетъ, будто по наученіямъ чьимъ либо поступаю. Можете ему сказать, что уже приходитъ моему достоинству противно оное дѣло болѣе трактовать en avocat и что твердо намѣрена сутенировать то, что я начала, всѣми отъ Бога мнѣ данными способами» [1]).

Въ слѣдующемъ (1764) году, императрица посѣтила возстановленнаго ею герцога Эрнста Іогана въ Митавѣ. Оказалось, что въ сущности не польскій король, а императрица была леннымъ владѣтелемъ Курляндіи. Биронъ принялъ Екатерину чрезвычайно торжественно, какъ бы вассалъ, привѣтствующій свою благодѣтельницу. Не безъ удовольствія императрица описывала подробности оказаннаго ей при этомъ случаѣ почета.

Такимъ образомъ, дѣйствія Екатерины въ отношеніи Курляндіи увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Она сознательно руковод-

---

[1]) Соловьевъ, XXV, 303—304.

Видъ города Митавы въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ гравюры прошлаго вѣка Лоріэ.

ствовалась при этомъ не столько началами правосудія, сколько требованіями интересовъ Россіи. Въ одномъ документѣ, отъ 6-го ноября 1763, сказано: «Прямая выгода нашей имперіи требуетъ, чтобы мы въ сосѣдней землѣ имѣли герцога, не состоящаго въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ польскимъ королемъ, а скорѣе отъ насъ зависящаго»[1]).

Курляндія очень походила на Польшу въ малыхъ размѣрахъ. То, что удалось сдѣлать въ Курляндіи, могло удаться въ бо̀льшихъ размѣрахъ въ Польшѣ. Въ Курляндіи правленіе Бирона могло считаться какъ бы средствомъ для окончательнаго соединенія Курляндіи съ Россіею. Совершенно такъ же вмѣшательство Россіи въ польскія дѣла было лишь приготовленіемъ къ раздѣламъ Польши.

Польша.

Существуютъ различныя мнѣнія относительно польскихъ раздѣловъ. Нелегко рѣшить вопросъ о томъ, кого должно считать главнымъ виновникомъ этого событія. И въ отзывахъ поляковъ, сдѣлавшихся жертвою политики кабинетовъ, и въ заявленіяхъ правительствъ, участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ, есть нѣкоторое пристрастіе, нѣкоторая доля субъективности. Никто не желаетъ считаться главнымъ виновникомъ несчастія, постигшаго Польшу. Исторіографія довольно часто находилась подъ вліяніемъ подобныхъ болѣе или менѣе одностороннихъ взглядовъ, проникнутыхъ духомъ партіи. Съ разныхъ сторонъ слышатся пререканія и обвиненія; по нѣкоторымъ сочиненіямъ, главная отвѣтственность лежала на Россіи; въ другихъ обвиняли главнымъ образомъ Австрію; по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, Фридрихъ II долженъ считаться виновникомъ перваго раздѣла Польши.

Современники этого событія разсуждали иначе. Знаменитѣйшіе писатели Франціи считали польское государство представителемъ религіознаго фанатизма, средневѣковыхъ сословныхъ правъ и экономическаго застоя, или упадка. Екатерина, напротивъ, считалась какъ бы борцомъ за начала терпимости, просвѣщенія, порядка, правосудія. Когда русскія войска явились въ Польшѣ,

---

[1]) Angeberg, «Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques conservants la Pologne 1762 — 1862», стр. 8; у Реймана, «Das preussisch russische Bündniss, v. T. 1764», въ «Zeitschrift für preussische Geschichte, XIV», 381.

Вольтеръ замѣтилъ, что первый разъ въ исторіи военныя дѣйствія оказываются средствомъ для благодѣянія человѣчеству и проч.

И похвала, и порицаніе являются здѣсь равно неумѣстными. Нельзя обсуждать политическія событія, разсматриваемыя какъ результатъ историческаго развитія нѣсколькихъ столѣтій, съ точки зрѣнія частной нравственности. Отвѣтственность, лежащая на образѣ дѣйствій народовъ и правительствъ, не можетъ быть одинакова со вмѣняемостью отдѣльныхъ лицъ.

Къ тому же, въ исторіи раздѣловъ Польши нельзя ограничиваться разборомъ дѣйствій державъ, участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ; нужно принять въ соображеніе и самое состояніе Польши во время катастрофы, средневѣковыя учрежденія этого государства, политическій застой, невозможность обновленія, прогресса, которымъ противодѣйствовали не только иностранныя державы, но и самое польское общество.

Весьма важную роль въ судьбахъ Польши имѣли религіозные вопросы. Совершенно такъ же, какъ на западѣ Испанія была точкою опоры для католической пропаганды, на востокѣ Польша сдѣлалась базисомъ операцій іезуитскаго ордена; Филиппъ II старался дѣйствовать на Англію, Сигизмундъ III — на Швецію; испанскій король содержалъ цѣлую партію въ Парижѣ, польскій — имѣлъ иногда сторонниковъ въ Москвѣ. Нетерпимость дорого обошлась Польшѣ. Вопросъ о диссидентахъ имѣлъ послѣдствіемъ вмѣшательство Пруссіи и Россіи въ польскія дѣла. Раздѣлы Польши собственно начинаются съ присоединенія Малороссіи къ Московскому государству, въ XVII вѣкѣ.

Насильственный образъ дѣйствій государствъ, приступившихъ къ раздѣлу Польши, не былъ новостью ни въ отношеніи къ Польшѣ, ни въ отношеніи другихъ государствъ.

Укажемъ на нѣкоторые примѣры подобныхъ случаевъ.

Въ началѣ XVII вѣка была рѣчь о раздѣлѣ австрійскихъ владѣній. Между саксонскимъ курфирстомъ Августомъ II и Франціею происходили переговоры объ этомъ дѣлѣ. Война за австрійское наслѣдство была слѣдствіемъ подобныхъ же намѣреній, клонившихся къ раздѣлу этого государства; потеря Силезіи для Австріи была чѣмъ то въ родѣ такого же «démembrement», какимъ было событіе 1772 года для Польши.

Въ началѣ XVII вѣка Московскому государству грозила опасность раздѣла между Швеціею и Польшею. Столѣтіемъ позже просоединеніе Прибалтійскаго края къ Россіи было чѣмъ-то въ

родѣ «démembrement» Швеціи. Паткуль мечталъ о раздѣлѣ Шведскаго государства вообще. Во время царствованія короля Карла II, въ Испаніи было составлено нѣсколько проектовъ раздѣла Испаніи между Франціею, Австріею и Англіею. Такимъ же духомъ насилія проникнуто намѣреніе австрійскаго правительства присоединить къ своимъ владѣніямъ Баварію и вознаградить баварскаго курфирста, императора Карла VII, Эльзасомъ, Лотарингіею и проч. Во время Семилѣтней войны, противники Фридриха II мечтали о раздѣлѣ Пруссіи и т. п.

Что касается Польши, то опасность раздѣловъ для этого государства была, такъ сказать, хроническою болѣзнію.

Еще въ XIV столѣтіи было сдѣлано предложеніе раздѣлить Польшу между нѣмецкимъ орденомъ, Австріею, Венгріею и проч. Въ концѣ XVI вѣка, въ Москвѣ появилась мысль о раздѣлѣ Польши между Россіею и Австріею. Въ 1657 году, шведскій король Карлъ-Густавъ предложилъ Фридриху Вильгельму, великому курфирсту, и императору Леопольду приступить къ раздѣлу Польши. Въ 1660 году, возобновились переговоры по этому предмету, причемъ французское правительство узнало объ этихъ намѣреніяхъ и сообщило о томъ польскому правительству. Янъ Казиміръ предсказывалъ на сеймѣ 1661 года раздѣлъ Польши между Московскимъ государствомъ, бранденбургскимъ курфиршествомъ и Австріею. Въ 1667 году, опасность раздѣла Польши заставила Людовика XIV заключить съ шведскимъ королемъ договоръ, имѣвшій цѣлью препятствовать осуществленію намѣреній Австріи, царя и курфирста въ отношеніи Польши. Во время Сѣверной войны, самимъ королемъ Августомъ II былъ составленъ проектъ раздѣла Польши. Въ Пруссіи явилась эта же мысль около 1709 года, однако Петръ Великій не согласился на осуществленіе ея. Въ 1732 году, польскій король изъявилъ готовность уступить Австріи Ципское графство и т. п.

Условіемъ раздѣловъ Польши было сохраненіе анархіи въ Рѣчи Посполитой. Не даромъ уже Паткуль совѣтовалъ Петру во что бы то ни стало не допускать политическихъ реформъ въ Польшѣ: этимъ способомъ можно было препятствовать усиленію Польши. Въ этомъ отношеніи совпадали вполнѣ желанія правительствъ Россіи и Пруссіи.

Во время царствованія Елизаветы, нельзя было думать о соглашеніи между Россіею и Пруссіею относительно польскихъ дѣлъ. Зато въ договорѣ, заключенномъ между Петромъ III и Фридрихомъ II, въ третьемъ сепаратномъ параграфѣ, было рѣшено всячески

Эрнстъ-Іоаннъ Биронъ, герцогъ курляндскій.

Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія Соколова.

препятствовать нововведеніямъ въ государственномъ строѣ Польши, превращенію ея въ наслѣдственную монархію и проч. Обѣ державы обѣщались также взаимно покровительствовать диссидентамъ въ Польшѣ. Всѣ эти соглашенія оставались въ полной силѣ и послѣ вступленія на престолъ Екатерины. Такимъ образомъ, каждую минуту можно было ожидать вмѣшательства Пруссіи и Россіи во внутреннія дѣла Польши. Самымъ удобнымъ поводомъ для этого послужила предстоявшая перемѣна на польскомъ престолѣ.

Выборъ короля.

Уже въ то время, когда императрица, осенью 1762 года, находилась въ Москвѣ по случаю своей коронаціи, ее занимала мысль о кандидатурѣ ея бывшаго любимца, Станислава-Августа Понятовскаго, на польскій престолъ. Съ тѣхъ поръ какъ Понятовскій, въ 1758 году, долженъ былъ покинуть Россію, Екатерина находилась съ нимъ въ перепискѣ. Она сообщила ему коекакія подробности о государственномъ переворотѣ. Она изъ Москвы отправила къ нему драгоцѣнный подарокъ: Андреевскій орденъ и значительную сумму денегъ [1]). Онъ долженъ былъ сдѣлаться орудіемъ русской политики въ Польшѣ.

Въ то же время въ Москву былъ вызванъ изъ Бѣлоруссіи епископъ Георгій Конисскій, для полученія отъ него свѣдѣній о состояніи православной церкви въ этомъ краѣ. Въ отвѣтъ на вопросъ императрицы: «какія политическія выгоды можетъ представить для Россіи защищеніе православныхъ въ Польшѣ», однимъ игуменомъ православнаго монастыря была составлена записка, въ которой выставлялось на видъ, что императрица должна оказывать покровительство не только православнымъ, но и лютеранамъ и кальвинистамъ, и что въ такомъ случаѣ будетъ возможно присоединить къ Россіи нѣкоторую часть Польши; императрица должна сблизиться съ Пруссіею: еще Петръ I былъ гораздо болѣе расположенъ къ протестантамъ, чѣмъ къ французамъ и полякамъ [2]).

Не даромъ въ Польшѣ болѣе всего опасались сближенія между Россіею и Пруссіею и подозрѣвали существованіе соглашенія

---

[1]) «Русская Старина», I, 237.

[2]) См. статью Рѣпелля въ «Historische Zeitschrift», XVIII, 86.

между обѣими державами относительно Польши: считали вѣроятнымъ, что Польша потеряетъ нѣсколько областей, которыя пойдутъ на вознагражденіе Россіи за возвращеніе Пруссіи Фридриху II. Графъ Брюль, поэтому, старался дѣйствовать на Чарторыйскихъ, въ надеждѣ, что, задобривъ племянника послѣднихъ, Понятовскаго, можно будетъ отклонить крайнюю бѣду отъ Польши[1]). Вскорѣ оказалось, что со стороны Екатерины и Понятовскаго Польшѣ грозила гораздо сильнѣйшая опасность, нежели до того со стороны Петра III.

И во Франціи въ то время считали весьма вѣроятнымъ соглашеніе между Пруссіею и Россіею, имѣвшее цѣлью раздѣлъ Польши[2]).

Вскорѣ нужно было заняться вопросомъ о замѣщеніи польскаго престола. Король Августъ III, въ январѣ 1763 года, заболѣлъ опасно. Ожидали, въ ближайшемъ будущемъ, его кончины, воспослѣдовавшей, впрочемъ, не ранѣе какъ въ октябрѣ этого же года.

Сообщая императрицѣ о заключеніи Губертсбургскаго мира, Фридрихъ II, 15-го февраля 1763 года, писалъ, что теперь пора заняться польскими дѣлами, что Августъ III опасно боленъ. «Если бы — продолжалъ Фридрихъ — смерть его случилась неожиданно, то должно опасаться, чтобы при этомъ случаѣ, по интригамъ разныхъ дворовъ, не возгорѣлось снова едва потухшее пламя войны. Я готовъ участвовать во всѣхъ мѣрахъ, какія вамъ будетъ угодно предложить по этому предмету, и, чтобы скорѣе приступить къ дѣлу, я считаю должнымъ открыто объясниться о томъ съ вашимъ императорскимъ величествомъ. Изъ всѣхъ претендентовъ на польскую корону, законы здравой политики обязываютъ меня, государыня, выключить только принцевъ австрійскаго дома, и, на сколько я знакомъ съ интересами Россіи, то мнѣ кажется, что по этому вопросу ея выгоды достаточно отвѣчаютъ моимъ. Впрочемъ, я соглашусь избрать изъ всѣхъ претендентовъ того, котораго вы предложите; однако, долженъ прибавить, что нашимъ общимъ интересамъ приличествуетъ, чтобы то былъ Пястъ, а не иной кто». Прося Екатерину высказать свое мнѣніе, Фридрихъ обращалъ вниманіе ея на необходимость хранить все дѣло въ глубокой тайнѣ, «чтобы не возбуждать коварныхъ дѣйствій противниковъ Россіи и Пруссіи». Екатерина отвѣчала, что вполнѣ согласна на избраніе Пяста, «но такого, который не стоялъ бы на краю могилы и не получалъ бы жа-

---

[1]) Соловьевъ, XXV, 63.
[2]) Jauffret, I, 91.

лованья ни отъ какой изъ державъ»[1]). Можно считать вѣроятнымъ, что Екатерина выключала изъ числа этихъ державъ Россію, такъ какъ Понятовскій постоянно получалъ деньги отъ Россіи.

Начались подробные переговоры о польскихъ дѣлахъ между Панинымъ и Сольмсомъ[2]). Переписка между Екатериною и Фридрихомъ становилась болѣе и болѣе оживленною. Оказалось, что интересы Пруссіи и Россіи въ отношеніи Польши были тождественными. И Фридрихъ, и Екатерина всячески противодѣйствовали избранію на польскій престолъ саксонскаго принца, между тѣмъ какъ именно этого желали Людовикъ XV и Марія Терезія. Происходили переговоры о заключеніи тѣснаго союза между Пруссіею и Россіею. Цѣлью союза служило устройство польскихъ дѣлъ. Фридрихъ, въ сентябрѣ 1763 года, между прочимъ сообщилъ императрицѣ о полученныхъ имъ изъ Вѣны извѣстіяхъ, что австрійскій кабинетъ находится въ сильномъ безпокойствѣ, ожидая вмѣшательства Россіи въ польскія дѣла. Король писалъ: «Вы дадите короля Польшѣ, безъ того, чтобы возгорѣлась снова война... Саксонцы сильно встревожены... крики поляковъ не болѣе, какъ простой шумъ... нужно усыпить ихъ, чтобы они не могли принять во время мѣръ, могущихъ затруднить наши намѣренія» и пр.

Въ отвѣтномъ письмѣ Екатерины сказано между прочимъ: «Мы, какъ можно тише, съ помощью вашего величества, дадимъ, когда представится къ тому случай, короля Польшѣ»[3]).

Тѣмъ временемъ Екатерина старалась узнавать о настроеніи умовъ относительно замѣщенія польскаго престола. Русскому повѣренному въ дѣлахъ при французскомъ дворѣ, князю Д. А. Голицыну, она поручила спросить министерство слегка, нѣтъ-ли у нихъ уже кандидата на польскій престолъ. Голицынъ отвѣчалъ, что во Франціи прочатъ польскій престолъ одному изъ Чарторыйскихъ и что Франція желаетъ противодѣйствовать русскому вліянію въ Польшѣ. Бретёль доносилъ своему правительству: «Чѣмъ болѣе я обращаю вниманія на Россію и на честолюбіе ея правительницы, тѣмъ болѣе склоняюсь къ мысли, что необходимо сжалиться надъ ослѣпленіемъ поляковъ и вывесть аристократію изъ корыстнаго застоя». Однако, во Франціи рѣшили, что не должно вмѣшиваться въ польскія дѣла. Въ ко-

---

[1]) «Сб. И. Общ.», XX, 158—162.

[2]) Самое подробное изложеніе этихъ переговоровъ см. въ сочиненіи Реймана, «Neuere Geschichte des preussischen Staats», I, 50 и слѣд.

[3]) «Сб. Ист. Общ.», XX, 170—174.

ролевскомъ совѣтѣ, 8-го мая 1763 года, читался докладъ, въ которомъ было указано на возможность раздѣла Польши, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на то, что, при соперничествѣ между Австріею, Пруссіею, Россіею и Турціею, нельзя считать это событіе особенно вѣроятнымъ. Руководствуясь, между прочимъ, и финансовыми

Герцогъ Шуазёль.

С̌ъ гравюры Лебо, сдѣланной съ портрета, писаннаго Марилье.

соображеніями, французское министерство рѣшило не заботиться вовсе объ избраніи польскаго короля.

Въ Вѣнѣ были сильно встревожены слухомъ, что между Россіею и Пруссіею заключенъ союзный договоръ, и Мерси сдѣлалъ запросъ объ этомъ въ Петербургѣ. Голицыну велѣно было

увѣрить Кауница, что подобное извѣстіе ложное, вымышленное недоброжелательными людьми, которые, завидуя доброму согласію между обоими императорскими дворами, стараются ихъ поссорить, что не только нѣтъ такого трактата на дѣлѣ, но и предложенъ онъ никогда не былъ[1]). Когда Голицынъ спросилъ объ образѣ мыслей австрійскаго кабинета относительно избранія польскаго короля, въ Вѣнѣ заговорили было о кандидатурѣ одного изъ саксонскихъ принцевъ, но при всемъ томъ здѣсь не было рѣшимости и опредѣленной программы. Когда Голицынъ доносилъ, что Кауницъ настаивалъ на одинаковой необходимости для обоихъ императорскихъ дворовъ сохраненія правъ и преимуществъ Польши, то Панинъ сдѣлалъ такую замѣтку: «Господинъ Кауницъ суетно поставляетъ свои интересы равными съ нашими въ разсужденіе Польши. Нѣтъ политика, который бы не зналъ великой разницы: мы потеряемъ треть своихъ силъ и выгодъ, если Польша будетъ не въ нашей зависимости» [2]).

Удаленіе принца Карла изъ Курляндіи и возведеніе на курляндскій престолъ Бирона показали ясно, чего могла ожидать Польша отъ Екатерины. Всякая попытка польскаго двора дѣйствовать хотя бы сколько нибудь самостоятельно вызывала репрессивныя мѣры со стороны Россіи. Когда Кейзерлингъ доносилъ, что хотятъ предать суду герцога Бирона, литовскаго канцлера Чарторыйскаго и стольника литовскаго Понятовскаго, послѣдняго за то, что онъ при Елизаветѣ велъ переговоры о допущеніи русскихъ войскъ въ польскія владѣнія, Екатерина написала: «Неужели польскій дворъ въ горячкѣ?—Если стольника судить, что онъ домогался россійскую армію въ Польшу ввести, такъ и короля судить надо, что онъ ему такія для саксонскаго интереса наставленія давалъ».

Въ началѣ 1763 года, Екатерина, по предложенію Кейзерлинга, велѣла раздать значительныя суммы сторонникамъ Россіи въ Польшѣ. Узнавъ, что въ сенатусъ-консиліумѣ изъ 60 сенаторовъ 48 признали принца Карла законнымъ герцогомъ курляндскимъ и рѣшили начать уголовный процессъ противъ Бирона и его приверженцевъ, Екатерина писала: «Пошлите г-ну Борху сказать, что, видя отъ его короля не иное, какъ крайнее мнѣ оскорбленіе... я повелѣваю ему въ 48 часовъ отселѣ выѣхать; въ противномъ случаѣ прикажу его выпроводить... чтобъ они знали,

[1]) Соловьевъ, XXV, 330—331.
[2]) Тамъ-же, XXV, 332.

что я герцога Эрнста Іогана и вольности польской защищать буду всѣмъ, чѣмъ Богъ меня благословилъ».

1-го апрѣля, императрица писала Кейзерлингу: «Разгласите что, если осмѣлятся схватить и отвезти въ Кенигштейнъ кого нибудь изъ друзей Россіи, то я населю Сибирь моими врагами и спущу запорожскихъ казаковъ, которые хотятъ прислать ко мнѣ депутацію съ просьбою позволить имъ отмстить за оскорбленія, нанесенныя мнѣ королемъ польскимъ».

Еще при жизни Августа III, друзья Россіи въ Польшѣ начали дѣйствовать въ пользу русскаго кандидата на престолъ— Понятовскаго. Впрочемъ, по полученіи извѣстія о выздоровленіи короля, Екатерина отвѣчала, что была бы очень рада продленію его жизни еще на нѣсколько лѣтъ, ибо, въ противномъ случаѣ, могли бы произойти великія и почти неминуемыя трудности, особенно при вмѣшательствѣ другихъ державъ [1]).

Жизнь Августа не продлилась «еще нѣсколько лѣтъ». Онъ умеръ 5-го октября 1763 года. Извѣстіе о кончинѣ короля сильно поразило Фридриха II; онъ получилъ его во время обѣда, выскочилъ изъ-за стола и выразилъ сожалѣніе о томъ, что отношенія Пруссіи къ Россіи не успѣли еще окончательно установиться [2]). Екатерина писала Н. И. Панину: «Не смѣйтесь мнѣ, что я со стула вскочила, какъ получила извѣстіе о кончинѣ короля польскаго: король прусскій изъ-за стола вскочилъ, какъ услышалъ» [3]).

Тотчасъ же между Фридрихомъ и Екатериною завязалась оживленная переписка о возведеніи на польскій престолъ Понятовскаго и о мѣрахъ къ устраненію другихъ кандидатовъ. Король сообщилъ при этомъ императрицѣ письмо, полученное имъ отъ курфирстины саксонской, которая надѣялась на кандидатуру одного изъ саксонскихъ принцевъ. Екатерина подробно излагала причины, заставлявшія ее желать возведенія на польскій престолъ Понятовскаго. Къ тому же, она сообщила королю о «военныхъ приготовленіяхъ на границахъ», т. е. о своемъ намѣреніи ввести русскія войска въ Польшу, для поддержанія кандидатуры Понятовскаго. Хотя между Пруссіею и Россіею еще не было заключено формальнаго союзнаго договора, Екатерина писала королю: «Я смотрю на все, могущее тѣснѣе соединить насъ, какъ

---

[1]) Соловьевъ, XXV, 304—312.
[2]) Beer, «Die erste Theilung Polens.» Wien, 1873. I, 134.
[3]) «Сборникъ Ист. Общ.», VII, 321.

на дѣло уже оконченное». Фридрихъ отвѣчалъ: «Хотя нашъ союзъ еще не заключенъ, но я смотрю на Россію съ этой минуты, какъ на свою союзницу». Дѣйствія прусскаго и русскаго дипломатовъ должны были идти рука объ руку [1]).

Одновременно съ вопросомъ о кандидатурѣ Понятовскаго, обсуждался вопросъ о раздѣлѣ Польши. Въ конференціи читался поднесенный государынѣ графомъ Чернышевымъ секретный проектъ о присоединеніи къ Россіи, для лучшаго округленія и безопасности границъ между Днѣпромъ и Двиною, нѣкоторыхъ польскихъ земель. Конференція, признавая, что исполненіе проекта представитъ затрудненія, постановила: «не выпуская этого проекта изъ виду, первымъ движеніемъ русскихъ войскъ быть со стороны тѣхъ мѣстъ, о которыхъ въ немъ показано» [2]).

Нѣкоторые дворы старались увѣрить поляковъ, что между Россіею и Пруссіею уже заключенъ договоръ о раздѣлѣ Польши [3]). Французскій посланникъ въ Константинополѣ представлялъ Портѣ, что Фридрихъ II «вмѣстѣ съ Россіею питаетъ тайное намѣреніе раздѣлить Польшу мало по малу между собою» [4]).

И съ другой стороны былъ возбужденъ вопросъ о раздѣлѣ Польши. Въ письмѣ къ Маріи Терезіи саксонская курфирстина изъявила готовность согласиться на раздѣлъ Польши, лишь бы польская корона оставалась въ саксонскомъ домѣ. Марія Терезія, склонная поддерживать кандидатуру одного изъ саксонскихъ принцевъ, все таки протестовала противъ мысли о раздѣлѣ Польши [5]).

Екатерина дѣйствовала быстро и рѣшительно. Въ письмѣ къ курфирстинѣ саксонской она совѣтовала ей отказаться отъ кандидатуры саксонскаго принца. Въ письмѣ къ Маріи Терезіи Екатерина выразила намѣреніе предоставить полякамъ полную свободу дѣйствій; къ этому было прибавлено, что военныя приготовленія на границахъ Польши должны обезпечить свободный и спокойный ходъ дѣла. Марія Терезія, въ отвѣтъ на это заявленіе, осторожно и скромно замѣтила, что, по ея мнѣнію, лучше бы въ данномъ случаѣ оставить всякія военныя демонстраціи [6]).

Не было основанія ожидать серьезныхъ препятствій со стороны Австріи. Когда австрійскій дипломатъ, Мерси, прибылъ въ

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XX, 174—182.
[2]) Соловьевъ, XXV, 315.
[3]) Тамъ-же, XXV, 319.
[4]) «Сб. Ист. Общ.», XX, 190.
[5]) Arneth, «Gesch. Maria Theresia's», VIII, 37—39.
[6]) Beer, Приложенія № II, 79—80.

Варшаву, дѣятельность русскихъ и прусскихъ дипломатовъ въ пользу кандидатуры Понятовскаго уже оказалась весьма успѣшною. Напрасно Кауницъ объявилъ, что считаетъ кандидатуру Понятовскаго дѣломъ опаснымъ, неумѣстнымъ и несогласнымъ съ интересами Австріи: раздоръ между партіями въ Польшѣ, присутствіе русскихъ войскъ, раздача денегъ приверженцамъ

Князь Кауницъ, австрійскій министръ.

Съ гравюры Шлюцера, сдѣланной съ портрета, писаннаго Штейнеромъ.

Россіи, рѣшимость прусскихъ и русскихъ дипломатовъ—все это повело къ желаемой цѣли. Русская партія оказалась безусловно господствующею.

Фридрихъ II не сомнѣвался въ успѣхѣ Екатерины. Онъ писалъ ей, 15-го февраля 1764 года: «Я достаточно знаю эту націю (польскую), чтобы быть увѣреннымъ, что, расточая въ

пору деньги и употребляя непосредственныя угрозы противъ злонамѣренныхъ, которые пожелаютъ нарушить спокойствіе своего отечества, вы доведете ихъ до того состоянія, какого желаете»[1]).

Въ разговорѣ съ Сольмсомъ, Панинъ намекнулъ однажды на возможность приступить къ раздѣлу Польши. Сообщивъ разныя подробности о своихъ бесѣдахъ съ Панинымъ, Сольмсъ писалъ королю: «Онъ прибавилъ еще, что вашему величеству не придется сожалѣть о вступленіи въ обязательства съ его дворомъ, потому что, если, сверхъ всякаго ожиданія, дѣла дойдутъ до послѣдней крайности, то онъ мнѣ ручается, что ваше величество, равно какъ и Россія, будете вознаграждены за свой трудъ и что даромъ хлопотать не придется. Это дѣло, замѣтилъ онъ, я впередъ устроилъ, но не могу объяснить его прежде, чѣмъ обстоятельства болѣе выяснятся». Въ отвѣтѣ короля на эту депешу Сольмса выражено желаніе, чтобы Россія не увлекалась слишкомъ далеко и руководствовалась правилами осторожности для избѣжанія опасности общей войны [2]). Фридрихъ хотѣлъ воздержаться отъ военныхъ демонстрацій со стороны Пруссіи на польской границѣ, однако въ договорѣ, заключенномъ въ началѣ 1764 года, содержаніемъ одного изъ сепаратныхъ артикуловъ были условія военныхъ дѣйствій, въ случаѣ необходимости [3]).

Екатерина могла быть довольна успѣхами своихъ дѣйствій. Въ разговорѣ съ французскимъ посланникомъ, Бретёлемъ, она замѣтила, что Россія по праву можетъ и должна имѣть болѣе сильное вліяніе на Польшу, чѣмъ Франція [4]). Когда австрійскій посланникъ, Лобковичъ, началъ было говорить о русскихъ войскахъ, вступившихъ въ Польшу, и требовалъ объясненій о поводахъ къ такимъ дѣйствіямъ Россіи, Екатерина на докладѣ объ этой конференціи написала: «При сочиненіи отвѣта князю Лобковичу не худо дать имъ примѣтить, что здѣсь весьма страннымъ кажется, что при всякомъ случаѣ насъ въ допросъ ведутъ» [5]).

7-го сентября 1764 года состоялся выборъ короля Станислава Августа Понятовскаго. Екатерина писала Панину: «Поздравляю васъ съ королемъ, котораго мы дѣлали» [6]).

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XX, 197.
[2]) Тамъ-же, XXII, 188 и слѣд.
[3]) Объ этомъ договорѣ вообще см. соч. Реймана, I, 83.
[4]) Jauffret, I, 160.
[5]) Соловьевъ, XXVI, 82.
[6]) «Сб. Ист. Общ.», VII, 373.

Станиславъ-Августъ Понятовскій, король Польскій.

Съ гравюры Клаубера, сдѣланной съ портрета, писаннаго въ 1797 году г-жей Виже-Лебренъ.

Г-жа Жофренъ (Geoffrin) въ шутку называла Понятовскаго своимъ сыномъ. Екатерина писала ей: «Поздравляю васъ съ возвышеніемъ вашего сына; если онъ сдѣлался королемъ, то не знаю, какъ это случилось, но такъ угодно было Провидѣнію... нужно поздравить его королевство; никто не могъ бы сдѣлать его счастливѣе. Говорятъ, что сынъ вашъ дѣйствуетъ прекрасно; я этому очень рада» и пр.[1]). Въ это время за границею ходили слухи о намѣреніи Екатерины вступить въ бракъ съ Понятовскимъ[2]).

Со времени избранія Понятовскаго въ польскіе короли, не могло не усиливаться постоянно вліяніе Россіи на польскія дѣла. Въ примѣчаніяхъ Екатерины къ сочиненію Денины о Фридрихѣ Великомъ сказано о Понятовскомъ: «Россія выбрала его въ кандидаты на польскій престолъ, потому что изо всѣхъ искателей онъ имѣлъ наименѣе правъ, а слѣдовательно наиболѣе долженъ былъ чувствовать благодарность къ Россіи»[3]).

Фридрихъ II, въ письмахъ къ императрицѣ, говоритъ о ея успѣхѣ въ самыхъ лестныхъ для нея выраженіяхъ, указывая, впрочемъ, на нерасположеніе къ Россіи вѣнскаго и французскаго дворовъ. Екатерина отвѣчала: «Съ помощью вашего величества я увѣрена въ успѣхѣ всего, что буду предпринимать. Мои предшественники не имѣли союзникомъ короля Фридриха: и вотъ мое преимущество передъ ними; искреннее содѣйствіе, оказанное мнѣ моимъ союзникомъ, довело это избраніе въ Польшѣ такъ же единодушно, какъ и спокойно, къ концу. Поздравляю васъ съ нимъ въ свою очередь и радуюсь получить одобреніе отъ васъ. Я не удивляюсь, что великія державы возбуждены противъ меня: я устранила преграду, неудобную для Россіи, но весьма выгодную интересамъ этихъ державъ» и пр.[4]).

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», I, 258.

[2]) Г-жа Жофренъ писала Понятовскому объ этомъ слухѣ: «Вотъ какъ объясняли дѣло: она вовсе не крѣпко держится на престолѣ; она уступитъ его сыну, а сама выйдетъ замужъ за короля польскаго». Соловьевъ, XXV, 66.

[3]) «Русскій Архивъ», 1878, II, 290.

[4]) «Сб. Ист. Общ.», XX, 206.

Польша какъ вассальное государство Россіи.

Значеніе Россіи въ Европѣ обусловливалось въ значительной степени преобладаніемъ русскаго вліянія въ Польшѣ. Для Екатерины же успѣхи въ области внѣшней политики могли считаться удобнѣйшимъ средствомъ для упроченія за нею престола. Защищая права и интересы православныхъ въ Польшѣ, она могла пріобрѣсти нѣкоторую популярность въ Россіи. Вмѣшиваясь въ польскія дѣла, Екатерина, въ глазахъ свѣта, играла роль представительницы религіозной терпимости въ борьбѣ противъ фанатизма католической церкви. Совершенно такъ же, какъ впослѣдствіи вмѣшательство Россіи въ турецкія дѣла въ пользу христіанъ на Балканскомъ полуостровѣ сдѣлалось орудіемъ для ограниченія самостоятельности Турціи,—вопросъ о диссидентахъ въ Польшѣ служилъ средствомъ для раздѣловъ этого государства. Этотъ вопросъ находился въ самой тѣсной связи съ основами государственныхъ учрежденій въ Польшѣ. Не только нетерпимость заставляла поляковъ противодѣйствовать диссидентамъ: они хорошо понимали, что уступчивость въ этомъ отношеніи могла легко повести къ потерѣ самостоятельности Польши.

Противники Россіи, слѣдя за успѣхами императрицы въ Польшѣ, надѣялись лишь на то, что Екатерина, благодаря какому-либо кризису внутри имперіи, лишится престола. Такъ, французскій министръ Шуазёль, вмѣсто того, чтобы прямо подать помощь угнетеннымъ Россіею полякамъ, составилъ проектъ какой-то революціи, имѣвшей цѣлью свергнуть съ престола Екатерину [1]). Вѣнскій дворъ не желалъ воспользоваться подобными средствами. Вообще, однако, въ глазахъ дипломатовъ положеніе Екатерины казалось нѣсколько шаткимъ. Графъ Сольмсъ писалъ въ маѣ 1764 года: «Можно считать вѣроятнымъ, что Екатерина процарствуетъ еще четыре года или, пожалуй, шесть лѣтъ, затѣмъ, однако, многое будетъ зависѣть отъ образа мыслей великаго князя, который тогда достигнетъ совершеннолѣтія» [2]).

Противники Екатерины ошибались, разсчитывая на прекращеніе ея царствованія. Завладѣвъ короною, она до гроба удержала за собою власть. Относительно же Польши оказалось невозможнымъ остановить императрицу на пути къ желанной цѣли.

---

[1]) Arneth, 133.
[2]) Duncker, «Aus der Zeit Friedrichs des Grossen», стр. 132.

Одинъ дипломатъ, слѣдившій за дѣйствіями русскаго правительства въ отношеніи польскихъ диссидентовъ, замѣтилъ: «Екатерина никогда еще не покидала мысли, которую однажды забрала себѣ въ голову» [1]). Саксонскій дипломатъ Эссенъ писалъ въ это время: «Очевидно, Россія желаетъ имѣть въ польскомъ королѣ послушнаго вассала, который волею-неволею долженъ содѣйствовать осуществленію дальнѣйшихъ предположеній императрицы. Россія лишитъ его возможности вредить ей и принудитъ его всячески служить орудіемъ для достиженія ея цѣлей» [2]).

Такими правилами долженъ былъ руководствоваться русскій резидентъ въ Польшѣ, князь Репнинъ. Онъ наблюдалъ за сохраненіемъ въ точности прежняго государственнаго права. «Въ этомъ»,— было сказано въ инструкціи Репнину,—«заключается главная выгода для Россіи: этимъ самымъ мы можемъ пріобрѣсти вліяніе на обще-европейскія дѣла». Столь же важнымъ казался вопросъ о диссидентахъ. Уже лѣтомъ 1763 года императрица писала Кейзерлингу: «Рекомендую вашему покровительству польскихъ подданныхъ, исповѣдующихъ нашу религію». Въ инструкціи, составленной для князя Репнина, было сказано между прочимъ: «Несмотря на договоръ, заключенный въ 1686 году, православные въ Польшѣ подвергаются разнымъ притѣсненіямъ; большая часть ихъ принуждена признать унію, остальныхъ въ Бѣлоруссіи оскорбляютъ католическое духовенство и дворянство. Сеймъ долженъ согласиться на неограниченную свободу религіи и на возвращеніе православнымъ отнятыхъ у нихъ монастырей и церквей» [3]).

Оказалось, что Россія желала предоставить исключительно себѣ вліяніе въ Польшѣ. Изъ разговора съ вице-канцлеромъ Голицынымъ французскій дипломатъ Беранже вывелъ заключеніе, что Россія, съ цѣлью господствовать въ Польшѣ, даже намѣревалась противодѣйствовать раздѣлу Польши и вліянію Пруссіи на это государство [4]).

Понятовскій вскорѣ могъ убѣдиться, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ зависѣлъ отъ императрицы. Его попытки освободиться отъ этой зависимости оказались тщетными. Онъ искалъ, между прочимъ, поддержки со стороны Франціи, надѣялся даже на Австрію и испрашивалъ совѣты у г-жи Жофренъ, которой писалъ о Екатеринѣ: «Тамъ очень умны, но ужь очень гоняются за умомъ.

---

[1]) Reimann, I, 201.
[2]) Herrmann, V, 385—386.
[3]) Angeberg у Дункера, стр. 137 и 138.
[4]) Jauffret, II, 50.

Это металлъ самый дорогой, но для обработки его нужна искусная рука, руководимая добрымъ сердцемъ. Нѣкогда были въ этомъ согласны, а теперь судьба и, можетъ быть, вкусъ перемѣнили многое»[1]).

Изъ писемъ Понятовскаго къ императрицѣ видно, что онъ надѣялся провести нѣкоторыя реформы въ Польшѣ, съ цѣлью усиленія монархической власти и устраненія анархическаго состоянія государства. Онъ изъявилъ также готовность предоставить нѣкоторыя права диссидентамъ.

Въ самой Россіи, впрочемъ, на этотъ счетъ существовали различныя мнѣнія. Панинъ былъ готовъ согласиться на нѣкоторыя политическія реформы въ Польшѣ. По мнѣнію его, нѣсколько лучше устроенная Польша могла, въ качествѣ вассальнаго царства, принести Россіи бо̀льшую пользу, чѣмъ при сохраненіи прежняго анархическаго застоя. Къ тому же онъ считалъ жестокостью принуждать Польшу коснѣть въ варварскомъ состояніи.

Репнинъ писалъ Панину: «Если вы намѣрены дать Польшѣ какую-нибудь, хотя малую самостоятельность для употребленія ея когда нибудь противъ турокъ, то нужно позволить внутренній порядокъ, ибо безъ него никакой и самой малой услуги или пользы мы отъ нея имѣть не будемъ, потому что сумятица и безпорядокъ въ гражданствѣ и во всѣхъ частяхъ въ такомъ градусѣ, что болѣе быть не могутъ». Прочтя это донесеніе, Екатерина написала Панину: «Для чего бы намъ не дозволить пользоваться сосѣдямъ нѣкоторымъ намъ индиферентнымъ порядкомъ, который еще и намъ иногда можетъ въ пользу оборотиться»[2]).

Такимъ образомъ, Россія, обращая главное вниманіе на вопросъ о диссидентахъ, казалась склонною согласиться на нѣкоторыя политическія реформы. Совсѣмъ иначе относился къ Польшѣ Фридрихъ II. Для него важнѣйшимъ дѣломъ было сохраненіе прежней анархіи въ Польшѣ, которая въ такомъ состояніи не могла быть опасною для Пруссіи. Вопросъ о диссидентахъ Фридриху II казался менѣе важнымъ. То обстоятельство, что интересы Россіи и Пруссіи въ отношеніи къ польскимъ дѣламъ не вполнѣ соотвѣтствовали другъ другу, могло породить кое-какія недоразумѣнія между обѣими державами.

Фридрихъ II, послѣ избранія Понятовскаго въ короли, поздравилъ императрицу въ самыхъ льстивыхъ выраженіяхъ. Онъ пи-

---

[1]) Соловьевъ, XXVI, 66—67.
[2]) Тамъ-же, XXVII, 263—264.

салъ ей между прочимъ: «Господь сказалъ: да будетъ свѣтъ, и былъ свѣтъ... вы вѣщаете, и вселенная безмолвствуетъ предъ вами», и пр. Но въ то же время король считалъ себя въ правѣ давать совѣты Екатеринѣ. Въ его письмѣ отъ 30 октября 1764 г. сказано: «Многочисленная часть польскихъ магнатовъ рѣшила уничтожить единогласіе на сеймахъ; этотъ проектъ крайне важенъ для всѣхъ сосѣдей Польши. Напрасно было бы тревожиться по поводу этой перемѣны въ продолженіе правленія настоящаго короля, но политика, объемлющая и будущее, заставляетъ разсматривать въ подобной перемѣнѣ не только ближайшія ея дѣйствія, но и тѣ, какія она можетъ произвести со временемъ... я не вижу лучшаго средства къ тому, чтобы препятствовать полякамъ предаваться первымъ порывамъ восторга, какъ оставить ваши войска въ Польшѣ до тѣхъ поръ, пока сеймъ не будетъ оконченъ»[1]).

Внушенія короля произвели желанное дѣйствіе. Екатерина отвѣтила, что согласится на нововведенія въ Польшѣ развѣ въ будущемъ, но что пока не должно думать объ отмѣнѣ liberum veto и проч.[2]).

Бывали, однако, случаи разногласія между Фридрихомъ и Екатериною. Учрежденіе Пруссіею таможни въ Маріенвердерѣ произвело крайнее неудовольствіе въ Польшѣ. Екатерина, заступаясь за Польшу, просила короля отмѣнить таможню. На этотъ разъ Фридрихъ повиновался и исполнилъ желаніе императрицы, но не безъ раздраженія писалъ Сольмсу: «Когда же перестануть постоянно требовать отъ меня разныхъ услугъ?»[3]). Нехотя король согласился и на увольненіе изъ Пруссіи знаменитаго математика Эйлера, котораго Екатерина пригласила въ Россію; немного позже король писалъ: «Иго, которое хотятъ возложить на меня, становится тягостнымъ. Я съ радостью буду союзникомъ Россіи, но я никогда не буду ея рабомъ». Въ другомъ письмѣ сказано: «Я намѣренъ удерживать всецѣло мою независимость; если захотятъ меня привести въ рабство, то я готовъ разсориться скорѣе сегодня чѣмъ завтра»[4]).

Король былъ весьма недоволенъ горячностью, съ которою Россія покровительствовала диссидентамъ въ Польшѣ, и убѣждалъ Екатерину дѣйствовать умѣреннѣе, утверждая, что она соб-

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XX, 204—214.
[2]) Duncker, 182.
[3]) «Forschungen», IX, 185.
[4]) Reimann, 170, 180—181.

Станиславъ-Августъ Понятовскій, король Польскій.

Съ гравюры Клаубера, сдѣланной съ портрета, писаннаго въ 1797 году г-жей Виже-Лебренъ.

Польшѣ скорѣе рѣшатся на изгнаніе всѣхъ диссидентовъ, чѣмъ на уступку имъ политическихъ правъ. Репнинъ отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ Россія умножитъ войска, находящіяся въ Польшѣ, приметъ крайнія мѣры и никакъ не откажется отъ своихъ требованій. На сеймѣ Репнинъ сказалъ громко фанатикамъ, изъявившимъ готовность умереть за вѣру: «Перестаньте кричать! а будете продолжать шумѣть, то и я, съ своей стороны, шумъ заведу, а мой шумъ будетъ сильнѣе вашего» [1]).

При такихъ обстоятельствахъ, нужно было повиноваться. «Все потеряно», доносилъ въ Римъ папскій нунцій. Во всѣхъ отношеніяхъ Репнинъ взялъ верхъ; не было болѣе рѣчи объ отмѣнѣ liberum veto. Противъ болѣе смѣлыхъ оппонентовъ были приняты крутыя мѣры. Нѣкоторые изъ нихъ были захвачены и отправлены въ Россію.

Екатерина была довольна своимъ успѣхомъ. Изъ множества документовъ, писемъ и записокъ видно, какъ она заботилась знать обо всемъ, слѣдила за всѣми подробностями, руководила всѣми дѣйствіями Репнина и предвидѣла окончательное превращеніе Польши въ провинцію Россіи.

Однако, Репнинъ не безъ основанія опасался отъ употребленія крутыхъ мѣръ усложненія польскихъ дѣлъ. Самая упорная борьба предстояла послѣ окончанія сейма. Недовольные приступили къ образованію Барской конфедераціи, имѣвшей цѣлью устраненіе анархическаго состоянія Польши, сверженіе съ престола короля Станислава и возстановленіе свободы и независимости. Началась кровопролитная междоусобная война, борьба не только политическихъ партій, но и различныхъ сословій между собою. При этой повсемѣстной неурядицѣ, русскіе дипломаты — Репнинъ и замѣнившій его въ 1769 году Волконскій, опираясь на русскія войска, находившіяся въ Польшѣ, удерживали верхъ. Все это, однако, требовало значительнаго напряженія силъ со стороны Россіи. Не даромъ Екатерина въ 1763 году, узнавъ о кончинѣ польскаго короля Августа, замѣтила, что теперь начнутся безконечныя «tracasseries» [2]).

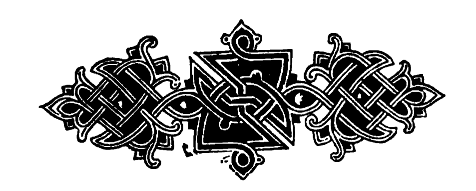
Ко всему этому прибавился разладъ съ Оттоманскою Портою и затѣмъ турецкая война, которая должна была сдѣлаться роковою и для Рѣчи Посполитой. Поляки сильно ошибались, разсчитывая на

---

[1]) Соловьевъ, «Паденіе Польши», 67.

[2]) Соловьевъ, XXVI, 167 и слѣд. Соловьевъ, XXVII, 279 и слѣд. О дѣятельности Репнина множество данныхъ въ «Сб. Ист. Общ.», XVI.

спасеніе при помощи Турціи. Справедливо писалъ тогда одинъ полякъ-современникъ: «Изгнать русскихъ при помощи турокъ, значитъ зажечь домъ для того, чтобы избавиться отъ мышей» [1]). Русскіе не были изгнаны,—раздѣлъ Польши сдѣлался неминуемымъ.

[1]) Jauffret, I, 317.

ГЛАВА III.

Турецкая война до 1770 г.

СОБЫТІЯ въ Польшѣ повліяли на отношенія между Россіею и Турціею. Желая заступиться за Польшу, Турція объявила войну Россіи; война эта, показавшая, до какихъ размѣровъ дошелъ упадокъ Оттоманской Порты, окончилась полною побѣдою Россіи.

Было время, когда Турція въ отношеніи Польши играла ту же самую роль, какую играла Россія при Екатеринѣ. Въ XVI вѣкѣ Турція не безуспѣшно старалась сохранить въ слабости Польшу, вмѣшивалась въ избраніе польскихъ королей и пр. Затѣмъ настала эпоха упорной борьбы между Польшею и Турціею въ продолженіе XVII вѣка. Обѣ державы быстро падали въ продолженіе XVIII столѣтія. Порою интересы Турціи и Польши шли рука объ руку. Такъ, напр., во время Сѣверной войны онѣ дѣйствовали сообща противъ Россіи. Отецъ короля Станислава Августа Понятовскаго игралъ роль дипломатическаго агента Карла XII и Станислава Лещинскаго въ Константинополѣ. Теперь же, когда готовился раздѣлъ Польши, возникла мысль противодѣйствовать этому при помощи Турціи.

Благодаря неудачнымъ военнымъ операціямъ Австріи и дипломатическому искусству Франціи, Турція не слишкомъ дорого поплатилась за столкновеніе съ Россіею при императрицѣ Аннѣ

Фельдмаршалъ князь А. М. Голицинъ.

Съ рѣдкой гравюры Калпашникова 1774 г., сдѣланной съ портрета, писаннаго Ротари.
(Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Іоанновнѣ. Подвиги Миниха показали, сколь опаснымъ противникомъ для Турціи сдѣлалась Россія. Во время переговоровъ, имѣвшихъ слѣдствіемъ Бѣлградскій миръ, начали говорить о раздѣлѣ Турціи. Порча въ государственномъ организмѣ Оттоманской Порты, невозможность проведенія реформъ въ области военнаго устройства, не предвѣщали Турціи успѣха въ случаѣ новой войны съ Россіею. Внутри Турція страдала отъ частыхъ бунтовъ. Въ области внѣшней политики она не пользовалась никакимъ уваженіемъ.

Превращеніе Пруссіи и Россіи въ первоклассныя державы нанесло ущербъ политическому значенію Турціи, служившей все болѣе и болѣе яблокомъ раздора между великими державами. Особенно сильнымъ оказалось вліяніе французскихъ дипломатовъ въ Константинополѣ. Небезуспѣшно и Фридрихъ II, во время Семилѣтней войны, старался дѣйствовать на Порту чрезъ своего посланника, Рексина. Заключеніе договора между Пруссіею и Россіею при Петрѣ III сильно не понравилось Портѣ; точно также, какъ мы уже видѣли, не особенно обрадовались тамъ и воцаренію Екатерины. Вмѣшательство Пруссіи и Россіи въ польскія дѣла было какъ бы нарушеніемъ интересовъ Порты.

Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Екатерины, въ Петербургѣ узнали, что Порта намѣревалась помочь полякамъ. Въ іюлѣ 1762 года, Обрѣзковъ добылъ инструкцію Порты посланнику, отправлявшемуся въ Берлинъ для заключенія союза съ Пруссіею. Въ инструкціи говорилось: во время пребыванія въ Польшѣ дать знать полякамъ, что Оттоманская Порта не лишитъ польской республики помощи и покровительства и отнюдь не позволитъ нарушенія ея прежнихъ правъ и вольностей. Французскій посланникъ, Верженъ, указывалъ Портѣ на необходимость для нея вмѣшаться въ польскія дѣла и не позволять Россіи господствовать въ Польшѣ [1]). Обрѣзкову приходилось бороться противъ вліянія французскаго посланника на Порту, которая между прочимъ попыталась было протестовать противъ избранія Понятовскаго. Положеніе русскаго дипломата въ Константинополѣ становилось довольно затруднительнымъ, потому что съ разныхъ сторонъ, между прочимъ и отъ крымскаго хана, Порта получала предостереженія, въ которыхъ указывалось на возрастающее могущество Россіи и усиливающееся вліяніе ея въ Польшѣ. Въ Турціи начали являться бѣглецы изъ Польши, спасавшіеся отъ крутыхъ мѣръ

[1]) Соловьевъ, XXV, 340—342.

Репнина и русскихъ военачальниковъ. Къ Обрѣзкову часто обращались съ упреками, требовали объясненій. Съ подобными же затрудненіями боролся въ Крыму русскій консулъ Никифоровъ. Ханъ Керимъ-Гирей не переставалъ вооружать Порту противъ Россіи; то же самое дѣлали австрійскій посланникъ Пенклеръ и

Адмиралъ Г. Г. Спиридовъ.

Съ портрета, принадлежащаго Морскому кадетскому корпусу.

французскій—Верженъ. Къ тому же, прусскій посланникъ Рексинъ началъ хлопотать о заключеніи прусско-турецкаго союза, что̀ внушало русскому правительству нѣкоторое недовѣріе къ Фридриху II и не соотвѣтствовало въ точности видамъ короля [1]).

При такомъ положеніи дѣлъ, Обрѣзковъ совѣтовалъ Панину, при вступленіи русскихъ войскъ въ Польшу, дать строгій при-

[1]) Соловьевъ, XXV, 340, 342; XXVI, 87—96; XXVI, 182—186.

казъ начальствующимъ не приближать къ турецкимъ границамъ никакого отряда, даже самаго малочисленнаго, ради избѣжанія столкновеній. Въ октябрѣ 1767 года, молдавскій господарь донесъ Портѣ, что въ Подолію, по близости къ турецкимъ границамъ, вступило большое русское войско съ осадною артиллеріею. Изъ Польши были получены отъ разныхъ лицъ письма, въ которыхъ говорилось, что послѣ Бога Польша не имѣетъ другой надежды получить помощь, какъ только отъ Порты, и что истинные сыны отечества возлагаютъ на нее все свое упованіе. Ханъ крымскій прислалъ татарина, только что возвратившагося изъ Варшавы съ вѣстями, что Россія совершенно привела Польшу въ свою зависимость, такъ что это королевство должно считать погибшимъ если Порта не поспѣшитъ спасти его [1]).

Такимъ образомъ, въ то самое время, когда образовалась Барская конфедерація, отношенія между Россіею и Портою становились все болѣе и болѣе натянутыми. Театромъ военныхъ дѣйствій въ борьбѣ Россіи съ Польшею былъ южный край королевства, окруженный турецкими границами. Кречетниковъ занялъ Бердичевъ, Апраксинъ взялъ Баръ, князь Прозоровскій разбилъ войско конфедераціи при Бродахъ, затѣмъ, наконецъ, Апраксинъ и Прозоровскій заняли Краковъ. Обрѣзковъ, обѣщавшій въ Константинополѣ удаленіе русскихъ войскъ изъ Польши въ ближайшемъ будущемъ, очутился въ весьма неловкомъ положеніи. Вскорѣ разрывъ оказался неминуемымъ, вслѣдствіе занятія русскими казаками, преслѣдовавшими конфедератовъ, мѣстечка Балты, находившагося на самой турецкой границѣ, причемъ было убито нѣсколько турокъ, молдаванъ и татаръ; еще хуже казаки свирѣпствовали въ Дубоссарахъ, гдѣ число убитыхъ было довольно значительно [2]).

Обрѣзковъ всячески старался уговорить Порту не объявлять войны Россіи, выставляя на видъ, что Россія не обязана отвѣчать за всякихъ разбойниковъ. Прусскій посланникъ Цегелинъ писалъ въ это время: «Все зависитъ отъ возможности обуздать народъ, жаждущій мести» [3]).

Требованія Порты съ часу на часъ усиливались. Сначала она требовала удаленія русскихъ войскъ отъ турецкихъ границъ, затѣмъ очищенія Подоліи, наконецъ очищенія всей Польши. Ми-

---

[1]) Соловьевъ, XXVII, 269.
[2]) Тамъ-же, XXVII, 292 и слѣд.
[3]) Reimann, 248.

Графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій въ мундирѣ Кавалергардскаго полка Екатерининскаго времени.

Съ портрета, находящагося въ библіотекѣ Новгородскаго Юрьева монастыря.

ролюбивый визирь былъ замѣненъ склоннымъ къ войнѣ. 25 сентября 1767 года, Обрѣзковъ былъ приглашенъ на аудіенцію къ новому визирю, который осыпалъ его упреками; затѣмъ Обрѣзковъ былъ арестованъ. Началась война [1]).

Неудача въ турецкой войнѣ могла сдѣлаться роковою для Екатерины. Со времени ея воцаренія прошло нѣсколько лѣтъ. Съ одной стороны, въ продолженіе этого времени внутренніе кризисы безпокоили императрицу, съ другой, — она могла гордиться успѣхами своей политической дѣятельности въ Курляндіи и Польшѣ. Въ области дипломатическихъ сношеній Россія въ это время пріобрѣла значеніе и полную независимость. Теперь же она должна была подвергнуться случайностямъ войны.

Екатерина разсчитывала на успѣхъ. Она писала Салтыкову, сообщая ему о разрывѣ съ Турціею: «Команды я поручила двумъ старшимъ генераламъ... еслибъ я турокъ боялась, такъ мой выборъ палъ неизмѣнно на лаврами покрытаго фельдмаршала Салтыкова... На начинающаго Богъ! Богъ же видитъ, что не я зачала. Не первый разъ Россіи побѣждать враговъ» [2]). Въ письмѣ императрицы къ графу Ивану Чернышеву, находившемуся за границею, обнаруживается смѣлость, предпріимчивость, оптимизмъ Екатерины. Здѣсь сказано: «Еще надо вамъ сказать одно слово. Я нахожу, что, порѣшивъ съ мирнымъ трактатомъ, чувствуешь себя свободною отъ большой тяжести, которая давитъ собою воображеніе. Тысячу понorовокъ, тысячу соображеній и тысячу мелочныхъ глупостей нужны, чтобы устранить турецкіе крики. Теперь же я спокойна, могу дѣлать что хочу, а Россія, вы знаете, можетъ въ значительной степени, а Екатерина II также иногда воображаетъ себѣ всякаго рода испанскіе замки, и вотъ ничто ее не стѣсняетъ, и вотъ разбудили спавшаго кота, и вотъ кошка бросилась на мышей, и вотъ смотрите, что̀ вы увидите, и вотъ о насъ заговорятъ, и вотъ мы зададимъ такого звону, какого отъ насъ не ожидали, и вотъ турки побиты, и вотъ съ французами вездѣ станутъ обращаться такъ же, какъ обращаются съ ними корсиканцы, и вотъ много болтовни; прощайте, милостивый государь» [3]).

---

[1]) Соловьевъ, XXVII, 300—315.
[2]) Тамъ-же, XXVIII, 8—9.
[3]) «Русскій Архивъ» 1871, 1324.

Съ свойственною ей энергіею, Екатерина руководила приготовленіями къ войнѣ. Особенно же заботилась она о приведеніи въ надлежащее состояніе флота. Въ ея письмахъ къ Чернышеву сказано между прочимъ: «Я такъ разщекотала нашихъ морскихъ по ихъ ремеслу, что они огневые стали...» Чрезъ нѣсколько времени она писала: «У меня въ отмѣнномъ попеченіи нынѣ флотъ, и я истинно его такъ употреблю, если Богъ велитъ, какъ онъ

Медаль, выбитая въ память Чесменской побѣды.

(Лицевая сторона съ портретомъ графа А. Г. Орлова).

еще не былъ», и пр. Къ этому времени относится учрежденіе Государственнаго Совѣта, который долженъ былъ заняться приготовленіями къ открытію военныхъ дѣйствій, собираніемъ денегъ, войскъ, запасовъ. Все это соотвѣтствовало учрежденію Сената въ 1711 году Петромъ, наканунѣ турецкой войны. И Сенатъ при Петрѣ, и Государственный Совѣтъ при Екатеринѣ, какъ-бы изъ временныхъ комиссій, происхожденіе которыхъ было вызвано войною, сдѣлались постоянными государственными учрежденіями.

Не смотря на всѣ усилія, оказалось, что Россія была крайне плохо приготовлена къ войнѣ. Комплектъ полковъ былъ далеко не полнымъ. Военная администрація страдала множествомъ недостатковъ; значительныя суммы, назначенныя для содержанія войска, употреблялись на другіе предметы; военные припасы оказались большею частью негодными. Записки офицеровъ, участвовавшихъ въ походѣ, заключаютъ въ себѣ любопытныя подробности о жалкомъ положеніи арміи, о худой пищѣ и одеждѣ солдатъ, о разныхъ недостаткахъ и пр.[1]).

Къ счастію Россіи, положеніе, въ которомъ находилась турецкая армія, было еще болѣе печальнымъ. Порта объявила войну позднею осенью, значитъ въ то время, когда нѣкоторые отряды войска мало-азіатскихъ провинцій не находились вовсе въ распоряженіи турецкаго правительства. Такимъ образомъ, Россія располагала нѣсколькими мѣсяцами для приготовленія къ походу.

Вольтеръ не сомнѣвался въ успѣхѣ русскаго оружія. Въ одномъ изъ его остроумныхъ писемъ къ графу А. С. Воронцову сказано, что теперь настала эпоха славы Россіи, что турки будутъ изгнаны въ Малую Азію и пр. Въ восторженныхъ выраженіяхъ онъ говорилъ о способностяхъ императрицы, въ которой онъ видѣлъ представительницу идей просвѣщенія и прогресса, покровительницу наукъ, искусствъ и т. д. [2]).

Дѣятельность Екатерины въ это время отличалась изумительною многосторонностью. Ею были составлены вопросные пункты, лежавшіе въ основѣ при обсужденіи плана военныхъ дѣйствій, она старалась вникнуть въ подробности финансовой операціи, вызванной потребностями войны, т. е. выпуска бумажныхъ денегъ; она заботилась о всѣхъ частностяхъ отправленія въ Средиземное море флота и пр. [3]). Вольтеру она писала: «Не знаю, есть-ли у Мустафы (султана) умъ, но имѣю основаніе думать, что онъ говоритъ: Магометъ, закрой глаза! когда онъ хочетъ предпринимать противъ сосѣдей несправедливыя войны, не имѣя къ тому никакого повода. Если эта война будетъ успѣшна для насъ, то я буду многимъ обязана Мустафѣ и его приверженцамъ, потому что они мнѣ доставятъ славу, о которой я не помышляла» [4]).

---

[1]) См. записки Кнорринга въ изданіи Бернгарди, «Vermischte Schriften», I, 62—73, а также и «Русскій Архивъ» 1882, I, 125 и слѣд.

[2]) «Архивъ князя Воронцова», V, 456—457.

[3]) «Сб. Ист. Общ.», X, 304—337.

[4]) Тамъ-же, X, 309.

Успѣхи, однако, заставляли ждать себя долго. Въ январѣ 1769 года, произошло вторженіе въ предѣлы Россіи татаръ, которые увели въ плѣнъ нѣсколько тысячъ человѣкъ и обогатились громадною добычею. Это было послѣднее нашествіе татаръ, осязательно указавшее на необходимость уничтоженія ихъ самостоятельности и расширенія предѣловъ Россіи до береговъ Чернаго моря. Такая цѣль была достигнута лишь чрезъ два десятилѣтія.

Медаль, выбитая въ память Чесменской побѣды.

(Обратная сторона, съ планомъ Чесменскаго сраженія).

Не раньше какъ весною 1768 года, русское войско, предводительствуемое Голицынымъ и Румянцовымъ и сильно страдавшее отъ непогоды, дошло до турецкой границы. Предположеніе Румянцева завладѣть Очаковымъ и занять Крымъ осуществилось лишь гораздо позже. Военныя дѣйствія начались около турецкой крѣпости Хотина. По недостатку въ пушкахъ, Голицынъ не могъ открыть правильной осады крѣпости и долженъ былъ отступить обратно за Днѣстръ, гдѣ и оставался почти въ бездѣйствіи до сентября мѣсяца, когда турки отъ недостатка про-

віанта и наступившихъ холодовъ сами очистили Хотинъ, который и былъ занятъ русскими войсками. Голицынъ былъ отозванъ, но тѣмъ не менѣе занятіе Хотина имѣло благопріятныя послѣдствія. 26 сентября, генералъ-лейтенантъ Эльмптъ вступилъ въ Яссы. Жители Молдавіи присягнули Екатеринѣ, что̀ подало ей поводъ къ веселой шуткѣ въ письмѣ Бибикову: «Новая молдавская княгиня вамъ кланяется». «Визирь—писала она далѣе—ушелъ за Дунай и только съ нимъ тысячъ до пяти... отъ Хотина до Яссъ считаютъ до двадцати тысячъ турецкихъ мертвыхъ лошадей, кои лежатъ по дорогѣ... Вся Молдавія учинила намъ присягу, и скота всѣмъ до сыта»[1]).

Достойны вниманія относящіяся къ этому времени письма Екатерины къ Румянцову. Она старалась всячески возбудить въ немъ честолюбіе. Здѣсь, между прочимъ, сказано послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній объ экспедиціи въ Средиземное море: «Если все это удастся и Богъ благословитъ васъ, то великія дѣла увидимъ въ нашемъ вѣку и турецкая громада подвержена будетъ нѣкоторому потрясенію... На васъ Европа смотритъ». Узнавъ о взятіи въ плѣнъ господарей Валахіи и Молдавіи, Екатерина шутила: «Прошу при случаѣ прислать самого визиря, или, если Богъ дастъ, и самого султанскаго величества». Далѣе она указывала на необходимость занятія Бендеръ, что̀ было сдѣлано, впрочемъ, не раньше какъ въ 1770 году. Послѣ занятія русскими войсками Азова и Таганрога, императрицу занимала мысль о созданіи на Азовскомъ морѣ сильнаго русскаго флота, который могъ бы грозить турецкимъ владѣніямъ на берегахъ Чернаго моря и явиться въ устьѣ Дуная и у самаго Константинополя. Екатерина начала думать о возможности завладѣнія Кавказомъ, собирала свѣдѣнія о положеніи Тифлиса и кавказскихъ владѣній и пр.[2]).

Въ продолженіе всего этого времени, Екатерина въ письмахъ къ разнымъ лицамъ любила говорить о цвѣтущемъ состояніи Россіи, о ея неисчерпаемомъ богатствѣ, объ успѣхахъ русскаго оружія. Вмѣстѣ съ тѣмъ она подшучивала надъ отчаяннымъ положеніемъ, въ которомъ находятся турки. О вторженіи татаръ въ предѣлы Россіи она говорила, какъ о событіи, не заслуживающемъ никакого вниманія; порою она выражала сильное неудовольствіе, когда въ западно-европейскихъ газетахъ являлись разсужденія о затрудненіяхъ, съ которыми должна была бороться

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», X, 389.
[2]) Соловьевъ, XXVIII, 25 и слѣд.

Россія, о потеряхъ ея въ войнѣ, о мнимыхъ побѣдахъ турокъ и пр.[1]). Однажды она писала къ г-жѣ Бьельке: «Я очень рада, что статья въ газетѣ о томъ, что мой флотъ отправится брать Константинополь, вамъ нравится. Правда, что это сдѣлать нѣсколько легче, чѣмъ схватить луну зубами, и если я завладѣю этимъ городомъ, то это будетъ, конечно, сдѣлано для того, чтобы вамъ не дѣлать отказа»[2]). Поздравленія Фридриха II по случаю

Чесменскій дворецъ въ Петербургѣ, въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ рисунка того времени Щедрина. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

побѣдъ Россіи доставляли императрицѣ удовольствіе[3]). Въ письмахъ ея къ Ивану Чернышеву сказано между прочимъ: «Много мнѣ пушекъ надобно; я турецкую имперію подпаливаю съ четырехъ угловъ; не знаю, загорится ли и сгоритъ ли, но то вѣдаю, что со времени начатія ихъ не было еще употреблено противъ ихъ толикихъ хлопотъ и заботъ». Особенно подробно она писала Чернышеву о занятіи Азова и Таганрога и о быстрыхъ

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.» X, 344, 351, 378, 381, 391, 397, 400.
[2]) Тамъ-же, X, 388.
[3]) Тамъ-же, XX, 265, 274.

успѣхахъ при сооруженіи флота на Азовскомъ морѣ. «Много мы каши заварили», сказано въ другомъ письмѣ, «кому-то вкусно будетъ». Разсказывая объ экспедиціи въ Средиземное море и Архипелагъ, Екатерина говоритъ: «Вѣрить не можете, съ какою силою мы принялись за нынѣшнія военныя дѣла и сколько струнъ на нашу лиру натянуты, и есть ли наши непріятели не закрехтятъ путемъ, то не мы, но отмѣнное несчастіе тому причиною будетъ»... «Вы видите, что у меня на умѣ только война да война, и что г. Сабатье (французскій посланникъ) будетъ встрѣченъ, какъ собака, попадающаяся въ игру въ кегли» и пр. [1]).

Тотчасъ же послѣ разрыва съ Турціею, возникла мысль объ архипелажской экспедиціи. Григорій Орловъ первый заговорилъ объ этомъ проектѣ въ Государственномъ Совѣтѣ, настаивая на томъ, чтобы цѣлью войны было свободное мореплаваніе на Черномъ морѣ. Было рѣшено вооружить противъ Порты ея подданныхъ въ Мореѣ, Далмаціи, Черногоріи и пр. Вице-канцлеръ долженъ былъ составить списокъ всѣмъ христіанскимъ народамъ, населявшимъ Балканскій полуостровъ [2]).

Такимъ образомъ въ Турціи должно было повториться то, что̀ происходило въ Польшѣ относительно диссидентовъ. Союзъ Россіи съ греками и прочими христіанскими подданными Порты могъ сдѣлаться роковымъ для этой державы. Уже въ XVII столѣтіи Юрій Крижаничъ указывалъ на этотъ союзъ, какъ на лучшее средство для уничтоженія Турціи. Въ этомъ же направленіи дѣйствовалъ Петръ Великій въ борьбѣ съ Портою въ 1711 году; въ 1736 году, русскій посолъ въ Константинополѣ, Вешняковъ, указывалъ на возможность вооруженія балканскихъ христіанъ, какъ на самое вѣрное условіе побѣды надъ Турціею [3]). Однако, всѣ эти надежды не осуществились ни при Петрѣ, ни при Аннѣ Іоанновнѣ. Спрашивалось, можно ли было разсчитывать на успѣхъ при Екатеринѣ, употреблявшей для достиженія желанной цѣли гораздо бо̀льшія средства, нежели ея предшественники [4]).

Уже въ самомъ началѣ царствованія Екатерины, въ турецкихъ владѣніяхъ находились русскіе агенты, отправленные туда очевидно по предложенію братьевъ Орловыхъ. Такъ, напр., въ 1763 году къ «спартанскому народу» были посланы два грека; одинъ изъ нихъ вернулся въ 1765 году и сообщилъ о готовно-

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1871, 1328—1333.
[2]) «Архивъ Госуд. Совѣта», I, 355—357.
[3]) «Древняя и Новая Россія», 1877, II, 266—267.
[4]) «Арх. Гос. Совѣта», 356—395. «Сб. Ист. Общ.», I, 1—169.

сти «спартанскаго народа» возстать противъ турокъ, лишь бы они могли разсчитывать на помощь Россіи; по мнѣнію агитатора, можно было тоже ожидать повсемѣстнаго бунта и прочихъ христіанскихъ подданныхъ Порты, въ случаѣ появленія у береговъ Турціи русскаго флота, раздачи инсургентамъ оружія и пр.; по-

Памятникъ въ честь Кагульской битвы, воздвигнутый въ Бессарабіи, въ колоніи Валкоништахъ.

Съ гравюры начала нынѣшняго столѣтія.

добныя свѣдѣнія собиралъ въ дунайскихъ княжествахъ агитаторъ-лазутчикъ, болгаринъ Каразинъ.

Англійскій дипломатъ Каскартъ доносилъ, что сначала такое предпріятіе показалось Екатеринѣ слишкомъ смѣлымъ, но что затѣмъ она рѣшилась приступить къ осуществленію обширнаго проекта. Въ Россіи надѣялись, что Морея, Албанія, Эпиръ и острова въ

Архипелагѣ сдѣлаются театромъ повсемѣстнаго возстанія. Въ случаѣ удачи, Россія могла бы диктовать Турціи условія мира. Есть основаніе думать, что въ Россіи мечтали о присоединеніи къ ней турецкихъ областей; быть можетъ, у Григорія Орлова и Екатерины явилась мысль и объ окончательномъ уничтоженіи Турціи [1]).

Для достиженія этой цѣли нуженъ былъ флотъ. Между тѣмъ морское вооруженіе Россіи находилось далеко не въ удовлетворительномъ состояніи. Со времени Петра Великаго немного было сдѣлано для сохраненія въ надлежащемъ состояніи флота. Екатерина, въ 1765 году, въ Кронштадтѣ, могла убѣдиться въ недостаткѣ флота; она писала Панину: «У насъ въ излишествѣ кораблей и людей, но мы не имѣемъ ни флота, ни моряковъ». Порицая рѣзко неловкость, съ которою маневрировали военныя суда въ ея присутствіи, императрица заключила свое письмо слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Надобно сознаться, что корабли походили на флотъ, выходящій каждый годъ изъ Голландіи для ловли сельдей, но не на военный, такъ какъ ни одинъ корабль не умѣетъ держаться въ линіи» [2]).

Въ первыхъ мѣсяцахъ 1769 года вопросъ о сооруженіи флота сдѣлался предметомъ оживленныхъ преній въ Государственномъ Совѣтѣ. Сама императрица представляла записки, вопросные пункты для обсужденія въ собраніи. Руководителемъ экспедиціи назначили графа Алексѣя Орлова, находившагося въ это время для поправленія своего здоровья въ Италіи. Для исполненія возложеннаго на него порученія онъ получилъ весьма значительныя суммы денегъ, которыми могъ распоряжаться по своему усмотрѣнію. Безчисленное множество рескриптовъ и писемъ Екатерины къ Орлову, къ другимъ адмираламъ и государственнымъ людямъ, свидѣтельствуетъ объ участіи, которое она принимала въ дѣлѣ архипелажской экспедиціи. Ею были составлены списки тѣмъ лицамъ, которыя въ качествѣ агитаторовъ, должны были дѣйствовать въ турецкихъ владѣніяхъ; она лично давала Орлову во все время инструкціи, выставляя между прочимъ на видъ, что нужно дѣйствовать осторожно, что нужно по возможности начать бунтъ одновременно во всѣхъ провинціяхъ Турціи; она давала совѣты относительно способа революціонной пропаганды, распредѣленія оружія и военныхъ снарядовъ между инсурген-

---

[1]) См. Бернгарди, «Vermischte Schriften», I, 115—117. «Русскій Архивъ», 1873, 62.

[2]) «Сб. Ист. Общ.», X, 23—25.

тами; послѣ того, какъ еще въ началѣ 1769 г. греки обратились къ императрицѣ съ адресомъ, она не сомнѣвалась въ успѣхѣ [1]).

Въ іюлѣ 1769 года, первая эскадра, подъ начальствомъ адмирала Спиридова, отбыла изъ Кронштадта; за ней слѣдовала вторая,—подъ начальствомъ Эльфинстона, только-что вступившаго въ русскую службу; весною 1770 года, наконецъ, отправилась

Медаль, выбитая въ честь фельдмаршала графа П. А. Румянцева-Задунайскаго.

Лицевая сторона, съ портретомъ Румянцева.

третья. Съ лихорадочнымъ волненіемъ Екатерина во все время слѣдила за движеніемъ эскадръ; ее раздражала медленность дѣйствій адмираловъ; она постоянно говорила о необходимости торопиться для болѣе успѣшнаго нападенія на «медвѣдя въ берлогѣ». Все новыя и новыя эскадры, транспортныя суда, припасы оружія, были отправляемы изъ Кронштадта [2]).

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», II, 284—286.

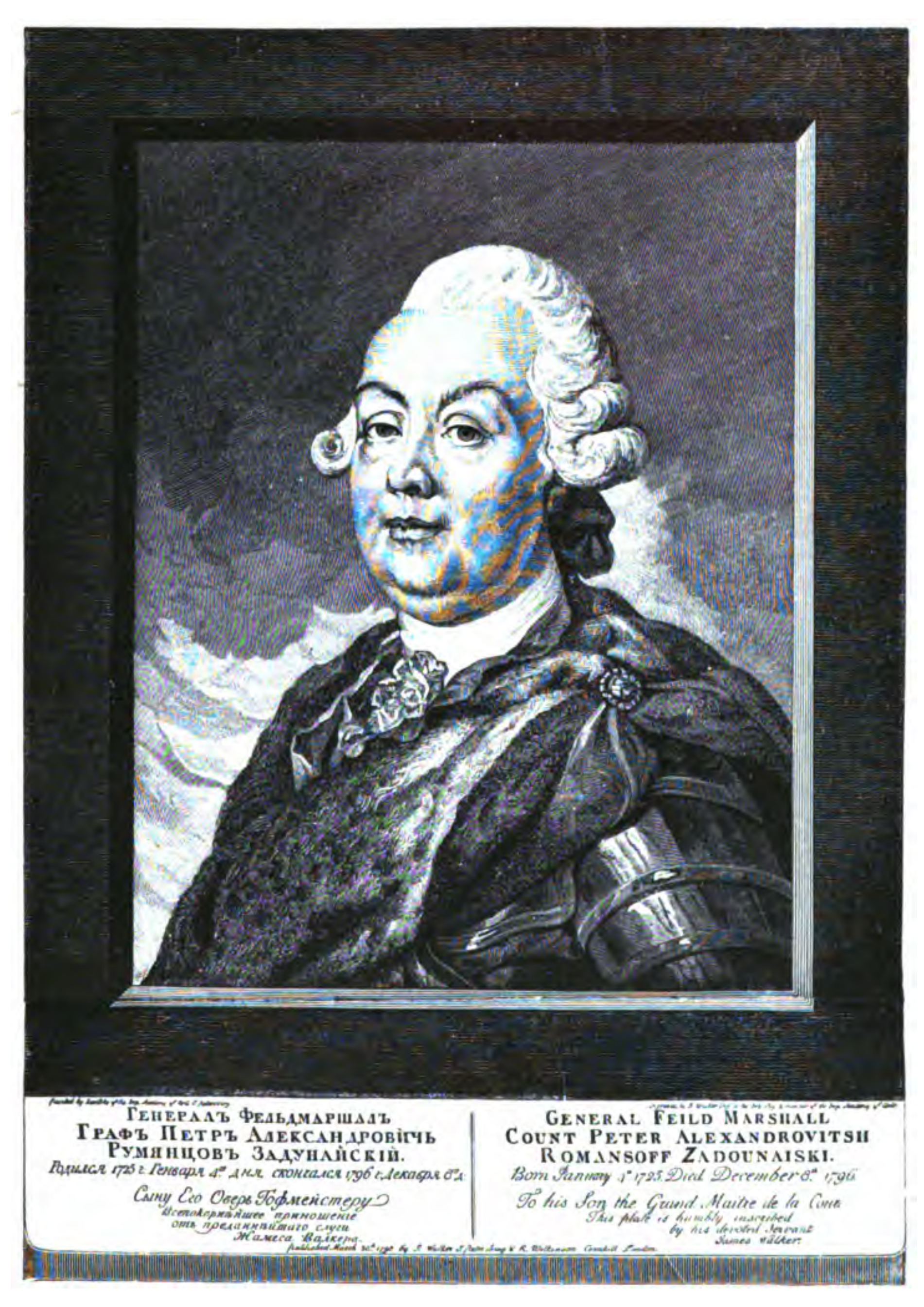
[2]) Тамъ-же, I, 40. Соловьевъ, XXVIII, 36 и 37.

Весьма важнымъ обстоятельствомъ для Россіи было расположеніе къ ней Англіи, которая на этотъ разъ не желала препятствовать успѣхамъ Россіи въ борьбѣ съ Турціею. Исполненная надеждою и гордостью, Екатерина писала графу Алексѣю Орлову: «Европа вся дивится великому нашему подвигу и съ любопытствомъ обращаетъ теперь на васъ, исполнителя онаго, свои взоры; безпристрастные всѣ радуются успѣхамъ нашимъ и желаютъ онымъ распространенія и прочности; напротивъ того, державы, славѣ и возвышенію имперіи нашей завиствующія, и на насъ за то злобствующія, раздражаясь отъ часу болѣе въ неистовой своей ненависти, усугубляютъ, вопреки, коварства и ухищренія свои» [1]).

Архипелажская экспедиція сильно не понравилась французамъ; осенью 1769 года, въ Парижъ пріѣхалъ италіянецъ графъ Томатисъ, служившій у польскаго короля распорядителемъ придворныхъ зрѣлищъ, и разсказывалъ, что русскіе, на основаніи успѣховъ своихъ въ Турціи, поговариваютъ уже о раздѣлѣ завоеваній; а именно: за собою оставляютъ Азовъ, Таганрогъ и право свободной торговли по Черному морю; король польскій получитъ Молдавію и Валахію; вѣнскій дворъ получитъ часть Валахіи, а за берлинскимъ дворомъ останется епископство Вармійское. Томатисъ увѣрялъ, что между Россіею, Австріею и Пруссіею уже заключенъ дружественный договоръ [2]).

Напротивъ, Англія сочувствовала предпріимчивости Россіи Англійскій министръ Рочфордъ, въ разговорѣ съ русскимъ посланникомъ Чернышевымъ, сказалъ: «Какое смѣлое предпріятіе. Какъ бы я желалъ, чтобъ мы были теперь въ войнѣ съ Франціею: два соединенныхъ флота надѣлали бы прекрасныхъ вещей!» Но когда англійскій посолъ при русскомъ дворѣ, лордъ Каскартъ, сообщилъ своему министерству о существованіи въ Петербургѣ проекта образованія изъ Крыма, Молдавіи и Валахіи независимыхъ государствъ для огражденія отъ Турціи, то Рочфордъ отвѣчалъ ему, что такой планъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ умѣренности петербургскаго двора и заявленному имъ нежеланію расширять русскія границы; легко усмотрѣть, что такія независимыя государства въ сущности будутъ въ полной зависимости отъ Россіи. Рочфордъ сдѣлалъ Каскарту внушеніе, чтобы онъ не очень увлекался удивленіемъ къ высокому характеру русской императрицы

[1]) «Сб. Ист. Общ.», I, 40.
[2]) Соловьевъ, XXVIII, 94.

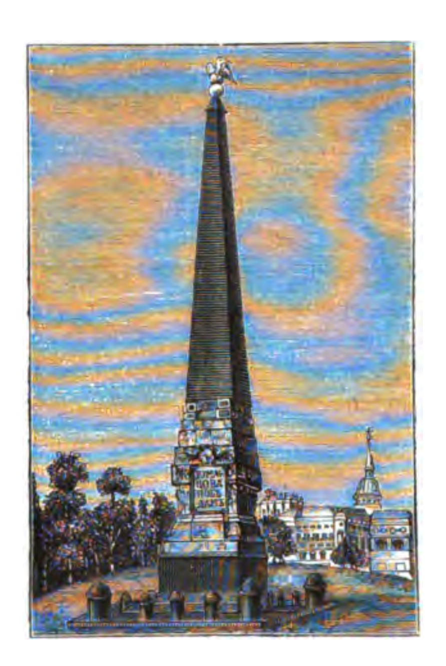

Графъ П. А. Румянцевъ-Задунайскій.

Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета, писаннаго Левицкимъ.

и нѣкоторыхъ ея министровъ, а предполагалъ бы въ нихъ извѣстную долю честолюбія [1]).

Хотя Шуазёль и представилъ кабинету Людовика XV записку, въ которой было указано на необходимость уничтоженія русскаго флота до достиженія имъ Гибралтарскаго пролива, Франція не препятствовала предпріятію Россіи. Король и прочіе министры не одобряли проекта нападенія на русскій флотъ, и такимъ образомъ рус-

Обелискъ въ честь Румянцева, въ его первоначальномъ видѣ, на Царицыномъ лугу въ С.-Петербургѣ.

Съ гравюры начала нынѣшняго столѣтія.

скія эскадры спокойно продолжали свой путь къ берегамъ Балканскаго полуострова и островамъ архипелага [2]).

Впрочемъ, оказалось невозможнымъ возбудить повсемѣстное возстаніе христіанскихъ подданныхъ султана. Съ одной стороны, виновниками неудачи были руководители-агитаторы, не умѣвшіе взяться за дѣло, съ другой—мѣшали успѣху склонность къ грабежу и насилію и отсутствіе порядка у грековъ. Высадка, сдѣ-

[1]) Соловьевъ, XXVIII, 103.
[2]) Zinkeisen, «Gesch. d. osman. Reiches», V, 929.

ланная русскими войсками въ Мореѣ, гдѣ тотчасъ же началась рѣзня между греками и турками, не увѣнчалась успѣхомъ. Греки дѣйствовали безъ опредѣленнаго плана, случайно, не соблюдая дисциплины; имъ не была во время оказана помощь со стороны русскихъ войскъ. Греки сдѣлались добычею кровопролитнаго мщенія турокъ. Алексѣй Орловъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ порицалъ образъ дѣйствій инсургентовъ при этомъ случаѣ. И Екатерина не безъ раздраженія жаловалась на то, что «греки не хотѣли извлечь себя изъ-подъ ига порабощенія»[1]).

Вольтеръ сравнивалъ нападеніе Россіи на Турцію съ походомъ Ганнибала противъ римлянъ. Екатерина въ отвѣтномъ письмѣ замѣтила: «Кареагеняне имѣли дѣло съ колоссомъ, который былъ въ полной силѣ, тогда какъ мы стоимъ противъ слабаго призрака, котораго всѣ части распадаются по мѣрѣ того, какъ къ нимъ прикасаешься[2]).

Побѣды Россіи въ іюнѣ и іюлѣ 1770 г. доказали справедливость замѣчанія Екатерины. Она писала въ началѣ 1770 года «Побѣда врагъ войны и начало мира: побѣдою истребляется война и прокладывается путь къ миру»[3]). Въ продолженіе нѣсколькихъ дней турки три раза были разбиты русскими.

Послѣ неудачной высадки въ Мореѣ, русскій флотъ находился у Наварина; фортъ этого города былъ взорванъ русскими. Алексѣй Орловъ писалъ императрицѣ: «Ежели Богу угодно будетъ сокрушить флотъ непріятельскій, тогда стараться станемъ и употребимъ всю возможность опять союзно дѣйствовать съ обитающими народами подъ державою турецкою, въ той сторонѣ, гдѣ будетъ способнѣе... Если флотъ побѣдимъ, тогда и денегъ не надобно будетъ, ибо будемъ господами всего Архипелага, и постараемся оголодить и Константинополь»[4]).

Преслѣдуя турецкій флотъ, Орловъ засталъ его у острова Хіоса. Здѣсь онъ одержалъ надъ нимъ блестящую побѣду (24-го іюня). Два дня спустя ему удалось сжечь весь турецкій флотъ въ Чесменской бухтѣ.

Извѣстіе объ этихъ событіяхъ произвело глубокое впечатлѣніе въ Петербургѣ. Даже Петръ Великій не имѣлъ такого успѣха на морѣ. Въ разныхъ письмахъ Екатерины обнаруживаются ея радость и восторгъ по поводу этой побѣды надъ турками: «Ди-

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», I, 43, замѣчаніе и стр. 51.

[2]) Тамъ-же, X, 401.

[3]) Соловьевъ, XXVIII, 105.

[4]) Тамъ-же, XXVIII, 132.

Чесменска

Съ современной гравюры Кано и Ват

ая битва.

...уса, сдѣланной съ картины Патона.

венъ Богъ въ чудесѣхъ своихъ!» сказано въ ея письмѣ къ Румянцеву: «мало въ свѣтѣ слыхано подобнаго. Мы 14-го сего мѣсяца (сентября) Богу приносимъ благодареніе, а на другой день была соборная панихида Петру Великому, основателю флота и первому виновнику сей новой для Россіи славы. Мы плодомъ

Князь В. М. Долгорукій-Крымскій.

Съ портрета, принадлежащаго княгинѣ Е. П. Кочубей.

его трудовъ пользуемся» и пр. [1]). Предводители флота были осыпаны наградами. Орловъ названъ Чесменскимъ. Сама императрица старалась придумать надпись для памятника, поставленнаго въ Царскомъ Селѣ въ честь Орлова и въ память Чесменской битвы. Вольтеру Екатерина писала, сообщая ему нѣкоторыя подробности

[1]) Соловьевъ, XXVIII, 135—136.

о Чесменской битвѣ: «Что касается до взятія Константинополя, то я не считаю его столь близкимъ, однако, въ этомъ мірѣ, говорятъ, не нужно отчаяваться ни въ чемъ. Я начинаю вѣрить, что это зависитъ болѣе отъ Мустафы, чѣмъ отъ всякаго другого... если онъ будетъ по прежнему упорствовать, то непремѣнно доведетъ свою имперію до большихъ бѣдъ. Онъ забылъ свою роль, онъ зачинщикъ» [1]).

Уничтоженіе турецкаго флота въ Чесменской бухтѣ, въ 1770 году, можетъ быть сравнено съ пораженіемъ, нанесеннымъ туркамъ въ 1571 году при Лепанто, соединенными флотами Испаніи, Венеціи и пр. Послѣ битвы при Лепанто не осуществились надежды, возбужденныя въ противникахъ Порты этимъ событіемъ. Совершенно такъ же и Чесменская битва не повела къ желаемой цѣли, т. е. къ заключенію выгоднаго мира. Русскій флотъ послѣ крайняго напряженія силъ нуждался въ отдыхѣ. Баронъ Тоттъ, агентъ Франціи, помогъ туркамъ укрѣпить Дарданельскій проливъ. Быть можетъ, Алексѣй Орловъ не съумѣлъ воспользоваться выгодою своего положенія, быть можетъ, онъ имѣлъ бы возможность принудить Порту къ заключенію выгоднаго мира, если-бы со всѣмъ русскимъ флотомъ, непосредственно послѣ Чесменской битвы, появился у стѣнъ Константинополя. Слухи о дальнѣйшихъ успѣхахъ Орлова оказались лишенными основанія.

Вскорѣ послѣ Чесменской битвы, русскимъ удалось нанести туркамъ страшные удары и на сухомъ пути.

Екатерина съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за операціями русскихъ войскъ на Дунаѣ. Узнавъ объ опустошеніи дунайскихъ береговъ русскими войсками, она выразила желаніе, чтобы войска при своихъ дѣйствіяхъ руководствовались началами кротости и гуманности. Вскорѣ она была обрадована извѣстіями о побѣдахъ, одержанныхъ Румянцевымъ при рѣкѣ Ларгѣ (7-го іюля) и при Кагулѣ (21-го іюля). Великій визирь едва спасся поспѣшнымъ отступленіемъ за Дунай. Осенью, графу Петру Панину удалось взять Бендеры. Ранѣе этого сдались другія укрѣпленныя мѣста, какъ то: Измаилъ, Килія, Аккерманъ; немного позже русскіе заняли Браиловъ.

Румянцевъ имѣлъ дѣло съ турецкимъ войскомъ, численностью далеко превосходившимъ русскую армію. Тѣмъ большее значеніе имѣли его побѣды. Въ запискахъ Рунича встрѣчается замѣчаніе, что Кагульская битва, устранившая опасность, грозившую Россіи,

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XIII, 41—42.

можетъ именно въ этомъ отношенiи быть сравнена съ Полтавскою битвою 1709 года[1]).

Екатерина въ своихъ письмахъ къ Вольтеру, къ г-жѣ Бьельке и пр. заботилась о распространенiи въ западной Европѣ подробныхъ извѣстiй о побѣдахъ Россiи, примѣшивая къ своимъ разсказамъ остроумныя замѣчанiя и шутки, выставляя на видъ, что Россiя вовсе не чувствуетъ бремени войны, восхваляя подвиги русскихъ полководцевъ и адмираловъ и пр. Въ одномъ изъ писемъ къ Вольтеру, писанныхъ до взятiя Браилова, сказано между прочимъ: «Повторенiя наскучаютъ; я вамъ такъ часто разсказывала о взятiи того или другого города, о пораженiи турокъ въ такихъ-то мѣстахъ. Для забавы, говорятъ, нужно разнообразiе, ну, такъ знайте же, что вашъ любезный Браиловъ былъ осажденъ, что къ нему былъ приступъ, что этотъ приступъ былъ отбитъ и осада снята»[2]).

Понятно, что Фридрихъ II съ самымъ напряженнымъ вниманiемъ слѣдилъ за ходомъ русско-турецкой войны. Неоднократно онъ поздравлялъ Екатерину съ одержанными ею побѣдами. Такъ, напр., онъ писалъ однажды: «Средиземное море, покрытое русскими кораблями, и ваши знамена, распущенныя на развалинахъ Спарты и Аѳинъ, будутъ вѣчнымъ памятникомъ, свидѣтельствующимъ потомству о величiи вашей славы и блескѣ вашего царствованiя. Константинополь, трепещущiй при видѣ русскаго флота, и султанъ, вынужденный подписать миръ, какой предпишетъ ему ваша умѣренность, довершатъ этотъ памятникъ славы. Все это ставитъ ваше величество на ряду съ величайшими людьми, какихъ произвела вселенная». Въ другомъ письмѣ сказано: «Я долженъ поздравить ваше величество не знаю уже со сколькими побѣдами морскими и на сушѣ; число ихъ дѣлаетъ то, что ихъ смѣшиваютъ; моя скромность заставляетъ меня ждать полной полдюжины, чтобы не докучать вашему величеству, привѣтствуя васъ съ мелкими подробностями этихъ побѣдъ, на которыхъ бы уже зиждѣлась слава другихъ монарховъ» и т. п.[3]).

Успѣхи похода 1770 года заставляли императрицу и ея министровъ надѣяться на скорое окончанiе войны. Возникла мысль объ освобожденiи Крымскаго полуострова отъ всякой связи съ

[1]) «Русская Старина», II, 129.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», XIII, 46.
[3]) Тамъ-же, XX, 274, 277, 309, 311.

Турціею, о превращеніи татарскаго ханства въ независимое государство и о присоединеніи его послѣ этого къ Россіи. Далѣе, русское правительство начало разсчитывать на право свободнаго плаванія по Черному морю. Екатерина настаивала на необходимости занятія Керченскаго пролива, кромѣ того, она выразила желаніе пріобрѣсти нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ въ Архипелагѣ; заговорили о выгодахъ свободнаго сообщенія Россіи чрезъ Черное море съ Средиземнымъ.

Начались переговоры съ крымскимъ ханомъ. Екатерина надѣялась, что Крымъ сдѣлается чѣмъ то въ родѣ вассальнаго государства Россіи. Старанія ея увѣнчались успѣхомъ. Въ Крыму образовалась русская партія. Петръ Панинъ, въ то время когда онъ былъ занятъ осадою Бендеръ, находился въ сношеніяхъ съ Крымомъ и дѣйствовалъ на татаръ для достиженія цѣлей Россіи [1]).

Въ то же самое время начались переговоры о мирѣ съ Портою. Особенно Григорій Орловъ говорилъ о необходимости скораго окончанія войны; Екатерина также желала избѣгнуть третьяго похода и собственноручно составила записку о средствахъ къ достиженію этой цѣли [2]). Въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ разными державами обсуждался вопросъ объ условіяхъ мира съ Турціею. Однако, переговоры не повели ни къ какому результату; приходилось продолжать военныя дѣйствія.

Въ ноябрѣ 1770 года, Григорій Орловъ представилъ Совѣту планъ военныхъ операцій, состоявшій въ томъ, чтобы производить строеніе судовъ не только для перехода чрезъ Дунай, но и для нападенія на Константинополь, чтобы этимъ смѣлымъ дѣйствіемъ принудить Порту заключить миръ по волѣ побѣдителя. Далѣе, Совѣтъ признавалъ за нужное учинить сильное предпріятіе на Крымъ. За сооруженіемъ флота долженъ былъ наблюдать англичанинъ Наульсъ (Knowles). Екатерина, какъ видно изъ множества писемъ ея, зорко слѣдила за ходомъ этого дѣла [3]).

Во время похода 1771 года, дунайская армія находилась въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи и не имѣла успѣха. За то кн. Долгорукій и въ качествѣ дипломата, и въ качествѣ полководца, дѣйствовалъ весьма успѣшно въ Крыму. Имъ были заняты Перекопъ, Евпаторія, Керчь. Переговоры съ татарами при-

---

[1]) Соловьевъ, XXVIII, 119—125.
[2]) Тамъ-же, XXVIII, 147—144.
[3]) Тамъ-же, XXVIII, 212—217.

Графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій.

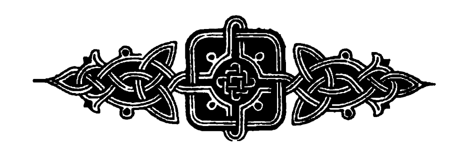
Съ портрета, гравированнаго въ 1783 году Тоунлеемъ.

няли благопріятный оборотъ. По крайней мѣрѣ временно Россія управляла крымскимъ полуостровомъ. 17-го іюля, Екатерина была обрадована прибытіемъ въ Петербургъ одного за другимъ трехъ курьеровъ съ извѣстіями объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ русскаго оружія въ Крыму. Въ письмѣ къ Долгорукому сказано между прочимъ: «Благодарствую вамъ и за то, что вы не оставили мнѣ дать знать, что вы уже подняли русскій флагъ на Черномъ морѣ, гдѣ давно не казался, а нынѣ вѣетъ на тѣхъ судахъ, кои противу насъ непріятель употребить хотѣлъ и трудами вашими отъ рукъ его исторгнуты» [1]).

Оказалось, однако, что было легче имѣть перевѣсъ въ войнѣ, чѣмъ достигнуть желанныхъ цѣлей въ области дипломатическаго искусства. Превращеніе Крыма изъ вассальнаго государства Турціи въ независимую, т. е. въ находившуюся подъ вліяніемъ Россіи область было нелегко. Шагинъ-Гирей явился для переговоровъ въ Петербургъ, гдѣ всячески старались пріобрѣсти расположеніе татаръ.

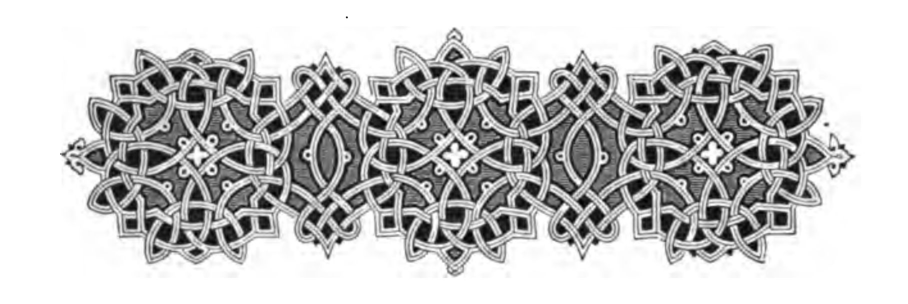
Въ мартѣ 1771 года, Алексѣй Орловъ прибылъ въ Петербургъ для представленія отчета о положеніи дѣлъ въ Архипелагѣ. Въ одномъ засѣданіи Государственнаго Совѣта онъ высказался противъ пріобрѣтенія какого бы то ни было архипелажскаго острова. Въ это время въ рукахъ русскихъ находилось не менѣе 20 острововъ въ Архипелагѣ. Екатерина выразила желаніе удержать за собою по крайней мѣрѣ одинъ изъ этихъ острововъ, «чтобы турки постоянно имѣли передъ глазами доказательство перевѣса Россіи и держали себя умѣренно». Спиридовъ говорилъ въ пользу пріобрѣтенія острова Пароса [2]).

Заключенію выгоднаго мира препятствовали затрудненія разнаго рода.

---

[1]) Соловьевъ, XXVIII, 237.
[2]) Тамъ-же, XXVIII, 237.

ГЛАВА IV.

Раздѣлъ Польши. Окончаніе турецкой войны.

РОССИИ въ это время не было недостатка въ противникахъ. Особенно упорно Франція старалась дѣйствовать въ ущербъ русскимъ интересамъ.

Екатерина сочувствовала инсургентамъ въ Корсикѣ, ихъ вожаку Паскалю Паоли. Между ея бумагами былъ найденъ проектъ манифеста къ корсиканцамъ[1]). Въ ея письмахъ къ Ивану Чернышеву встрѣчаются нерѣдко отзывы, свидѣтельствующіе о ея вниманіи къ Паоли и его приверженцамъ. Императрица въ это время изучала карту Корсики; она желала пріобрѣсти портретъ Паоли. Не безъ раздраженія говорила она о «нечестивыхъ», о «проклятыхъ нашихъ злодѣяхъ, мерзкихъ французахъ»[2]).

Въ продолженіе всего этого времени Шуазёль противодѣйствовалъ видамъ Россіи въ Константинополѣ. Онъ отправилъ туда полковника Валькруассана съ порученіемъ помогать туркамъ въ борьбѣ противъ Россіи; въ этомъ же направленіи трудился баронъ Тоттъ. Такія же инструкціи получали французскіе агенты въ Польшѣ. Между Шуазёлемъ и русскимъ посломъ въ Парижѣ,

---

¹) «Сб. Ист. Общ.», X, 322—323.
²) «Русскій Архивъ», 1871 г., 1318, 1319, 1321, 1331.

Хотинскимъ, происходили порою недоразумѣнія. Шуазёль старался вовлечь и Австрію въ борьбу противъ Россіи. Узнавъ объ отправленіи русскаго флота въ Архипелагъ, Шуазёль насмѣшливо сказалъ прусскому посланнику, барону Гольцу: «Слышали вы о новомъ феноменѣ, о русскомъ флотѣ? вотъ и новая морская держава появилась!» Однако, въ то же время Хотинскому пересказали слѣдующій отзывъ Шуазёля: «Это предпріятіе романично, но нельзя не признать, что оно имѣетъ основаніе и на него хорошо смотрятъ; дорого оно, и не думаю, чтобъ много этимъ было сдѣлано, но все-таки это блестящая экспедиція»[1]).

Козни французовъ возбуждали гнѣвъ императрицы; въ одномъ изъ ея писемъ къ Алексѣю Орлову сказано: «Наши враги, французы, теперь мечутся какъ угорѣлыя кошки, однако, въ противность ихъ желанія, Богъ благословитъ наше дѣло счастливымъ и скорымъ окончаніемъ»[2]). Въ одномъ письмѣ къ г-жѣ Бьельке Екатерина жалуется на то, что «французскія собаки командуютъ поляками»[3]). Паденіе Шуазёля въ концѣ 1770 года сильно обрадовало Екатерину. Однако, и преемникъ Шуазёля, герцогъ Эгильонъ, не благопріятствовалъ Россіи и старался препятствовать заключенію выгоднаго мира съ Турціею. Въ бесѣдѣ съ Хотинскимъ, Эгильонъ порицалъ стремленіе Россіи овладѣть Константинополемъ, протестовалъ противъ такъ называемой независимости татаръ и противъ проекта раздѣла Польши[4]).

Гораздо уступчивѣе была Англія. Отношенія Россіи къ этой державѣ оставались дружественными. Побѣды русскихъ войскъ и эскадръ не возбуждали неудовольствія Англіи. Зато тамъ не понравилось намѣреніе Россіи образовать изъ Крыма, Молдавіи и Валахіи независимыя государства, потому что, какъ писалъ Рочфордъ англійскому послу Каскарту, «независимость такого рода въ сущности не мыслима иначе, какъ при полной зависимости отъ Россіи»[5]). Каскартъ старался собрать свѣдѣнія о предположеніяхъ Россіи при отправленіи флота въ Архипелагъ. Когда онъ узналъ о замѣчаніи Панина, что едва-ли можно ожидать одобренія Англіи по случаю рѣшительныхъ побѣдъ, одержанныхъ Россіею надъ Турціею, онъ спѣшилъ увѣрить графа въ томъ, что Англія искренно желаетъ Россіи дальнѣйшихъ успѣховъ.

---

[1]) Соловьевъ, XXVIII, 93.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», I, 81.
[3]) Тамъ-же, XIII, 187.
[4]) Соловьевъ, XXVIII, 382—386.
[5]) «Сб. Ист. Общ.», XII, 460—461.

Въ инструкціи, составленной англійскимъ министерствомъ для посланника Гуннинга, сказано: «Каковъ бы ни былъ исходъ настоящихъ переговоровъ, вы не преминете изгладить въ умѣ императрицы и ея министровъ всякое подозрѣніе относительно того, будто бы мы питаемъ зависть къ морскимъ и сухопутнымъ пріобрѣтеніямъ, которыя могутъ быть сдѣланы ею на Черномъ морѣ, исключая свободный проходъ русскимъ кораблямъ изъ этого моря въ Средиземное»[1]). Значитъ, уступчивость Англіи имѣла извѣстные предѣлы. Однако, Англія и въ отношеніи къ успѣшнымъ дѣйствіямъ Россіи въ Польшѣ, и въ отношеніи къ дальнѣйшимъ событіямъ турецкой войны оставалась спокойнымъ и благосклоннымъ зрителемъ. Въ письмѣ Екатерины къ г-жѣ Бьельке, отъ 4-го января 1772 года, сказано: «Я такъ привыкла къ дружбѣ англичанъ, что смотрю на каждаго изъ нихъ, какъ на лицо, желающее мнѣ добра, и дѣйствую, насколько отъ меня зависитъ, соображаясь съ этимъ. Если бы Англія была такъ близко ко мнѣ, какъ Швеція, я бы давно предприняла туда поѣздку, но по настоящему ея положенію я отказываюсь отъ этого»[2]).

Весьма недовольна была успѣхами русскаго оружія въ борьбѣ съ турками Австрія. Въ Вѣнѣ хорошо понимали, что каждая побѣда Россіи надъ Портою усиливала вліяніе Россіи въ Польшѣ. Вѣнскій дворъ желалъ служить посредникомъ между Турціею и Россіею. Тугутъ, австрійскій дипломатъ въ Константинополѣ, долженъ былъ внушить Портѣ, что Австрія не станетъ смотрѣть равнодушно на занятіе Молдавіи русскими войсками. Со стороны Порты была сдѣлана попытка вовлечь Австрію въ войну противъ Россіи, однако это стараніе оказалось тщетнымъ. Марія-Терезія и Кауницъ довольствовались тѣмъ, что Іосифъ II, при свиданіяхъ съ Фридрихомъ II въ Нейссе и въ Нейштадѣ, говорилъ о необходимости обузданія честолюбія и страсти къ завоеваніямъ императрицы.

Наконецъ, и Фридрихъ II былъ недоволенъ постоянно получавшимися извѣстіями о побѣдахъ Россіи. Онъ видѣлъ, что чрез-

---

[1]) Of any territorial or maritime acquisitions she may make on the Black sea e x c l u s i u e of a passage for Russian ships from that sea to the Mediterranean». Такъ напечатано въ изд. «Сб. Ист. Общ.», XIX, 267. Русскій переводъ неправиленъ: «пріобрѣтеніямъ, которыя могутъ быть сдѣланы ею на Черномъ морѣ в ъ в и д у д о с т а в л е н і я свободнаго прохода русскихъ кораблей изъ этого моря въ Средиземное».

[2]) «Сб. Ист. Общ.», XIII, 209.

мѣрными успѣхами русскаго оружія усложняется вопросъ объ условіяхъ мира. Къ тому же, онъ началъ тяготиться союзомъ съ Россіею и изъявлялъ готовность къ нѣкоторому сближенію съ Австріею. Послѣ рѣшительныхъ побѣдъ, одержанныхъ Россіею лѣтомъ 1770 года, онъ, въ своихъ письмахъ къ императрицѣ, началъ давать ей совѣты, расхваливать добродѣтель умѣренности, справедливости, уступчивости и пр. Все это легко могло повести къ недоразумѣніямъ, къ охлажденію дружбы между Фридрихомъ и Екатериною. Фридрихъ II сопровождалъ свое собственноручное письмо къ императрицѣ отъ 4-го января 1771 г. запискою, въ которой было указано на предѣлы требованій Россіи при заключеніи мира съ Турціею. Король въ этой запискѣ выразилъ желаніе, чтобы Екатерина отказалась отъ своего намѣренія пріобрѣсти Крымъ и дунайскія княжества; далѣе, онъ выставлялъ на видъ, что пріобрѣтеніе Россіею одного изъ архипелажскихъ острововъ было бы несовмѣстно съ интересами разныхъ державъ; затѣмъ онъ требовалъ, чтобы Екатерина не настаивала на независимости крымскихъ татаръ; наконецъ онъ указывалъ на то, что, въ случаѣ чрезмѣрныхъ требованій Россіи, Порта станетъ искать союза съ Австріею и пр.[1]).

Изъ нѣсколькихъ писемъ Фридриха II къ брату, Генриху, находившемуся въ концѣ 1770 года въ Петербургѣ, видно, въ какой степени король желалъ окончанія русско-турецкой войны. Однако, изъ этихъ же писемъ можно усмотрѣть, что онъ въ сущности не считалъ требованія Россіи чрезмѣрными. Въ этомъ смыслѣ онъ говорилъ и съ австрійскимъ дипломатомъ, фанъ-Свитеномъ.

Понятно, что Екатерина была раздражена запискою Фридриха II. Она написала Панину, между прочимъ: «Во всѣхъ этихъ бумагахъ», т. е. въ письмѣ и запискѣ Фридриха, «видно большое неудовольствіе, мелкая зависть и угрозы; но эти угрозы не прямо отъ него, а все положено на счетъ вѣнскаго двора; но когда увидятъ, что угрозами ничего не выиграютъ, то остальное найдется само собою. Держитесь крѣпко и ни шага назадъ: все обдѣлается какъ нельзя лучше; а если увидятъ, что мы гонимся за миромъ, получимъ миръ дурной»[2]).

Требованіе Фридриха, чтобы Россія, послѣ столь успѣшныхъ военныхъ дѣйствій, довольствовалась двумя Кабардами, Азовомъ съ округомъ и свободнымъ плаваніемъ по Черному морю, дѣйстви-

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XX, 276 и слѣд.
[2]) Соловьевъ. XXVIII, 211—212.

тельно могло считаться оскорбленіемъ. Екатерина отвѣчала королю несобственноручно, что не можетъ согласиться на условія мира, предложенныя королемъ, указывая нѣсколько подробнѣе на притязанія Россіи. Фридрихъ повторилъ свое предостереженіе, замѣчая: «Я прошу ваше величество не смотрѣть на эти переговоры, какъ на бездѣлицу. Я имѣю причину считать ихъ дѣломъ крайней важности, которое, еслибы не повело къ желанной цѣли, могло бы навлечь на васъ войну, гораздо болѣе опасную и трудную, чѣмъ война съ турками»[1]).

Въ этомъ же тонѣ говорили о притязаніяхъ Россіи Кауницъ въ бесѣдѣ съ Голицынымъ въ Вѣнѣ, Лобковичъ въ бесѣдѣ съ графомъ Панинымъ въ Петербургѣ. Въ собственноручно составленной запискѣ Екатерина объясняла свой взглядъ на вопросъ объ условіяхъ мира [2]). Вѣнскій дворъ грозилъ, что не останется равнодушнымъ къ требованіямъ Россіи. Панинъ оказался нѣсколько болѣе склоннымъ къ уступкамъ, нежели императрица.

Въ столь затруднительномъ положеніи раздѣлъ Польши служилъ лучшимъ, если не единственнымъ средствомъ примиренія интересовъ различныхъ державъ. Въ то самое время, когда Россія готовилась къ продолженію турецкой войны, къ нападенію, буде возможно, на самую турецкую столицу, въ то самое время, когда можно было считать вѣроятнымъ окончательный разладъ между Австріею и Россіею, три державы, Пруссія, Австрія и Россія, рѣшились приступить къ раздѣлу Польши.

Фридрихъ II хотѣлъ во что бы то ни стало препятствовать столкновенію между Россіею и Австріею; онъ не безъ основанія опасался быть вовлеченнымъ въ войну, въ качествѣ союзника Россіи. Поэтому виды Россіи не могли не безпокоить короля. Когда Австрія хотѣла было заступиться за Польшу, онъ еще болѣе прежняго сблизился съ Россіею, разсчитывая на то, что уединенная Австрія едва ли рѣшится на крайнія мѣры, видя тѣсный союзъ Пруссіи съ Россіею. Послѣ разрыва между Россіею и Турціею, король не переставалъ считать возможнымъ усложненіе дѣла, вовлеченіе въ эту войну Австріи и Пруссіи. Нужно было для избѣжанія такой бѣды придумывать способъ удовлетворенія Россіи, пріобрѣтшей своими побѣдами надъ Портою право на кое-какія

---

1) «Сб. Ист. Общ.», XX, 301 и слѣд.
2) Соловьевъ, XXVIII, 256 и слѣд.

завоеванія. Въ разговорѣ съ императоромъ Іосифомъ II въ Нейссе Фридрихъ допускалъ, что союзъ съ Екатериною можетъ сдѣлаться для него тягостнымъ и слишкомъ дорого стоющимъ [1]). Когда началась турецкая война, Фридрихъ писалъ къ своему брату, Генриху: «Я твердо рѣшился не принимать участія въ войнѣ, которая нисколько до насъ не касается и которая можетъ доставить выгоды всякому другому, только не намъ». Однако, уплачивая, въ силу договора съ Россіею, субсидіи Екатеринѣ, онъ нѣкоторымъ образомъ все-таки принималъ участіе въ этой войнѣ и поэтому, въ свою очередь, мечталъ о кое-какомъ вознагражденіи при дѣлежѣ добычи. Въ Нейштадтѣ онъ говорилъ князю Кауницу: «Эта проклятая турецкая война безпокоитъ меня и мѣшаетъ мнѣ. Я былъ бы въ отчаяніи видѣть себя вынужденнымъ къ войнѣ съ вами; такъ какъ вы не можете спокойно смотрѣть на переходъ русскихъ войскъ чрезъ Дунай, такъ какъ вы должны будете препятствовать чрезмѣрнымъ успѣхамъ Россіи, легко могло бы случиться со мною такое несчастіе». Затѣмъ онъ говорилъ о своемъ искренномъ желаніи, чтобы война безъ дальнѣйшаго усложненія кончилась скорымъ заключеніемъ мира [2]).

Между тѣмъ, образъ дѣйствій Екатерины заставлялъ думать, что до заключенія мира было еще далеко. Фридрихъ писалъ къ Сольмсу: «Мнѣ кажется, что императрица всею душею желаетъ вовлечь всю Европу въ эту борьбу». Къ принцу Генриху король писалъ, что, если императрица перешагнетъ чрезъ Рубиконъ, т. е. передвинетъ свои войска за Дунай, то легко можетъ разгорѣться пожаръ, конецъ котораго вѣдомъ одному Богу. «Поэтому миръ, миръ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше», писалъ Фридрихъ. Именно это миролюбіе заставило короля проповѣдовать Екатеринѣ о добродѣтели уступчивости и этимъ оскорбить ее до того, что она замѣтила: «Никогда я не ожидала, что король сдѣлается стряпчимъ турокъ» [3]).

Такимъ образомъ, Фридрихъ въ одно и то же время грозилъ Австріи нерасположеніемъ Россіи и, обратно, Россіи склонностью Австріи къ разрыву. Въ Нейссе, сидя за обѣдомъ съ императоромъ Іосифомъ, Фридрихъ сказалъ, что всей Европѣ придется останавливать чрезмѣрное развитіе могущества Россіи. Въ Нейштадтѣ онъ просилъ Кауница указать ему на средства внушить

---

1) Duncker, 174, 176—177, 182.
2) Reimann, 255, 328—329.
3) Beer, II, 42, 45, 54.

императрицѣ страхъ; онъ даже предложилъ, чтобы Австрія прямо протестовала противъ перехода русскихъ войскъ чрезъ Дунай [1]). Узнавъ о требованіяхъ Россіи при переговорахъ о мирѣ, король, въ бесѣдѣ съ барономъ фанъ-Свитеномъ, замѣтилъ, что заговоритъ теперь съ императрицею въ совершенно иномъ тонѣ [2]). Въ то же время, однако, король не переставалъ испещрять свои письма къ Екатеринѣ восторженными похвалами и любезностями всякаго рода. Очевидно, онъ высоко цѣнилъ значеніе союза съ Россіею. Въ тѣсной связи со всѣмъ этимъ находилась поѣздка принца Генриха въ Петербургъ.

Лѣтомъ 1770 года, узнавъ о пребываніи брата Фридриха II въ Швеціи, у его сестры, королевы, Екатерина просила короля побудить принца къ посѣщенію Петербурга [3]). Быть можетъ, нѣкоторое сближеніе Пруссіи съ Австріею, свиданіе короля съ императоромъ Іосифомъ въ Нейштадтѣ, заставили Екатерину пригласить къ себѣ принца Генриха. Король тотчасъ же рѣшился исполнить желаніе Екатерины и въ письмѣ къ брату выставлялъ на видъ, что поѣздка въ Петербургъ должна считаться дѣломъ необходимости [4]). Въ одной депешѣ къ Сольмсу, король указывалъ на путешествіе принца, какъ на средство къ еще болѣе тѣсному сближенію съ Россіею. Въ сравненіи съ графомъ Сольмсомъ, принцъ Генрихъ находился въ болѣе выгодномъ положеніи, имѣя возможность во всякое время безъ свидѣтелей разговаривать съ Екатериною [5]).

Принцъ пріѣхалъ Петербургъ и пробылъ тамъ послѣдніе мѣсяцы 1770 года до начала 1771 года. Екатерина обращалась съ нимъ крайне любезно и привѣтливо, устраивала въ честь его великолѣпныя празднества, поѣздки въ саняхъ съ фейерверкомъ, маскерады и пр. Непринужденный тонъ въ обществѣ императрицы, веселость, остроумныя забавы въ «Эрмитажѣ» понравились принцу Генриху. Онъ и лица его свиты удостоились щедрыхъ подарковъ, орденовъ и т. д.[6]).

Принцъ Генрихъ произвелъ въ Петербургѣ довольно благопріятное впечатлѣніе [7]). Екатерина писала къ графу Алексѣю Орлову: «Принцъ при первомъ свиданіи такъ былъ намъ легокъ

---

1) Reimann, 293, 330.
2) Beer, II, 15.
3) «Сб. Ист. Общ.», XX, 271.
4) Duncker, 197.
5) Reimann, 343.
6) Hordt, «Mémoires d'un gentilhomme suédois». Berlin, 1788. 310—321.
7) Blum, «Ein russischer Staatsmann», I, 312, 313, 315.

Иллюминація на дорогѣ между Петербургомъ и Царскимъ-Селомъ по случаю пріѣзда прусскаго принца Генриха.

Съ гравюры прошлаго столѣтія. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

на рукѣ, какъ свинцовая птица, а что уменъ, то ужь очень уменъ, и сказываютъ, что какъ приглядится, то онъ будетъ обходителенъ и ласковъ; но въ первый разъ онъ былъ такъ штейфъ, что онъ мнѣ наипаче надоѣлъ, но притомъ должно ему ту справедливость отдать, что штейфъ одна фигура его, а въ прочемъ онъ все то дѣлалъ, что̀ надлежало, съ большой ко всѣмъ атенціею, только наружность его такъ холодна, что на крещенскіе морозы похожа»[1]). Въ одномъ изъ писемъ къ г-жѣ Бьельке Екатерина, говоря о принцѣ, замѣтила: «Нужно отдать ему справедливость; этотъ герой нисколько не роняетъ своей громкой репутаціи; независимо отъ своего рожденія, онъ человѣкъ высокаго достоинства»[2]). Послѣ его отъѣзда, Екатерина старалась узнать, былъ ли принцъ доволенъ своимъ пребываніемъ въ Петербургѣ; по ея желанію, графъ Григорій Орловъ долженъ былъ отправить принцу драгоцѣнный подарокъ, картину фанъ-деръ-Верфа, которую сопровождало письмо, написанное самою императрицею[3]). Изъ другихъ источниковъ, напр., изъ писемъ Гримма, изъ записокъ Сегюра и пр., мы узнаемъ, что принцъ Генрихъ чрезвычайно выгодно отзывался о Екатеринѣ.

Разумѣется, принцъ Генрихъ и императрица не разъ бесѣдовали о политическихъ дѣлахъ. Незадолго до этого совершилось занятіе Ципскаго графства австрійцами. Вѣнскій дворъ открылъ въ Польшѣ клочекъ земли, который, по его мнѣнію, издавна принадлежалъ Австріи. Занимая Ципское графство (въ 1769—70 гг.), Австрія давала примѣръ другимъ державамъ, желавшимъ также поживиться на счетъ Польши. Въ началѣ января 1771 г. Екатерина, въ бесѣдѣ съ принцемъ Генрихомъ, какъ бы случайно заговорила объ этомъ событіи, и спросила, шутя, почему бы другимъ державамъ не подражать примѣру Австріи. Въ тотъ же вечеръ графъ Чернышевъ, въ бесѣдѣ съ принцемъ, затронулъ этотъ же предметъ и выразилъ свое удивленіе скромности короля Фридриха II, который могъ бы завладѣть Эрмеляндіею, такъ какъ каждому пригодился бы кусокъ Польши. Все это было сказано какъ бы мимоходомъ, въ тонѣ шутки; однако, эти разговоры служили исходною точкою для серьезныхъ переговоровъ. Такъ, напримѣръ, принцъ Генрихъ, въ разговорѣ съ Сальдерномъ, началъ говорить сначала лишь намеками о проектѣ раздѣла Польши, объясняя выгоды тройственнаго союза между Россіею, Пруссіею и Австріею

[1]) «Сб. Ист. Общ.», I, 62.
[2]) Тамъ-же, XIII, 44.
[3]) Тамъ-же, XIII, 140.

и пр. [1]). Панинъ съ радостью принялся за осуществленіе этихъ предположеній.

Принцъ Генрихъ уже съ давнихъ поръ сожалѣлъ о томъ, что его братъ платилъ Россіи субсидіи, не извлекая изъ этого никакой выгоды; еще до своей поѣздки въ Россію, принцъ въ письмѣ къ королю выразилъ надежду на какое нибудь вознагражденіе Пруссіи, пріобрѣтеніемъ части Польши [2]). Онъ самъ впослѣдствіи хвалился тѣмъ, что ему принадлежитъ главная доля заслуги при раздѣлѣ Польши, и Екатерина изготовила для него даже нѣчто въ родѣ свидѣтельства, удостовѣрявшаго его дѣятельность при этомъ случаѣ [3]). Не даромъ въ публикѣ въ то время господствовало убѣжденіе, что пребываніе принца въ Петербургѣ имѣло самое важное значеніе для рѣшенія вопроса о раздѣлѣ Польши [4]).

Нѣтъ сомнѣнія, что письма принца Генриха къ королю изъ Петербурга сильно повліяли на ходъ дѣла. Онъ прямо сдѣлалъ брату предложеніе приступить къ раздѣлу Польши. Тотчасъ же послѣ возвращенія Генриха въ Берлинъ, король началъ подробно заниматься вопросомъ о размѣрахъ пріобрѣтеній въ Польшѣ. Фридрихъ поручилъ Сольмсу дѣйствовать, съ цѣлью соглашенія между Россіею, Пруссіею и Австріею, относительно раздѣла Польши [5]).

Мысль о раздѣлѣ Польши была общею. Ее высказывали при разныхъ случаяхъ. Такъ, напр., русскій посланникъ въ Польшѣ, Волконскій, въ мартѣ 1770 года, сказалъ прусскому дипломату въ Варшавѣ Бенуа, что лучшимъ средствомъ для устраненія многихъ затрудненій было бы занятіе Россіею и Пруссіею нѣкоторыхъ польскихъ провинцій [6]). Также и Сальдернъ, преемникъ Волконскаго въ Польшѣ, въ письмѣ къ Панину утверждалъ, что нельзя иначе, какъ путемъ раздѣла, образумить поляковъ [7]). Уже въ 1769 году Фридрихъ отправилъ къ графу Сольмсу такъ называемый проектъ Линара о раздѣлѣ Польши, для обсужденія его съ Панинымъ, не настаивая, впрочемъ, впослѣдствіи на подробномъ разборѣ этого проекта [8]).

---

[1]) Duncker, 210—213.
[2]) Reimann, 351.
[3]) Соловьевъ, «Паденіе Польши» (нѣм. изд.), 150.
[4]) Hordt, «Mémoires», 321.
[5]) Arneth, VIII, 195, 294, 300.
[6]) Reimann, 311.
[7]) Тамъ-же, 408.
[8]) Schlözer, 111—114. Duncker, 178—180.

Благодаря образу дѣйствій Россіи въ Польшѣ со времени вступленія на престолъ Екатерины, вопросъ не столько заключался въ уничтоженіи самостоятельности Польши, сколько въ томъ, возможно ли было для другихъ державъ, для Австріи и Пруссіи, предоставить Россіи исключительно всю власть надъ Польшею. Самою близкою мыслью явилось желаніе участвовать въ дѣлежѣ добычи. Въ это же время Австрія была занята мыслью о раздѣлѣ Турціи [1]). Желаніе пріобрѣсти кое-какія турецкія владѣнія заставило Іосифа II въ 1780 г. сблизиться съ Россіею. Стремленіе къ присвоенію кое-какихъ польскихъ провинцій повело къ заключенію союза между Екатериною и Фридрихомъ II.

Вся Польша въ это время уже находилась фактически въ рукахъ Россіи. Пруссія по-неволѣ должна была спѣшить рѣшеніемъ участвовать въ раздѣлѣ.

Противники Россіи въ Польшѣ напрасно разсчитывали на помощь Турціи. Екатерина настаивала на томъ, чтобы русскія войска заняли нѣкоторыя важныя крѣпости въ Польшѣ, подъ предлогомъ отраженія ожидаемаго вторженія татаръ; въ сущности же, этимъ самымъ императрица хотѣла укрѣпить владычество Россіи надъ Польшею. Россію тамъ ненавидѣли. Русскіе дипломаты находились въ весьма затруднительномъ положеніи. Репнинъ называлъ то время, которое онъ провелъ въ Польшѣ, каторгою. Жалобы на насилія русскихъ не прекращались. Король находился въ самомъ отчаянномъ положеніи и во многихъ письмахъ къ императрицѣ сѣтовалъ на свою горькую долю. Екатерина отвѣчала, что, заступаясь за диссидентовъ, исполнила свой долгъ. Нѣсколько разъ Станиславъ говорилъ о своемъ намѣреніи отказаться отъ престола; однако Россія не соглашалась на перемѣну, потому что нуждалась именно въ такомъ польскомъ королѣ, каковъ былъ несчастный любимецъ Екатерины [2]).

Въ Польшѣ начали предвидѣть исходъ дѣла. Французскій резидентъ въ Данцигѣ, Жераръ, доносилъ, что король польскій предлагалъ дворамъ Берлинскому и Вѣнскому кое-какія провинціи Польши, на томъ условіи, чтобы они защитили его отъ насилія Россіи, чтобы они гарантировали наслѣдственность польской короны и пр. Когда Австрія захватила Ципское графство, въ Польшѣ стали думать, что непосредственно затѣмъ послѣдуетъ раздѣлъ Польши. Вскорѣ въ Польшѣ появились и прусскія войска.

---

[1]) Arneth, VIII, 339.

[2]) Соловьевъ, XXVIII, 58—82.

На помощь Франціи нельзя было разсчитывать. Дѣйствовать самостоятельно было невозможно. Всякое движеніе поляковъ было останавливаемо тотчасъ же угрозами и крутыми мѣрами Россіи. Русскія войска неустанно преслѣдовали и разсѣевали конфедератовъ. Въ особенности отличался Суворовъ, взявшій штурмомъ послѣдній оплотъ конфедератовъ — Краковскій замокъ. Екатерина писала королю, чтобы онъ не разсчитывалъ на помощь Франціи[1]).

Великимъ державамъ оставалось только условиться относительно добычи, которую должна была получить каждая изъ нихъ. Петербургскій дворъ твердилъ Пруссіи: «Такъ какъ Австрія подала примѣръ, оторвала кусокъ Польши, то Пруссія и Россія сдѣлали бы ошибку, не слѣдуя этому примѣру: нѣтъ сомнѣнія, что въ берлинскомъ архивѣ найдутся кое-какіе документы, на основаніи которыхъ Пруссія могла бы потребовать уступки кое-какой польской провинціи, а въ Петербургѣ найдутся вѣроятно бумаги, которыя заставятъ Россію настаивать на присоединеніи къ Россіи нѣкоторой части Польши». Сольмсу было сказано, что Россія считаетъ себя въ правѣ разсчитывать на вознагражденіе за расходы многолѣтней войны въ Польшѣ и Турціи. Довольно точно были при этомъ опредѣлены размѣры притязаній Россіи. Современниковъ удивляла рѣшимость, настойчивость Екатерины, руководившей всѣмъ этимъ дѣломъ[2]).

Однако, и дѣйствія Фридриха II отличались смѣлостью и рѣшимостью. Онъ требовалъ, чтобы Сольмсъ всячески старался доставить ему кусокъ Польши. «Если бы даже это была небольшая частица», писалъ Фридрихъ, «которую вы бы могли выхлопотать мнѣ, все-таки это служило бы нѣкоторымъ вознагражденіемъ за тѣ суммы денегъ, которыя я все время уплачивалъ Россіи»[3]). Фридрихъ II тѣмъ охотнѣе соглашался на раздѣлъ Польши, что этимъ самымъ можно было убавить пріобрѣтенія Россіи въ Турціи. «Для Россіи все равно», писалъ король, «откуда она получитъ вознагражденіе за расходы турецкой войны; а такъ какъ эта война была слѣдствіемъ польскихъ смутъ, то пусть Россія ищетъ вознагражденія именно въ Польшѣ». Король обратился къ графу Финкенштейну съ вопросомъ, нельзя-ли внушить Австріи мысль о присоединеніи къ Ципскому графству еще кое-какихъ польскихъ земель. «Если бы — прибавилъ король — Австрія согласи-

---

[1]) Соловьевъ, XXVIII, 177—192.
[2]) Reimann, 367, 377.
[3]) Тамъ-же, 384.

Изъявленіе конфедератами покорности Суворову послѣ взятія Краковскаго замка въ 1772 г.

Съ гравюры прошлаго столѣтія Энденера.

лась на это, то и мы могли бы претендовать на болѣе значительное пріобрѣтеніе». «Мы не останемся съ пустыми руками— замѣтилъ Фридрихъ немного спустя—если вообще дѣло дойдетъ до раздѣла Польши». Нужно было придти къ нѣкоторому соглашенію съ Австріею. Въ разговорѣ съ австрійскимъ посланникомъ Фридрихъ сказалъ: «Велите посмотрѣть въ вашихъ архивахъ, не найдутся-ли тамъ кое-какія притязанія на то или другое польское воеводство, которое могло бы вамъ пригодиться. Повѣрьте мнѣ: нужно воспользоваться случаемъ; я возьму свою долю, Россія свою» и пр.[1]). Говоря о своемъ желаніи присоединить городъ Данцигъ къ Пруссіи, король писалъ Сольмсу: «Авиньонъ принадлежалъ папѣ, а французы, все-таки, взяли этотъ городъ; Страсбургъ былъ вольнымъ городомъ, а Людовикъ XIV, не стѣсняясь этимъ, завладѣлъ этимъ мѣстомъ. Мало-ли подобныхъ случаевъ въ исторіи?»[2]).

Соглашеніе относительно Польши оказалось дѣломъ необходимости для избѣжанія столкновеній между Австріею, Пруссіею и Россіею по поводу усложненія русско-турецкихъ дѣлъ. Екатерина не хотѣла посредничества Пруссіи при заключеніи мира съ Турціею, и не допускала, чтобы Австрія, хотя бы сколько нибудь, помѣшала ей пожинать плоды побѣдъ, одержанныхъ ею надъ Турціею. Въ Австріи не столько желали препятствовать присоединенію Крыма къ Россіи, сколько считали опасною всякую перемѣну въ Молдавіи и Валахіи. Въ Вѣнѣ даже возникла мысль присоединиться къ Портѣ для борьбы противъ Россіи. Сама императрица-королева, до этого не соглашавшаяся на заключеніе союза съ невѣрными, начала серьезно мечтать о средствахъ, чтобы препятствовать дальнѣйшимъ успѣхамъ русскаго оружія. Кауницъ утверждалъ, что кромѣ Австріи не было ни одной державы, которая могла-бы спасти Турцію. Такимъ образомъ, Австрія рѣшилась на заключеніе союза съ Турціею[3]). При такихъ обстоятельствахъ, можно было считать вѣроятнымъ разрывъ между Австріею и Россіею.

Екатерина все время держала себя твердо и со свойственною ей гордостью. Панинъ въ бесѣдѣ съ Сольмсомъ замѣтилъ, что Россія никогда не допуститъ, чтобы Австрія предписывала ей законы. Фридрихъ, желавшій, во что бы то ни стало, пре-

---

[1]) Reimann, 385—391.
[2]) Тамъ-же, 425.
[3]) Beer, II, 26, 32, 37.

пятствовать разрыву между Австріею и Россіею, старался успокоить вѣнскій дворъ предложеніемъ участія въ раздѣлѣ Польши. Во время переговоровъ по этому вопросу оказалось, что относительно страсти къ завоеваніямъ Австрія нисколько не уступала ни Пруссіи, ни Россіи [1]).

Извѣстно, что Марія-Терезія въ теченіе нѣкотораго времени затруднялась участвовать въ раздѣлѣ Польши. Затѣмъ она дала свое согласіе [2]). Раздѣлъ состоялся въ силу договора, заключеннаго между тремя державами 5-го августа 1772 года. Польша лишилась около 4,000 квадратныхъ миль и слишкомъ 5 милліоновъ жителей. Ей оставалась территорія въ размѣрѣ 6,000 квадратныхъ миль съ 9 милліонами жителей. Россія пріобрѣла именно тѣ области, на которыя указывалъ Чернышевъ, за нѣсколько лѣтъ до раздѣла, т. е. бѣлорусскія области на Двинѣ и Днѣпрѣ, въ размѣрѣ 1775 квадратныхъ миль съ 1.800,000 жителей. Даже противники Россіи восхваляли ловкость политическихъ дѣйствій Екатерины. Кауницъ въ то время, когда былъ заключенъ договоръ о раздѣлѣ Польши, писалъ князю Лобковичу: «Я смотрю на нынѣшнюю политическую систему русскаго двора во всемъ объемѣ ея, какъ на образецъ политической мудрости; эта система отличается во всѣхъ отношеніяхъ обдуманностью, совершенствомъ и единствомъ мысли» [3]).

Настаивая на удержаніи Польши въ прежнемъ состояніи, заступаясь за польскихъ диссидентовъ, стремясь къ превращенію Польши въ зависимое отъ Россіи государство, Екатерина достигла весьма важнаго результата. Прежняя мысль императрицы о превращеніи всей Польши, такъ сказать, въ провинцію Россіи, оказалась неудобоосуществимою. Склонность Пруссіи къ сохраненію мира, нерасположеніе Австріи заставили Екатерину уступить нѣкоторую долю добычи обѣимъ этимъ державамъ [4]). Въ сущности завоевательная политика Россіи повела къ раздѣлу Польши. Успѣхи русскихъ дипломатовъ и полководцевъ въ Польшѣ, побѣды русскаго оружія при Чесмѣ, Ларгѣ и Кагулѣ сдѣлались источникомъ несчастія, постигшаго Рѣчь Посполитую. Фридрихъ II былъ правъ, замѣчая, еще за годъ до раздѣла, въ своемъ письмѣ къ Екатеринѣ, отъ 30-го сентября 1771 года: «Опера, сочиненная вашимъ величествомъ, будетъ выполнена безъ малѣйшей оста-

---

[1]) Beer, II, 173.
[2]) См. кое-какія подробности у Соловьева, XXVIII, 252 и слѣд.
[3]) Beer, II, 194—195.
[4]) Duncker, 259—260.

THE TVVELFTH CAKE. | **LE GÂTEAU DES ROIS.**

Sold by Robt. Sayer No. 53. in Fleet Street. | *et se trouve à Paris chez le Mire rue St. Etienne des Grès.*

Современное аллегорическое изображеніе раздѣла Польши.

новки»[1]). Однако, онъ самъ во все время съ одной стороны содѣйствовалъ успѣхамъ Россіи, а съ другой препятствовалъ чрезмѣрному расширенію ея могущества.

Для Екатерины пріобрѣтеніе Бѣлоруссіи имѣло весьма важное значеніе. Столѣтіемъ раньше, при подобныхъ условіяхъ, благодаря тѣсной связи между религіозными и политическими интересами, была присоединена къ московскому государству Малороссія. Заступничество за единовѣрцевъ въ Польшѣ придавало дѣйствіямъ Екатерины значеніе національнаго подвига. Не столько въ то время, сколько впослѣдствіи, была рѣзко осуждаема насильственность образа дѣйствій Россіи. Отвѣтственность за раздѣлъ Польши лежитъ на Екатеринѣ и на Фридрихѣ II. Соглашеніе по этому дѣлу представляло собою апогей прусско-русскаго союза. Виды Россіи по отношеніи Турціи рано или поздно должны были повести къ отчужденію Пруссіи отъ Россіи и къ сближенію между вѣнскимъ дворомъ и Екатериною.

Въ Константинополѣ извѣстіе о судьбѣ, постигшей Польшу, произвело чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе. Турки считали вѣроятнымъ, что между великими державами существовали коекакія соглашенія и относительно раздѣла владѣній Порты[2]).

И дѣйствительно, существовали кое-какіе проекты относительно раздѣла Турціи, однако ихъ осуществленію препятствовали разныя затрудненія.

Оказалось невозможнымъ одновременно порѣшить и съ Польшей и съ Турціей. Екатерина не хотѣла допустить посредничества Австріи и Пруссіи въ примиреніи Турціи съ Россіею. Не смотря, однако, на готовность императрицы продолжать войну и даже довести дѣло до разрыва съ Австріею, въ Россіи вообще обнаруживалась сильная потребность въ мирѣ. Въ этомъ смыслѣ разсуждали въ Государственномъ Совѣтѣ въ Петербургѣ. Панинъ писалъ Румянцеву о необходимости прекращенія военныхъ дѣйствій; о предстоявшемъ мирѣ говорилось часто и въ перепискѣ Екатерины съ Румянцевымъ, Алексѣемъ Орловымъ и др.[3]).

При переговорахъ о мирѣ, главное значеніе имѣли вопросы о Молдавіи, Валахіи и Крымѣ. Въ отношеніи къ дунайскимъ кня-

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XX, 311.

[2]) См. письмо французскаго посла изъ Константинополя отъ 3-го іюля 1772 г. въ соч. Жофре (Jauffret), II, 35.

[3]) «Русскій Архивъ», 1882, III, 59. «Сб. Ист. Общ.», XIII, 203, I, 84—90.

жествамъ расходились интересы Россіи и Австріи; зато можно было легче надѣяться на достиженіе желанной цѣли относительно Крыма.

Въ Константинополѣ заговорили о необходимости съѣзда дипломатовъ въ Яссахъ. Россія изъявила готовность согласиться на переговоры, но желала въ то же время продолженія военныхъ дѣйствій: именно въ это время въ Петербургѣ мечтали о нападеніи на Константинополь. Особенно императрица доказывала въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта, что успѣхами военныхъ дѣйствій въ четвертой кампаніи (1772) должно принудить Порту къ заключенію выгоднаго мира [1]).

Переговоры о мирѣ на съѣздѣ въ Фокшанахъ, лѣтомъ 1772 года, не повели къ желанной цѣли. Повѣренными Россіи были Григорій Орловъ и освобожденный изъ заключенія Обрѣзковъ. Въ инструкціи, составленной для этихъ дипломатовъ, было сказано, что главное затрудненіе при переговорахъ будетъ заключаться въ требованіи независимости татаръ, но что во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, скорѣе чѣмъ въ этомъ условіи, можно дѣлать уступки туркамъ. Екатерина ожидала успѣха отъ способностей гр. Орлова, которыя она расхваливала между прочимъ въ письмахъ къ г-жѣ Бьельке [2]).

Въ концѣ мая 1772 года, было заключено перемиріе въ Джурджевѣ. Въ концѣ іюля, начались переговоры о мирѣ въ Фокшанахъ. Русскіе при этомъ случаѣ чрезвычайно хвалили образъ дѣйствій прусскаго дипломата, Цегелина, между тѣмъ какъ холодность и нерасположеніе австрійскаго дипломата, Тугута, производила на нихъ неблагопріятное впечатлѣніе. Турки не хотѣли и слышать о независимости татаръ. Полагали, что Орловъ, въ сущности, не желалъ продолженія войны; говорили о разныхъ обширныхъ планахъ графа, оскорблявшаго турецкихъ дипломатовъ своею надменностью [3]). Какъ бы то ни было, но по истеченіи трехъ недѣль съѣздъ кончился, не достигнувъ цѣли. Екатерина писала Вольтеру: «Я скоро начну съ Мустафою новую переписку пушечными выстрѣлами, такъ какъ ему угодно было приказать своимъ уполномоченнымъ расторгнуть фокшанскій конгрессъ и перемиріе кончается сегодня» [4]). Екатерина была склонна

---

[1]) Соловьевъ, XXVIII, 336—337. О нападеніи на Константинополь см. «Архивъ Государственнаго Совѣта», 133 и слѣд.

[2]) «Сб. Ист. Общ.», XIII, 258—259.

[3]) Jauffret, I, 440—450. «Русск. Арх.», 1873, 82 и слѣд.

[4]) «Сб. Ист. Общ.», XIII, 260.

приписывать неудачу переговоровъ козням Австріи. Панинъ же считалъ Орлова виновникомъ неуспѣшнаго хода дѣла [1]). Въ какой мѣрѣ Россія желала мира, видно изъ ея стараній устроить новый конгрессъ. Дѣйствительно, осенью 1772 года, переговоры возобновились въ Букарестѣ, причемъ представителемъ Россіи былъ одинъ Обрѣзковъ, послѣ того какъ Орловъ возвратился въ Петербургъ.

Екатерина не желала чрезмѣрной уступчивости. Она писала: «Если при мирномъ договорѣ не будетъ одержано — независимость татаръ, ни кораблеплаваніе на Черномъ морѣ, то за вѣрно сказать можно, что со всѣми побѣдами мы надъ турками не выиграли ни гроша, и я первая скажу, что такой миръ будетъ столь же стыдный, какъ прутскій и бѣлградскій въ разсужденіи обстоятельства» [2]).

Россія въ это время находилась въ весьма затруднительномъ положеніи. Чума свирѣпствовала въ войскѣ; въ Швеціи совершился государственный переворотъ, обезпечившій власть короля Густава III, который легко могъ сдѣлаться опаснымъ противникомъ Россіи; къ крайнему удивленію Румянцова, ему было приказано отправить нѣкоторую часть войскъ для защиты сѣверныхъ границъ Россіи, въ случаѣ нападенія на нихъ Швеціи.

И букарестскій съѣздъ не повелъ къ желанной цѣли. Турція не хотѣла уступить Россіи Керчь и Еникале. Рейсъ-ефенди говорилъ Обрѣзкову: «Уступить Керчь и Еникале все равно, что войти въ зависимость отъ Россіи, которая въ короткое время построитъ тамъ страшный флотъ и будетъ предписывать намъ законы» [3]).

Такимъ образомъ, нужно было готовиться къ продолженію военныхъ дѣйствій, распорядиться о новомъ рекрутскомъ наборѣ, послать полководцамъ и адмираламъ новыя инструкціи. Императрица произнесла въ Государственномъ Совѣтѣ собственноручно ею написанную рѣчь, въ которой говорила о средствахъ облегчить для народа бремя войны вообще и рекрутскаго набора въ особенности [4]). Румянцеву было приказано перейти чрезъ Дунай.

Войска дѣйствовали успѣшно. Суворовъ взялъ Туртукай; Вейсманъ разбилъ турокъ при Карасу; Румянцевъ перешелъ черезъ Дунай, разбилъ турокъ, открылъ осаду Силистріи и затѣмъ вторично разбилъ турокъ при Кучукъ-Кайнарджи. Екатерина

---

[1]) Соловьевъ, XXVIII, 342.
[2]) Тамъ-же, XXVIII, 343.
[3]) Тамъ-же, XXIX, 8.
[4]) «Сб. Ист. Общ.», XIII, 354—356.

была чрезвычайно довольна и писала Вольтеру, что можно ожидать скораго заключенія мира.

Однако, Румянцевъ не могъ взять Силистріи и даже былъ принужденъ возвратиться на лѣвый берегъ Дуная. Въ пространномъ письмѣ къ императрицѣ онъ объяснялъ, почему отступленіе сдѣлалось необходимымъ. Екатерина, хотя сильно смущенная непріятнымъ извѣстіемъ, обнаружила при этомъ случаѣ необычайное знаніе людей и безпристрастіе; она умѣла цѣнить заслуги знаменитаго полководца и, несмотря на коварство противниковъ Румянцева, обрадовала его письмомъ, доказывавшимъ, что она вникаетъ въ его положеніе [1]). Хотя Екатерина и казалась веселою и въ письмѣ къ Вольтеру шутила надъ отступленіемъ Румянцева [2]), но иностранные дипломаты замѣчали, что императрица, привыкшая къ успѣхамъ, сильно была озабочена медленностью хода военныхъ дѣйствій. Между тѣмъ какъ государственные люди, окружавшіе Екатерину, Панинъ, Чернышевъ, Орловъ и пр., казались склонными къ уступкамъ, императрица держалась своего прежняго мнѣнія, что должно успѣшными военными дѣйствіями принудить турокъ къ заключенію выгоднаго мира.

Екатерина составила «Хронологическій перечень событій кампаніи противъ турокъ, съ 6 октября 1768 по августъ 1771 года». Изъ этого труда, весьма тщательно писаннаго, видно, какъ она любила указывать на блескъ и славу этихъ трехъ походовъ, какъ она гордилась успѣхами русскаго оружія [3]). Чѣмъ болѣе она обращала вниманія на свои побѣды, тѣмъ менѣе могла согласиться на уступки.

Между тѣмъ, то обстоятельство, что Цегелинъ въ Константинополѣ ревностно хлопоталъ о мирѣ, оказалось весьма выгоднымъ для Россіи. Порта была утомлена войною. Въ войскахъ ея происходили бунты [4]). Поэтому въ Константинополѣ мало-по-малу начинали свыкаться съ мыслью о независимости татаръ. Зато турки никакъ не хотѣли отдать Россіи Керчь и Еникале [5]), а взамѣнъ того, какъ писалъ Цегелинъ, изъявляли готовность пожертвовать Кинбурнскою крѣпостью въ окрестностяхъ Очакова. Государственный Совѣтъ, при обсужденіи этого вопроса, находилъ, что можно было принять предложеніе Порты. Географическое положеніе Кинбурна представляло собою значительныя вы-

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XIII, 349.
[2]) Тамъ-же, XIII, 357.
[3]) Тамъ-же, XIII, 150—158.
[4]) Bernhardi, «Vermischte Schriften», I—113—114.
[5]) Zinkeisen, «Gesch. d. osm. Reiches», VI, 77.

годы. Одинъ Орловъ былъ недоволенъ, требуя, чтобы Россія настаивала на уступкѣ Очакова съ окрестною степью. Сама Екатерина считала возможнымъ требовать не только Кинбурнъ, но и Очаковъ. Во всякомъ случаѣ, рѣшилъ Государственный Совѣтъ, Россія должна была вести переговоры о мирѣ съ Турціею прямо, безъ участія другихъ державъ, особенно же безъ вмѣшательства Франціи и Австріи.

Между тѣмъ, военныя операціи продолжались. Румянцевъ оставался въ затруднительномъ положеніи. Русскій флотъ, не располагавшій достаточнымъ войскомъ для высадокъ, тщетно старался нанести вредъ туркамъ на берегахъ Сиріи.

Хотя, такимъ образомъ, условія для окончанія войны казались неблагопріятными, Россія все-таки не соглашалась на предложеніе Франціи о посредничествѣ въ примиреніи Россіи съ Турціею[1]). Между тѣмъ умеръ султанъ Мустафа. Въ Петербургѣ ожидали, что воцареніе Абдулъ-Гамида подастъ поводъ къ смутамъ въ Турціи. Тѣмъ болѣе императрица желала, чтобы Румянцевъ дѣйствовалъ успѣшно. Въ это же время въ Россіи начала свирѣпствовать Пугачевщина. Государственный Совѣтъ рѣшилъ, въ мартѣ 1774 года, отказаться отъ требованія уступки Керчи и Еникале и довольствоваться Кинбурномъ и свободнымъ плаваніемъ по Черному морю.

Къ удовольствію Екатерины, русскія войска начали дѣйствовать успѣшнѣе. Каменскій одержалъ побѣду при Козлуджѣ и приближался къ Шумлѣ. Салтыковъ осадилъ Рущукъ; Румянцевъ— Силистрію. Заборовскій готовился къ переходу чрезъ Балканы и движенію на Константинополь.

При такихъ обстоятельствахъ оказалось, наконецъ, возможнымъ, 10-го іюля, заключить миръ въ Кучукъ-Кайнарджи на слѣдующихъ условіяхъ: татары сдѣлались независимыми отъ Турціи; Россія пріобрѣла Керчь, Еникале, Кинбурнъ и все пространство между Бугомъ и Днѣпромъ, получила право свободнаго плаванія по Черному морю; Турція обязалась заплатить Россіи $4^1/_2$ милліона за расходы войны; Азовъ, обѣ Кабарды, долины Кубани и Терека были уступлены Россіи. Особенно важнымъ оказалось условіе, въ силу котораго Россія пріобрѣла право заступничества за права христіанъ въ Молдавіи и Валахіи и Турція обязалась довольствоваться умѣренною данью и руководствоваться, при обращеніи съ христіанскими подданными, началами терпимо-

---

[1]) Соловьевъ, XXIX, 77.

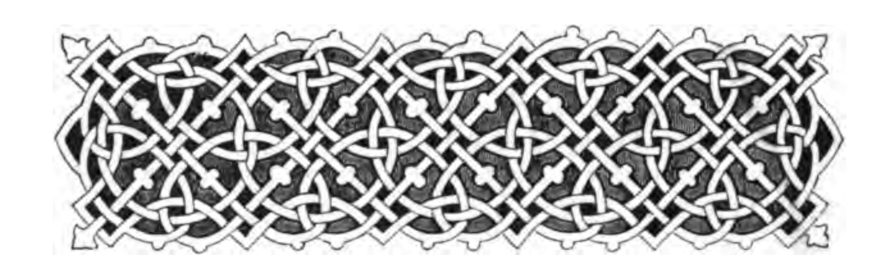
сти. Такимъ образомъ, Россія пріобрѣла право вмѣшательства во внутреннія дѣла Турецкой имперіи.

Получивъ извѣстіе о мирѣ, Екатерина въ письмѣ къ Алексѣю Орлову замѣтила о неудовольствіи нѣкоторыхъ иностранныхъ дипломатовъ слѣдующее: «Вчерашній день здѣсь у меня ужиналъ весь дипломатическій корпусъ, и любо было смотрѣть, какія были рожи на друзей и недрузей; а прямо рады были только датскій да англійскій» [1]). Князь Кауницъ былъ чрезвычайно недоволенъ условіями мира [2]). Изъ Парижа писалъ Барятинскій: «Невѣроятно, до какой степени простирается здѣсь зависть къ нашимъ успѣхамъ. Находящіеся здѣсь поляки въ великомъ горѣ». Также и въ Стокгольмѣ, какъ писалъ Стахіевъ, извѣстіе о мирѣ произвело чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе [3]). Англійскій дипломатъ Гуннингъ доносилъ о слѣдующемъ эпизодѣ, случившемся послѣ полученія извѣстія о мирѣ: «Императрица сѣла за карты и, пригласивъ въ свою партію датскаго министра и меня, сказала довольно громко, чтобы быть услышанной, что, такъ какъ день этотъ для насъ весьма радостенъ, ей хочется видѣть вокругъ себя одни только веселыя лица. Смѣю упомянуть объ этомъ обстоятельствѣ, ибо оно между прочимъ убѣдило меня въ томъ, что, по ея мнѣнію, не одни только министры бурбонскаго дома недовольны столь раннимъ окончаніемъ войны, но также министры австрійскій и прусскій» [4]). Разговаривая съ Далемъ о заключенномъ мирѣ, Екатерина особенно гордилась тѣмъ, что соглашеніе съ Турціею состоялось безъ участія въ переговорахъ другихъ державъ [5]). Въ собственноручныхъ письмахъ къ разнымъ лицамъ она говорила съ радостью объ условіяхъ мира [6]). Полководцы и дипломаты были награждены щедро; въ слѣдующемъ году было устроено великолѣпное торжественное празднество въ честь мира, заключеннаго съ Турціею [7]).

Россія нуждалась въ отдыхѣ. Война стоила много денегъ и людей. Нужны были войска для борьбы противъ Пугачевщины. Впрочемъ, Кучукъ-Кайнарджійскій миръ имѣлъ лишь значеніе перемирія. Дальнѣйшія столкновенія между Россіею и Портою въ теченіе царствованія Екатерины были неизбѣжны.

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», I, 100.
[2]) Соловьевъ, XXIX, 141.
[3]) Тамъ-же, XXIX, 115—116.
[4]) «Сб. Ист. Общ.», XIX, 428.
[5]) «Русская Старина», XVII, 13.
[6]) «Сб. Ист. Общ.», XIII, 428, 435, 443.
[7]) Тамъ-же, XXIII, 29; XXVII, 42, 48, 93; Болотовъ, стр. 531 и слѣд.

ГЛАВА V.

Отношенія къ Пруссіи и Австріи.

АНТАГОНИЗМЪ между Австріею и Пруссіею въ продолженіе XVIII вѣка значительно содѣйствовалъ усиленію могущества Россіи. Особенно Екатерина умѣла воспользоваться борьбою Фридриха II съ Маріею Терезіею для развитія силъ, средствъ и вліянія Россіи. Соперничество Австріи и Пруссіи лишь въ концѣ царствованія Екатерины замѣнилось союзомъ между этими державами. Подобная перемѣна оказалась далеко не выгодною для Россіи, такъ какъ въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій до сближенія между Фридрихомъ-Вильгельмомъ II и Леопольдомъ II Екатерина, предпочитая сначала союзъ съ Пруссіею, ради польскихъ дѣлъ сближенію, съ Австріею, а затѣмъ, сближаясь съ Іосифомъ II, ради успѣшныхъ дѣйствій въ отношеніи къ татарамъ и туркамъ, тѣмъ самымъ заставляла высоко цѣнить дружбу Россіи.

Въ началѣ своего царствованія, Екатерина, однажды, въ письмѣ къ графу Кейзерлингу, объявила, что ея система заключается въ сохраненіи добрыхъ отношеній со всѣми державами, съ тою цѣлью, чтобы, заступаясь за слабѣйшихъ, угнетенныхъ, имѣть возможность играть роль третейскаго судьи въ Европѣ [1]). Другой разъ,

[1]) Соловьевъ, XXV, 361. «Être par là l'arbitre de l'Europe».

она замѣтила, что считаетъ для себя выгоднымъ сохранить нѣкоторое равновѣсіе въ Германіи и относиться по возможности безпристрастно къ разнымъ германскимъ государствамъ. Стремленіе Екатерины къ достиженію могущества и вліянія не ускользнуло отъ вниманія современниковъ. Саксонскій дипломатъ Эссенъ, наблюдая за образомъ дѣйствій императрицы въ Польшѣ, замѣтилъ, что вмѣшательство Россіи въ польскія дѣла должно считаться лишь приготовленіемъ къ достиженію дальнѣйшей и болѣе высокой цѣли и что эта цѣль заключается въ усиленіи русскаго вліянія на Германію[1]). Саксонскій дипломатъ Сакенъ доносилъ изъ Петербурга, въ 1765 году, что Россія никогда не заключитъ союза, въ которомъ ей приходилось-бы играть роль вспомогательной державы, что Екатерина никогда не поссорится съ Пруссіею изъ-за Австріи и что она всегда будетъ стараться удерживать за собою перевѣсъ на сѣверѣ и пр.[2]).

Раздѣлъ Польши и Кучукъ-Кайнарджійскій миръ доставили Россіи весьма важное положеніе въ Европѣ. И въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ, привыкли принимать въ соображеніе виды и намѣренія Россіи. Не даромъ Фридрихъ II всячески старался сохранить доброе расположеніе къ себѣ императрицы.

По случаю поѣздки великаго князя Павла Петровича въ Берлинъ для свиданія съ его невѣстою, виртембергскою принцессою, въ 1776 году, король Фридрихъ II оказалъ наслѣднику Екатерины самый радушный и великолѣпный пріемъ. Король гордился тѣмъ, что былъ главнымъ виновникомъ второго брака Павла. При каждомъ случаѣ, слѣдя за успѣхами Россіи въ области внѣшней политики и удивляясь неутомимой дѣятельности императрицы относительно администраціи и законодательства, Фридрихъ II не переставалъ восхвалять способности и заслуги Екатерины и льстить ей въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ.

Не даромъ король прусскій считалъ возможнымъ, что союзъ съ Россіей, доставившій ему значительныя выгоды въ отношеніи Польши, окажется чрезвычайно выгоднымъ и при другихъ комбинаціяхъ. Возобновленіе союзнаго договора между Пруссіею и Россіею въ 1777 году принесло Фридриху важную пользу, особенно въ то время, когда началась война за баварское наслѣдство.

---

[1]) Herrmann, V, 425.
[2]) Тамъ-же, V, 572.

Война за баварское наслѣдство.

Извѣстно, что Австрія желала воспользоваться пресѣченіемъ баварской курфиршеской линіи, въ лицѣ умершаго курфирста Максимиліана-Іосифа (30-го декабря 1777 г.), для расширенія своихъ владѣній, и что при этомъ случаѣ происходило нарушеніе правъ нѣкоторыхъ германскихъ династій. Фридрихъ II, заступаясь за прежнія учрежденія Германской имперіи, противодѣйствовалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ притязаніямъ Іосифа II. Онъ замѣтилъ, что не можетъ допустить замѣны прежнихъ правъ произволомъ австрійцевъ и что готовъ взяться за оружіе [1]).

Такимъ образомъ, должны были возобновиться враждебныя отношенія между Австріею и Пруссіею. Во время семилѣтней войны участіе Россіи въ борьбѣ между Фридрихомъ II и Маріею-Терезіею имѣло роковое значеніе для рѣшенія вопроса о перевѣсѣ и побѣдѣ той или другой державы. Такой же случай возвысить значеніе Россіи путемъ вмѣшательства въ германскія дѣла представился въ 1778 году. Екатерина чрезвычайно искусно умѣла воспользоваться этимъ случаемъ.

Императрица, въ отношеніи къ дѣламъ Германіи, предоставила себѣ полнѣйшую свободу дѣйствій. Саксонскій дипломатъ, баронъ Сакенъ, доносилъ изъ Петербурга, 5-го іюля 1776 года: «Здѣшнему двору нравится, что берлинскій дворъ заступается за права членовъ имперіи и оспариваетъ произвольныя правила австрійскаго правительства. Впрочемъ, здѣсь не желаютъ чрезмѣрнаго перевѣса Пруссіи въ дѣлахъ Германіи. Императрица желаетъ пріобрѣсти славу обезпеченіемъ правъ германской имперіи. Россія можетъ теперь въ отношеніи къ Германіи занять то мѣсто, которое занимали Людовикъ XIV и его преемники. Эта роль весьма важна и лестна» [2]).

Чѣмъ менѣе Франція могла удерживать за собою то значеніе въ Европѣ, которое она имѣла до этого, тѣмъ легче Россія могла, по случаю войны за баварское наслѣдство, разыгрывать роль «третейскаго судьи въ Европѣ», какъ выражалась Екатерина.

Въ началѣ 1778 года, Фридрихъ II говорилъ князю Долгорукому, что смерть курфирста баварскаго можетъ имѣть чрезвычайно важныя послѣдствія. «Я — говорилъ король — желаю, чтобъ

---

[1]) Ranke, «Werke», XXXI, 19.

[2]) Herrmann, VI, 6.

все уладилось мирно; но дѣла еще страшно запутаны, это настоящій хаосъ, и нельзя опредѣлить, что̀ отсюда выйдетъ... Саксонія потребовала моей помощи для пріобрѣтенія того, что̀ вдов-

Князь Д. М. Голицынъ, русскій посолъ въ Вѣнѣ съ 1761 по 1792 годъ.

Съ гравюры Тардье, сдѣланной съ портрета, писаннаго Друэ.

ствующая курфирстина уступила своему сыну, и я отвѣчалъ, что она можетъ положиться на меня... Вѣрно, что вѣнскій дворъ старается возбудить новую войну между Россіею и Портою» [1]).

[1]) Соловьевъ, XXIX, 258—259.

Очивидно, Фридрихъ желалъ возбудить нѣкоторое нерасположеніе России къ вѣнскому двору. Онъ не могъ желать новаго разрыва между Портою и Россіею, потому что, въ случаѣ войны Пруссіи съ Австріею, разсчитывалъ на вспомогательное войско Россіи. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ графу Сольмсу король горько жаловался на страсть Австріи къ завоеваніямъ. «При этомъ кризисѣ германскихъ дѣлъ—писалъ король—я могъ бы требовать помощи Россіи, поставить ее посредницею въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ спасеніе всего германскаго корпуса. Дѣйствительно, это самая блестящая роль для русской императрицы, и думаю, что ея величество не будетъ къ намъ нечувствительна, а будетъ мнѣ немножко благодарна за поданный ей случай» [1]).

Екатерина дѣйствительно мечтала о роли посредницы, и 2-го февраля 1778 года писала къ барону Гримму: «Что касается до баварскаго наслѣдства, то вы единственный человѣкъ въ мірѣ, который могъ распутать это дѣло; вы одарены Богомъ миротворящимъ духомъ» и пр. [2]).

Сольмсъ открылъ переговоры съ Панинымъ объ этомъ дѣлѣ. Екатерина сохраняла полнѣйшую независимость. Панинъ сказалъ, что русскій дворъ готовъ-бы помочь Фридриху вспомогательнымъ войскомъ, что Россія готова воспользоваться случаемъ для нѣкотораго убавленія австрійской спѣси и для усиленія значенія Россіи въ Германіи; въ то же время, однако, Панинъ указывалъ на турецкія дѣла, требующія усиленнаго вниманія Россіи, на опасность, грозившую ей со стороны Швеціи, на неопредѣленное отношеніе ко всѣмъ этимъ дѣламъ Франціи, и изъ всего этого выводилъ заключеніе, что Россія не имѣетъ возможности помочь Пруссіи вооруженною рукою. Немного позже, однако, какъ кажется, въ Пруссіи были получены болѣе благопріятныя извѣстія изъ Петербурга, ибо король 4-го февраля писалъ принцу Генриху: «Тотчасъ же по полученіи извѣстія о кончинѣ баварскаго курфирста, русскій дворъ отъ себя предложилъ мнѣ помощь, которая оказалась бы особенно значительною въ случаѣ сохраненія мира съ Портою» [3]).

Курфирстъ саксонскій также обратился къ императрицѣ съ просьбою о помощи. Посылая ей письмо курфирста, Фридрихъ II писалъ: «Вся имперія вопіетъ противъ несправедливости этого

[1]) Соловьевъ, XXIX, 260.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 78.
[3]) Reimann, «Geschichte des bairischen Erbfolgekrieges. Leipzig, 1869. 36.

деспотическаго дѣйствія; семейные договоры уничтожены, трактаты нарушены, имперскія постановленія уничтожены, словомъ, свобода и конституція германской имперіи ниспровергнуты на всегда, если въ этихъ печальныхъ обстоятельствахъ не противопоставятъ сильную преграду вѣроломству и деспотическимъ видамъ имперскаго двора. Всѣ акты и документы, относящіеся къ этому дѣлу, будутъ вручены министрамъ вашего императорскаго величества. Я знаю, что вамъ еще не вполнѣ выяснились намѣренія двора оттоманскаго, и надѣюсь, что ваше императорское величество будете имѣть достаточно вѣры въ мою ненарушимую преданность къ вашимъ интересамъ; вы не станете подозрѣвать, чтобы я желалъ отвратить васъ отъ обороны вашихъ собственныхъ земель; нѣтъ, государыня, если вашимъ войскамъ нужно еще унизить турокъ, то я буду первый, кто посовѣтуетъ вамъ употребить на то всѣ ваши силы; но если эти волненія утихнутъ, вся Германія и я съ довѣріемъ надѣемся, что ваше императорское величество, толико прославивъ свое новое отечество — Россію, вспомните, что вся германская имперія гордится тѣмъ, что вы тамъ увидѣли свѣтъ» [1]).

Какъ кажется, Екатерина вовсе не отвѣчала на это письмо. Когда затѣмъ графъ Подевильсъ прибылъ въ Петербургъ, чтобы отъ имени Фридриха II поздравить Екатерину съ рожденіемъ великаго князя Александра Павловича, императрица отвѣчала въ общихъ выраженіяхъ на поздравленіе короля. Въ письмѣ къ королю отъ 18-го апрѣля императрица слегка коснулась вопроса о Баваріи, выразивъ надежду на сохраненіе мира [2]).

Король началъ терять терпѣніе, и 10-го апрѣля писалъ Сольмсу, что, если Россія ограничится внушеніями Австріи, разумѣется, этимъ цѣль не можетъ быть достигнута, и что русскій дворъ хорошо сдѣлаетъ, взвѣсивъ вопросъ, насколько онъ можетъ хладнокровно смотрѣть на насиліе Австріи въ обращеніи съ германскими князьями. Король всячески старался вовлечь Россію въ войну съ Австріею.

Панинъ выразилъ желаніе, чтобы всѣ имперскіе князья разомъ обратились къ Россіи и Франціи съ просьбою о покровительствѣ. Фридрихъ возразилъ, что это невозможно, что никогда нельзя будетъ разсчитывать на единогласіе всѣхъ членовъ имперіи, при этомъ, однако, король выставлялъ на видъ, что образъ дѣйствій

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XX, 370—372; Reimann, 38—39.
[2]) Тамъ-же, XX, 373, 374.

вѣнскаго двора можетъ опрокинуть равновѣсіе Германіи и Европы и что поэтому Россія должна рѣшиться, по крайней мѣрѣ на диверсію, со стороны Галиціи [1]).

Фридрихъ предложилъ государямъ Саксоніи, Мекленбурга и Цвейбрюкена просить помощи Россіи; къ Сольмсу онъ писалъ, что Екатерина, вмѣсто того, чтобы жертвовать людьми и деньгами для достойнаго призрѣнія татарскаго хана, играла бы гораздо болѣе достойную роль, защищая учрежденія германской имперіи [2]).

Между тѣмъ, король выступилъ въ походъ. Изъ Шёнвальда онъ послалъ Екатеринѣ, 20 апрѣля, письмо, наполненное новыми жалобами на вѣнскій дворъ, указывая подробно на положеніе дѣлъ, не настаивая впрочемъ на участіи Россіи въ войнѣ [3]). Въ то же время, однако, онъ писалъ къ принцу Генриху: «Императрица все еще не можетъ рѣшить вопроса о мирѣ и войнѣ съ турками. Говорятъ, что въ Россіи предоставляютъ дѣла на произволъ судьбы» [4]). Панинъ совѣтовалъ не открывать военныхъ дѣйствій до рѣшенія вопроса о сохраненіи мира съ Турціею. Однако, Фридрихъ не успокоился на этомъ. «Я употреблю всѣ мои усилія», писалъ король, «чтобъ заставить германскихъ князей обратиться къ Россіи съ просьбою о помощи; надѣюсь склонить къ этому округа верхне- и нижне-саксонскій, вестфальскій, также князей, главнымъ образомъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ, по образцу шмалькальденскаго союза... но если бы между тѣмъ русская императрица захотѣла сдѣлать что-нибудь посущественнѣе, полезнѣе для насъ, то она бы приказала напасть на австрійскія владѣнія въ Польшѣ. Она можетъ быть увѣрена, что жители этихъ областей примутъ ея сторону... Кромѣ того, въ Венгріи много грековъ (православныхъ славянъ), которые примутъ сторону Россіи» и пр. Въ запискѣ къ Панину Сольмсъ замѣтилъ: «Такъ какъ императрица выразила свое благопріятное рѣшеніе на этотъ счетъ, то она не можетъ оскорбиться сильною настойчивостью короля въ полученіи этой помощи какъ можно скорѣе. Есть латинская пословица: кто даетъ скоро, тотъ даетъ дважды» [5]).

Для Екатерины было выгоднѣе медлить рѣшеніемъ; этимъ она придавала бо̀льшую цѣну помощи, которую оказывала Пруссіи. Къ тому же было трудно составить себѣ точное понятіе о част-

---

[1]) Соловьевъ, XXIX, 260—261.
[2]) Reimann, 67.
[3]) «Сб. Ист. Общ.», XX, 374—376.
[4]) Reimann, 94.
[5]) Соловьевъ, XXIX, 262—263.

ностяхъ вопроса о баварскомъ наслѣдствѣ. Въ августѣ 1778 г., императрица писала къ барону Гримму: «Кто правъ, кто виноватъ? кто вретъ? Рѣшите эти вопросы, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше». Въ началѣ ноября она, по полученіи отъ Гримма счетовъ по суммамъ, израсходованнымъ имъ по ея желанію, писала: «О Боже! лишь бы можно было привести въ такую же ясность дѣло о баварскомъ наслѣдствѣ!!!!!!!!» При этомъ она съ насмѣшкою замѣтила, что важность дѣла соотвѣтствуетъ числу восклицательныхъ зна-

Графъ Кобенцель, австрійскій посланникъ.

Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія.

ковъ, и что весь этотъ эпизодъ похожъ на комедію, въ родѣ «Севильскаго цирульника», съ тою только разницею, что въ комедіи Бомарше роль обманутаго играетъ докторъ Бартоло, между тѣмъ какъ въ большой драмѣ, которую разъигриваютъ въ Германіи, неизвѣстно, кто долженъ взять на себя эту роль [1]).

Вѣнскій дворъ также всячески старался снискать расположеніе Екатерины; Кауницъ пытался дѣйствовать на турокъ съ цѣлью сохраненія мира; при этомъ онъ ухаживалъ за русскимъ посломъ въ Вѣнѣ, княземъ Голицынымъ. Іосифъ II, въ бесѣдѣ

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 97, 109.

съ послѣднимъ, говорилъ о солидарности интересовъ Россіи и Австріи. Марія Терезія, увѣряя Голицына, по поводу рожденія великаго князя, въ своемъ расположеніи къ Екатеринѣ, не могла не прибавить: «Вы можете быть увѣрены, что тѣ, которые предполагаютъ во мнѣ другія чувства, говорятъ неправду». Іосифъ II, разговаривая съ Голицынымъ о пріобрѣтеніи Австріею Буковины и о войнѣ за баварское наслѣдство, сказалъ: «Ничтожныя пріобрѣтенія, какія мы недавно сдѣлали отъ Порты и какія мы теперь дѣлаемъ отъ Баваріи, проистекаютъ, съ одной стороны, изъ нашихъ правъ, а съ другой, составляютъ предметъ чистаго удобства безъ всякой примѣси честолюбія и страсти къ пріобрѣтенію». Въ другой разъ Іосифъ сказалъ Голицыну: «Баварская перемѣна вѣроятно внушитъ кому-нибудь мысль, что благодаря ей мы такъ усердно предлагаемъ вамъ свои услуги (по турецкимъ дѣламъ). Но я вамъ говорю, что Баварія тутъ не при чемъ» и пр.

Мы видѣли выше, что Фридрихъ II сообщилъ русскому правительству всѣ документы, относившіеся къ вопросу о баварскомъ наслѣдствѣ. Точно также и Кауницъ счелъ нужнымъ сообщить русскому двору всю дипломатическую переписку между Австріею и Пруссіею по этому дѣлу, замѣчая, что такое сообщеніе должно считаться знакомъ полнаго довѣрія вѣнскаго двора къ Россіи.

Когда отправленіе австрійскаго дипломата Тугута въ прусскій лагерь для переговоровъ не повело къ желанной цѣли, Кауницъ спросилъ Голицына, не согласится ли русская императрица, по своему великодушію и дружбѣ, которую императоръ и императрица-королева всегда старались заслужить, повліять на прусскаго короля, сломить его упорство при настоящемъ столкновеніи интересовъ обоихъ дворовъ и уничтожить въ самомъ началѣ пагубную войну, угрожающую Германіи. Передавая объ этомъ Панину, Голицынъ писалъ, что всѣ образованные люди въ Вѣнѣ указываютъ на русскую императрицу, какъ на рѣшительницу настоящей войны и спасительницу австрійской монархіи [1]).

Въ Вѣнѣ все еще питали надежду, что Екатерина не рѣшится на объявленіе войны Австріи, и что Фридрихъ, не заручившись участіемъ въ войнѣ Россіи, не откроетъ военыхъ дѣйствій [2]). Мало того: вѣнскій дворъ смотрѣлъ на Екатерину, какъ на третейскаго судью въ этомъ сложномъ дѣлѣ. И Кауницъ, и Марія Терезія, въ

---

[1]) Соловьевъ, XXIX, 263—266.
[2]) Reimann, 49.

подробныхъ письмахъ и запискахъ, старались доказывать, что виновата не Австрія, а Пруссія, что Фридрихъ II началъ споръ и пр. Къ тому же императрица-королева въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Екатеринѣ горько жаловалась на то, что на старости лѣтъ, такъ сказать на краю гроба, ей приходилось браться за оружіе; къ этому была прибавлена просьба, чтобы Екатерина принудила прусскаго короля къ сохраненію мира. Въ Петербургъ отправился для переговоровъ сынъ князя Кауница; онъ вернулся оттуда, не успѣвъ сдѣлать что-либо въ пользу вѣнскаго двора, но въ восхищеніи отъ личности Екатерины. Марія Терезія, въ крайне печальномъ расположеніи духа, писала Іосифу: «Никто болѣе не говоритъ о посредничествѣ» [1]).

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Екатерина медлила своимъ рѣшеніемъ. Марія Терезія сильно опасалась разрыва съ Россіею. Іосифъ твердо держался мнѣнія, что Екатерина не станетъ помогать Пруссіи [2]). Фридрихъ II не переставалъ надѣяться на помощь Екатерины и ожидалъ, что Россія строго накажетъ Габсбургскій домъ за его высокомѣріе и произвольныя дѣйствія въ Германской имперіи. Онъ былъ сильно недоволенъ медленностью дѣйствій Россіи и писалъ однажды принцу Генриху: «Я убѣжденъ въ томъ, что, если бы императрица Екатерина рѣшилась сдѣлать строгое внушеніе вѣнскому двору, то это произвело бы сильное впечатлѣніе на Марію Терезію» [3]).

Это строгое внушеніе воспослѣдовало въ октябрѣ 1778 года. Екатерина писала Фридриху II по этому поводу: «Не смотря на молчаніе, какое я хранила нѣкоторое время, мое вниманіе не отвратилось и не отвлеклось отъ наблюденія за положеніемъ дѣлъ вашего величества и отъ затрудненія германскаго союза. Представленіе, которое я велѣла сдѣлать нынѣ двору вѣнскому, можетъ убѣдить васъ въ томъ. Я приказала моему министерству сдѣлать о томъ сообщеніе министру вашего величества, равно какъ и дворамъ: лондонскому, копенгагенскому, стокгольмскому и версальскому, приглашая ихъ содѣйствовать возникающимъ тамъ миролюбивымъ намѣреніямъ. Мой министръ сдѣлаетъ то же сообщеніе на сеймѣ въ Регенсбургѣ принцамъ и сословіямъ имперіи. Я рѣшилась употребить это послѣднее усиліе относительно вѣнскаго двора прежде всего для того, чтобы удовлетворить своей

---

[1]) Reimann, 95.
[2]) Arneth, «Maria Theresia und Ioseph II», III, 129.
[3]) Reimann, 93, 135, 145.

любви къ миру, а потомъ для того, чтобы показать предъ глазами названнаго двора, какъ и предъ глазами Европы, справедливость и безпристрастіе своего поведенія. Если результатъ этой мѣры не отвѣтитъ моимъ ожиданіямъ, то мой генералъ, князь Репнинъ, который немедленно отправится къ вашему величеству, будетъ снабженъ приказаніями, чтобы условиться о мѣрахъ, которыя надо будетъ предпринять» [1]).

Въ деклараціи, сдѣланной вѣнскому двору, Екатерина выразилась о спорномъ вопросѣ совершенно въ пользу Пруссіи, совѣтовала императрицѣ-королевѣ помириться съ Фридрихомъ II и къ этому прибавила, что иначе ей самой, Екатеринѣ, будетъ невозможно равнодушно смотрѣть на несправедливую войну, возгорѣвшуюся въ Германіи, и что она должна будетъ принять мѣры для обезпеченія интересовъ Россіи и своихъ пріятелей, германскихъ князей, обратившихся къ ней съ просьбою о помощи, и для исполненія своихъ обязанностей предъ своими союзниками [2]).

Когда Голицынъ, 10 октября, сообщилъ Кауницу декларацію своего двора, Кауницъ былъ пораженъ и сказалъ, что не понимаетъ, какимъ образомъ послѣдніе, столь умѣренные поступки его двора могли подвергнуться такой участи. «Императрица-королева — сказалъ онъ между прочимъ — не могла ожидать, что получитъ приговоръ своего униженія, подписанный тою самою государынею, которая постоянно отличалась справедливостью и великодушіемъ, равно какъ и дружбою къ ихъ императорскимъ величествамъ». Голицынъ сказалъ: «Мы раздѣляемъ общее мнѣніе о неосновательности претензій вѣнскаго двора на баварское наслѣдство... притомъ же нашъ дворъ предлагаетъ добрыя услуги для полюбовнаго улаженія дѣла». Кауницъ возразилъ, что Австрія едва ли при таковыхъ обстоятельствахъ могла бы разсчитывать на безпристрастное отношеніе Россіи къ дѣлу, и что изъ всего этого легко можетъ возгорѣться всеобщая война [3]).

Фридрихъ II былъ очень доволенъ шагомъ, сдѣланнымъ Екатериною, но все-таки желалъ, чтобы дипломатическія дѣйствія были усилены русскими войсками [4]).

Къ сожалѣнію, то письмо, въ которомъ Марія Терезія сообщила Іосифу II о русской деклараціи, не сохранилось. Нѣтъ сомнѣнія, что поступокъ Екатерины былъ какъ бы громовымъ уда-

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XX, 376—377.
[2]) Reimann, 183.
[3]) Соловьевъ, XXIX, 267—268.
[4]) Reimann, 183.

ромъ для императрицы-королевы. Іосифъ, отвѣчая матери, находилъ русскую ноту «сильною» и указалъ на обороты, которые нужно употребить при возраженіи на нее. Впрочемъ, онъ оставался при убѣжденіи, что Россія не рѣшится помочь королю войсками [1]).

Фридрихъ въ восхищеніи писалъ Екатеринѣ: «Блеску вашего царствованія предоставлено было поддерживать въ одно и то же время на берегахъ Чернаго моря независимость татарскихъ ауловъ, съ другой стороны въ Вѣнѣ права германскаго союза. Онъ будетъ обязанъ всѣмъ помощи вашего императорскаго величества... Россія сдѣлается самою грозною оградою, какую Германія будетъ имѣть возможность противупоставить насилію своихъ цезарей всегда, когда они захотятъ нарушить установленный порядокъ. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю прибытія князя Репнина» и пр. [2]).

Екатерина отвѣчала Фридриху: «Посольство (la mission) генерала Репнина имѣетъ двоякую цѣль: 1) мое посредничество и добрыя услуги, совокупно съ Франціею, вслѣдствіе рекламаціи, сдѣланной мнѣ вѣнскимъ дворомъ; 2) помощь моихъ войскъ, если примиреніе не можетъ состояться» [3]).

Въ рескриптѣ Репнину, подписанномъ императрицею 19 октября 1778 года, сказано, между прочимъ: «Австрійскій домъ присвоилъ себѣ и захватилъ знатную часть баварскаго наслѣдства; курфирстъ пфальцскій, устрашась приставленнаго ему ножа, сдѣлался сонаслѣдникомъ австрійской хищности... Нельзя не отдать королю прусскому справедливости, что онъ предъ поднятіемъ оружія истощилъ втунѣ всѣ средства умѣренности и миролюбія, и что не онъ, а хищность и упрямство вѣнскаго двора причинствовали войну... Честолюбіе Кауница есть всему злу виною... но интрига его нашлась недостаточною... король прусскій не далъ себя уловить мнимою безкорыстливостію австрійскаго дома» [4]) и пр. Говоря о посредничествѣ Россіи, Екатерина заключила рескриптъ слѣдующими словами: «Мы будемъ имѣть предъ всею Германіею честь сей нужной развязки, а можетъ быть и соединенія по ней въ одну систему разныхъ принцевъ, изъ чего далѣе можетъ для Россіи произрости давно желаемое преимущество — учиниться ей на будущее время ручательницею германской конституціи, каче-

---

[1]) Arneth, «Maria Theresia und Ioseph II», III, 160. Reimann, 185 и 191.

[2]) «Сб. Ист. Общ.», XX, 378.

[3]) Тамъ-же, XX, 379.

[4]) У Соловьева, XXIX, 271, очевидно, по ошибкѣ сказано: «долга».

ство, которому Франція обязана своею превосходною въ дѣлахъ инфлюенціею»[1]).

Очевидно, вѣнскій дворъ не подозрѣвалъ содержанія рескрипта Екатерины, и Іосифъ II все еще считалъ возможнымъ любезностью, съ одной стороны, твердымъ образомъ дѣйствій — съ другой, склонить Екатерину на сторону Австріи[2]). Марія Терезія, напротивъ, во что бы то ни стало желавшая возстановленія мира, сочла нужнымъ просить Екатерину о принятіи, по своему усмотрѣнію, мѣръ для достиженія этой цѣли, причемъ выразила увѣренность, что въ рукахъ императрицы интересы Австріи и ея достоинство будутъ обезпечены. Екатерина отвѣчала, что глубоко тронута знакомъ уваженія и довѣрія императрицы-королевы. Тотчасъ же ею были отправлены гонцы въ Берлинъ и Парижъ съ предложеніемъ открыть переговоры о мирѣ[3]).

Фридрихъ также желалъ возстановленія мира. Репнинъ доносилъ, что засталъ короля въ Бреславлѣ больнымъ и миролюбивымъ, такъ что Герцбергъ, въ бесѣдѣ съ русскимъ дипломатомъ, жаловался на чрезмѣрную склонность къ уступкамъ Фридриха, миролюбіе котораго, впрочемъ, значительно обусловливалось нежеланіемъ его платить субсидіи Россіи[4]).

Репнинъ при переговорахъ указывалъ на необходимость включить въ будущее примиреніе всю германскую имперію, которая чрезъ это получитъ гарантію государствъ-посредниковъ, и, слѣдовательно, будетъ ограждена отъ непомѣрнаго честолюбія и деспотизма вѣнскаго двора, вредныхъ для всей Германіи, но особенно для берлинскаго двора, обязаннаго прежде другихъ бороться противъ австрійскихъ замысловъ. Репнинъ внушалъ, что эта предосторожность необходима, въ виду характера императора Іосифа, который сдерживается единственно миролюбіемъ императрицы-королевы, но послѣдней осталось недолго жить[5]).

Съ разныхъ сторонъ отъ германскихъ князей Репнинъ получалъ письма, въ которыхъ изъявлялась благодарность императрицѣ за вмѣшательство въ дѣла германской имперіи. Ассебургъ, находившійся въ русской службѣ и старавшійся содѣйствовать заключенію мира, писалъ въ это время: «Россія желаетъ усилить

---

[1]) Соловьевъ, XXIX, 271—273.
[2]) Arneth, «Maria Theresia und Ioseph II», III, 180.
[3]) Reimann, 195—196.
[4]) Соловьевъ, XXIX, 274—275.
[5]) Reimann, 220.

Видъ Могилева въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ весьма рѣдкой гравюры того времени. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

свое вліяніе на дѣла Европы вообще»[1]). Понятно, что Екатерина чрезвычайно охотно взяла на себя роль посредницы въ дѣлѣ о баварскомъ наслѣдствѣ.

Въ мартѣ 1779 года, въ Тешенъ начали съѣзжаться дипломаты. Репнинъ указалъ на этотъ городокъ, какъ на самое удобное мѣсто для конгресса. Въ маѣ миръ былъ заключенъ. Все уладилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ Россіи. Ассебургъ писалъ Панину: «Для Германіи можно считать счастьемъ, что гарантія нашего высокаго двора ограждаетъ германскую имперію противъ всякой опасности. Основываясь на этой гарантіи, Россія по своему усмотрѣнію будетъ участвовать въ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ германской имперіи»[2]).

Въ письмахъ Фридриха II къ Екатеринѣ въ это время сказано, между прочимъ: «Ваше императорское величество сказали— да будетъ миръ, и миръ совершился... Оружіе вашего величества ослабило оттоманское могущество; вашъ побѣдоносный флотъ распространилъ ужасъ отъ Пропонтиды до Дарданеллъ; ваши законы становятся предметомъ изумленія и подражанія для самыхъ образованныхъ народовъ въ Европѣ, и къ довершенію вашей славы — одно ваше желаніе возстановляетъ миръ между несогласными народами... всѣ угнетенные находятъ убѣжище въ могущественномъ покровительствѣ вашего императорскаго величества[3]).

И Марія-Терезія, въ письмѣ къ Екатеринѣ отъ 4-го (15-го) мая, выразила ей благодарность за посредничество[4]).

Екатерина была довольна успѣхомъ своего вмѣшательства въ дѣла германской имперіи. Она писала барону Гримму, въ концѣ мая 1779 года: «Г-жа посредница, которая плохо управляетъ дѣлами, кланяется вамъ». Насмѣхаясь надъ мелочностью споровъ между дипломатами, продолжавшихся въ Тешенѣ не менѣе десяти недѣль, она писала: «Умные люди иногда дѣлаютъ странныя вещи, въ особенности же головы, покрытыя париками» и пр. Немного позже она жаловалась, что ей было очень скучно заботиться о чужихъ дѣлахъ[5]).

---

[1]) Соловьевъ, XXIX. 276.
[2]) Reimann, 236.
[3]) «Сб. Ист. Общ.», XX, 383—386.
[4]) Соловьевъ, XXIX, 318.
[5]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 142.

Пріѣздъ Іосифа II въ Россію.

Удачное окончаніе распри, возникшей по вопросу о баварскомъ наслѣдствѣ, и важная роль, которую при этомъ случаѣ играла Екатерина, заставили прусскаго министра Финкенштейна замѣтить, что отнынѣ берлинскій и петербургскій дворы должны оставаться въ самомъ близкомъ союзѣ и дѣйствовать сообща [1]).

Вышло иначе. Тешенскій миръ былъ окончаніемъ тѣснаго союза Пруссіи и Россіи; затѣмъ совершилась коренная перемѣна въ обще-европейской политической системѣ. Между тѣмъ, какъ прусскій министръ Герцбергъ держался того мнѣнія, что Пруссія нуждается въ союзѣ съ Россіею и на оборотъ, для Россіи дружба Пруссіи имѣетъ самое важное значеніе [2]), въ Петербургѣ мало по малу измѣнялись политическія воззрѣнія въ ущербъ Пруссіи, въ пользу Австріи.

Англійскій дипломатъ Геррисъ, пріѣхавшій въ Петербургъ въ началѣ 1778 года, тотчасъ же сообщилъ своему двору о безусловномъ перевѣсѣ Фридриха въ Петербургѣ [3]), при чемъ жаловался на сильное вліяніе прусскаго короля, умѣвшаго льстить императрицѣ, руководить дѣйствіями Панина и въ добавокъ всегда готоваго обманывать не только своихъ противниковъ, но даже и своихъ союзниковъ.

Скоро, однако, Геррисъ сталъ замѣчать, что прусское вліяніе начало мало по малу ослабѣвать. Сольмсъ сталъ жаловаться, что на его мнѣнія и предложенія не обращаютъ достаточнаго вниманія въ Петербургѣ. Еще менѣе выгоднымъ было положеніе Гёрца, занявшаго мѣсто Сольмса. Графъ Кобенцель, прибывшій въ Петербургъ въ это время въ качествѣ австрійскаго посла, дѣйствовалъ въ пользу заключенія союза между Австріей, Россіей и Англіей [4]). Отъ Потемкина, съ которымъ Геррисъ находился въ близкихъ отношеніяхъ, онъ узналъ, въ началѣ 1780 года, что императрица была недовольна Фридрихомъ, особенно потому, что послѣдній обращалъ вниманіе на желанія великаго князя Павла Петровича.

Фридрихъ не хотѣлъ допустить дальнѣйшихъ завоеваній Россіи въ ущербъ Турціи. Поэтому онъ хлопоталъ о заключеніи союза

---

[1]) Reimann, 236.

[2]) Ranke, «Die deutschen Mächte und der Fürstenbund.» Werke XXXI, 22.

[3]) «Diaries and correspondence of James Harris». London, 1844. I, 175.

[4]) Harris, I, 236, 268, 227.

между Пруссіей, Россіей и Турціей, имѣя въ виду такимъ образомъ обезпечить дальнѣйшее существованіе Порты. Екатерина не согласилась на заключеніе такого союза [1]). Появились проекты совершенно иныхъ союзовъ. Іосифъ II, во время своего пребыванія во Франціи, хлопоталъ о заключеніи союза между Австріею, Россіею и Франціею [2]). Немного позже, Фридрихъ началъ думать о заключеніи союза между Пруссіею, Россіею и Франціею [3]).

Всѣ эти комбинаціи оказались невозможными, потому что Австрія и Россія стали серьезно помышлять о рѣшительныхъ мѣрахъ противъ Оттоманской Порты.

Съ другой стороны, сближеніе между Россіею и Австріею встрѣчало сильное затрудненіе въ личной ненависти другъ къ другу Маріи-Терезіи и Екатерины. Марія-Терезія въ письмахъ къ своей дочери, Маріи-Антуанетѣ, горько жаловалась на образъ дѣйствій русскаго двора, на то, что Екатерина слѣдуетъ примѣру Фридриха, что Павелъ Петровичъ можетъ считаться еще болѣе ревностнымъ сторонникомъ прусскихъ интересовъ и что на Екатерину нельзя надѣяться, такъ какъ она всегда склонна къ коварству и обману; образъ дѣйствій Екатерины во время войны за баварское наслѣдство не могъ не усилить раздраженія императрицы-королевы.

Екатерина, въ свою очередь, также была весьма недовольна Маріей-Терезіей и даже насмѣхалась надъ Іосифомъ II, называя его «l'homme à double face» и «маленькимъ ребенкомъ» (piccolo bambino). Она любила шутить надъ ханжествомъ и лицемѣріемъ Маріи-Терезіи и особенно рѣзко осуждала образъ дѣйствій императрицы-королевы и ея сына въ дѣлѣ баварскаго наслѣдства.

Несмотря на все это, однако, сближеніе между Австріею и Россіею было возможно, даже необходимо. Одновременно и Екатерина, и Іосифъ II начали заниматься серьезнѣе восточнымъ вопросомъ. Екатерина мечтала о присоединеніи къ Россіи Крымскаго полуострова; мало того, она начала думать о такъ называемомъ греческомъ проектѣ. Іосифъ также желалъ простора для торговли на Черномъ морѣ. Онъ началъ сильно помышлять о сближеніи съ Россіею.

Графъ Кобенцель сталъ играть въ Петербургѣ довольно важную роль. Онъ тамъ очень скоро сблизился съ англійскимъ ди-

---

1) Herrmann, VI, 27.
2) Тамъ-же, VI, 9.
3) Arneth, «Maria-Theresia und Marie-Antoinette». Paris-Wien, 1865. 244.

пломатомъ Геррисомъ. Фридрихъ II старался, какъ сообщаетъ Геррисъ, по возможности вредить Кобенцелю. Въ апрѣлѣ 1780 года, послѣдній получилъ отъ своего правительства наказъ: «Не щадить ни труда, ни денегъ, для того, чтобы отторгнуть Россію отъ союза съ Пруссіею и возстановить прежнія дружескія отношенія между императорскими дворами» [1]).

Первая мысль о свиданіи между Екатериною и Іосифомъ принадлежала послѣднему. Зимою 1779—80 года, онъ, сначала какъ бы шутя, заговорилъ съ матерью о своемъ намѣреніи посѣтить императрицу. Безъ вѣдома князя Кауница, онъ сообщилъ свой планъ русскому послу въ Вѣнѣ, Голицыну, который тотчасъ же донесъ объ этомъ въ Петербургъ. Екатерина отвѣтила, что чрезвычайно рада намѣренію императора, причемъ обѣщала не сообщать никому, не исключая даже и графа Панина, о предстоящемъ свиданіи.

Какъ думали въ Австріи о значеніи этого свиданія, можно видѣть, между прочимъ, изъ переписки Маріи-Терезіи съ графомъ Мерси, съ Маріею-Антуанетою и съ Леопольдомъ Тосканскимъ. Изъ этихъ писемъ мы узнаемъ, что ни мать Іосифа, ни австрійскій посланникъ въ Парижѣ, ни французская королева, не были довольны желаніемъ Іосифа сблизиться съ Екатериною [2]).

Въ письмѣ къ Кауницу, очевидно написанномъ для сообщенія Голицыну, Іосифъ говорилъ между прочимъ, что желаетъ посѣтить Россію подъ именемъ графа Фалькенштейна, исключительно съ цѣлью познакомиться съ императрицею, и что никоимъ образомъ не имѣетъ въ виду безпокоить ее, ни измѣнять ея предположеній [3]).

Кауницъ хотѣлъ воспользоваться свиданіемъ Іосифа съ Екатериною для сближенія политическихъ интересовъ Россіи и Австріи и составилъ подробную записку о дѣлахъ, которыя могли сдѣлаться предметомъ обсужденія по случаю этой встрѣчи. Въ этихъ «Reflexions sur l'entrevue prochaine» говорилось о разныхъ проектахъ относительно Порты, о вѣроятности намѣренія Россіи приступить къ раздѣлу Турціи и пр. [4]).

---

[1]) Донесеніе саксонскаго дипломата Сакена, въ соч. Германа, VI, 28.

[2]) Arneth et Geffroy, «Marie-Antoinette. Correspondence secrète entre Marie-Thérèse et le comte Mercy-Argenteau». Paris, 1874. III, 404—405. См. также изданіе Арнета «Briefe Maria Theresia's an ihre Kinder und Freunde». Wien, 1881. II. 260—274.

[3]) Arneth, «Joseph II und Katharina». Wien, 1869. VI—VII.

[4]) Ranke, XXXI, 94.

Понятно, что слухъ о предполагаемомъ свиданіи надѣлалъ много шуму. Графъ Мерси въ Парижѣ въ бесѣдѣ съ Верженомъ замѣтилъ, что нужно при этомъ случаѣ стараться предупредить непріязненныя дѣйствія Пруссіи. Мерси, впрочемъ, писалъ къ Маріи Терезіи: «Я полагаю, что это событіе на нѣкоторое время надѣлаетъ шуму и затѣмъ останется безъ послѣдствій, не сдѣлавшись новою эпохой[1]). Въ одномъ изъ писемъ Маріи Терезіи къ графу Мерси сказано: «Я не сомнѣваюсь, что Екатерина прежде всего о предстоящемъ свиданіи увѣдомила короля прусскаго[2]).

Въ началѣ марта 1780 года, графъ Гёрцъ, въ бесѣдѣ съ Панинымъ, выразилъ опасеніе, что предполагаемое путешествіе императора можетъ повести къ коренному измѣненію политической системы и поэтому имѣть пагубныя послѣдствія. Панинъ возразилъ на это: «Если кто въ глубинѣ души до такой степени не расположенъ къ Австріи, какъ мы въ настоящее время, то едва ли можно ожидать какой-либо перемѣны». Гёрцъ въ письмѣ къ королю Фридриху II сказалъ, что нужно «быть терпѣливымъ и, не показывая вида какого либо безпокойства, быть на сторожѣ». Какъ кажется, и самъ король раздѣлялъ мнѣніе, что надежды Кауница на важную перемѣну не исполнятся[3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы скорѣе уничтожить всякое вліяніе Австріи, возникъ планъ отправить племянника прусскаго короля, наслѣдника прусскаго престола, принца Фридриха Вильгельма, для свиданія съ императрицею въ Петербургѣ. Далѣе питали надежду подѣйствовать на Потемкина и, обѣщаніемъ послѣднему весьма большихъ выгодъ, заставить его противодѣйствовать сближенію между Австріею и Россіею.

Іосифъ II ожидалъ самыхъ благопріятныхъ и важныхъ результатовъ отъ своей поѣздки въ Россію. Къ своему брату, Леопольду, онъ писалъ: «Мнѣ хотѣлось бы знать, какъ все будетъ, въ какомъ состояніи я найду Россію. Какъ бы то ни было, эта страна съ начала этого вѣка измѣнилась совершенно, была, такъ-сказать, создана заново» и пр.

Между тѣмъ Екатерина была занята приготовленіями къ своему путешествію въ Могилевъ, гдѣ должна была встрѣтиться съ Іосифомъ. Достойно вниманія замѣчаніе Безбородки въ письмѣ къ Бѣлорусскому намѣстнику, графу З. Г. Чернышеву, отъ 4

---

[1]) Arneth et Geffroy, III, 413, 417.
[2]) Тамъ-же, III, 404—405.
[3]) Zinkeisen, «Gesch. d. osman. Reiches», VI, 258—260.

апрѣля 1780 года: «Въ иллюминаціяхъ и другихъ праздникахъ могилевскихъ ваше сіятельство постарайтесь избѣжать постановленія имени ея величества, учреждая оныя такъ, чтобы могли они сходствовать, напримѣръ, къ доброму согласію государей, утверждаемому персональнымъ знакомствомъ ихъ, и происходящему изъ того благоденствію и тишинѣ для державъ ихъ. По словамъ ея величества, не дозволить, чтобы тутъ гдѣ-нибудь названіемъ или символомъ былъ вспомянутъ миръ Тешенскій» [1]).

На пути въ Могилевъ императрица писала изъ Полоцка великому князю Павлу Петровичу и его супругѣ: «Вы угадали, полагая, что мнѣ будетъ очень жарко; я въ поту отъ одной только мысли» (о свиданіи съ Іосифомъ) [2]). Въ письмѣ къ Гримму Екатерина жаловалась на то, что мысль о предстоящей встрѣчѣ сильно безпокоитъ ее. «Боже мой — писала императрица — не лучше ли было бы, еслибъ эти господа сидѣли дома, не заставляя другихъ людей потѣть такъ страшно. Вотъ я опять принуждена разыгрывать жалкую роль Нинеты, очутившейся при дворѣ, и вся моя неуклюжесть, моя обыкновенная застѣнчивость, должны будутъ явиться въ полномъ свѣтѣ» [3]). Въ другомъ письмѣ сказано: «Графъ Фалькенштейнъ желаетъ видѣть меня въ Могилевѣ. Я ему отвѣтила, что игра не стоитъ свѣчъ; онъ хочетъ, чтобы я забыла, кто онъ; я сказала, что это невозможно» и пр. Въ письмѣ къ Потемкину, Екатерина указала на тѣ внѣшнія формы, которыя должны были быть соблюдаемы при встрѣчѣ съ Іосифомъ [4]). Такъ сказать, наканунѣ свиданія, Екатерина и Іосифъ обмѣнялись письмами, въ которыхъ говорилось о нетерпѣніи, радости и пр. [5]).

Іосифъ прибылъ въ Могилевъ за день до пріѣзда Екатерины. На пути туда онъ писалъ не безъ удовольствія Маріи Терезіи: «Литовская земля, которая досталась императрицѣ отъ Польши, очень плохо и мало населена; все почти лѣса и болота... населеніе ничтожно» [6]).

Первое свиданіе было устроено такимъ образомъ, что императоръ пробылъ съ Екатериною нѣсколько минутъ безъ свидѣтелей. Когда она вошла, Іосифъ хотѣлъ поцѣловать у нея руку;

---

[1]) «Сб. Ист. Общ», XXVI, 65.
[2]) Тамъ-же», IX, 51 и 52.
[3]) Тамъ-же, XXIII, 128, гдѣ годъ по ошибкѣ показанъ 1779 вмѣсто 1780.
[4]) Тамъ-же, XXVII, 180—181.
[5]) Arneth, «Joseph II und Katharina», 6—8.
[6]) Тамъ-же, «Maria Theresia und Joseph», III, 246—249.

она обняла его. Екатерина была довольна первою встрѣчею и писала къ Гримму: «Я нашла, что онъ (Іосифъ) очень образованъ, любитъ говорить и говоритъ очень хорошо... Образцовыя училища были вчера однимъ изъ предметовъ нашей бесѣды... И тутъ тоже я нашла, что дѣти иной разъ не похожи на своихъ родителей. Мы (т. е. Іосифъ) кажется не очень богомольны, что выражается особенно въ выборѣ книгъ для чтенія. Однако эпохи («Epoques de la Nature», соч. Бюффона) еще не попались ему въ руки. Знаете, когда видишь переодѣтыхъ кесарей, точно будто подымаешься на воздухъ: носъ къ верху и обнюхиваешь воздухъ» и пр. [1]).

Безъ труда императрица уговорила Іосифа, не ограничиваясь пребываніемъ въ Могилевѣ, посѣтить Москву и Петербургъ, причемъ выставляла на видъ, что въ уединеніи дачной жизни въ Царскомъ Селѣ гораздо удобнѣе можно будетъ обмѣниваться мыслями, т. е. говорить о дѣлахъ.

Не даромъ въ то время въ публикѣ ходили слухи о томъ, что важнѣйшимъ предметомъ бесѣдъ между Іосифомъ и Екатериною былъ восточный вопросъ [2]). Не даромъ императрица въ письмѣ къ Гримму замѣтила, что скрытность не допускаетъ сообщенія подробностей разговоровъ съ графомъ Фалькенштейномъ. И въ письмахъ къ великому князю и его супругѣ не говорится объ этомъ предметѣ. Зато мы узнаёмъ о содержаніи бесѣдъ Екатерины съ Іосифомъ изъ писемъ послѣдняго къ Маріи Терезіи.

Іосифъ сообщилъ своей матери, что Екатерина очевидно очень довольна встрѣчею съ нимъ и что обращеніе его съ императрицею становится все болѣе и болѣе свободнымъ. Говорили много и часто о Фридрихѣ II. И Іосифъ, и Екатерина, рѣзко отзывались о прусскомъ королѣ, о его страсти къ интригамъ. Далѣе Екатерина, какъ бы мимоходомъ, спросила Іосифа, не пожелаетъ ли онъ, какъ императоръ, занять папскую область, завладѣть Римомъ. Онъ возразилъ, что многія государства заинтересованы въ сохраненіи status quo въ Италіи, но что она гораздо легче могла бы думать о захватѣ своего Рима, т. е. Константинополя. Прерывая разговоръ, Екатерина сказала, что желаетъ сохраненія мира и не думаетъ о завоеваніяхъ [3]).

Панинъ, Гёрцъ и Фридрихъ II сильно ошибались, предполагая, что свиданіе въ Могилевѣ не будетъ имѣть послѣдствій и

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 180—181.
[2]) Записки Добрынина въ «Русской Старинѣ», IX, 116—117.
[3]) Arneth, «Maria Theresia und Joseph», III, 251—255.

что Іосифъ произвелъ на Екатерину впечатлѣніе «легкомысленнаго болтуна». Въ рѣзкихъ выраженіяхъ Панинъ осуждалъ страсть Іосифа къ путешествіямъ [1]). Напротивъ, Геррисъ справедливо доносилъ своему правительству: «Императрица чувствуетъ себя польщенною такимъ посѣтителемъ; она въ самомъ дѣлѣ плѣнена ловкостью и любезностью его. Онъ же, въ свою очередь, сдѣлалъ все возможное, чтобы понравиться ей», и пр. [2]).

Изъ писемъ Безбородки къ Воронцову видно, какъ ловко и остроумно Іосифъ, во время путешествія изъ Могилева въ Смоленскъ, бесѣдовалъ о политикѣ вообще, о способностяхъ Панина,

Медаль, выбитая въ честь Іосифа II, по случаю его пріѣзда въ Россію.

объ искусствѣ, съ которымъ въ Россіи обыкновенно пишутся дипломатическія ноты и пр. [3]).

Чуть ли не важнѣйшимъ сообщеніемъ Іосифа въ его донесеніяхъ Маріи Терезіи было слѣдующее: «Я сказалъ ея величеству, что мы рѣшили во всѣхъ важныхъ дѣлахъ сообщать ей наши мысли откровенно и испрашивать ея совѣтовъ; ей это очень понравилось, и ея отвѣты и увѣренія были какъ нельзя болѣе дружескіе и честные». Въ дальнѣйшихъ разговорахъ Екатерина выставляла на видъ, что заключеніе союза съ Пруссіею было дѣломъ необходимости; затѣмъ слѣдовали со стороны Ека-

[1]) Zinkeisen, VI, 260—261.
[2]) Harris, I, 313—314.
[3]) «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 69, 372—373.

терины новые намеки на Италію, на которые Іосифъ возражалъ намеками на Константинополь. «Однажды — сказано въ письмѣ Іосифа къ матери — она мнѣ сказала положительно, что если бы даже завладѣла Константинополемъ, то не оставила бы за собою этого города и распорядилась бы имъ иначе. Все это меня приводитъ къ мысли, что она мечтаетъ о раздѣлѣ имперіи и хочетъ дать внуку своему, Константину, имперію востока, разумѣется, послѣ завоеванія ея»[1]).

Что касается до позднѣйшихъ писемъ Іосифа II къ Маріи Терезіи, то нужно отличать письма, отправленныя по почтѣ и подлежащія, какъ справедливо ожидалъ императоръ, «перлюстраціи», отъ другихъ, отправленныхъ съ особыми курьерами и назначенныхъ исключительно для императрицы-королевы. Въ письмахъ, которыя чрезъ «перлюстрацію» легко могли сдѣлаться извѣстными Екатеринѣ, Іосифъ льстилъ императрицѣ, хвалилъ блескъ и роскошь ея столицы, вкусъ ея дворцовъ, садовъ и пр. Зато въ письмахъ, отправленныхъ черезъ курьеровъ, онъ объяснялъ, въ какомъ положеніи находятся политическія дѣла и насколько можно надѣяться на искреннее расположеніе Россіи къ Австріи; особенно подробно говоритъ Іосифъ о восточныхъ дѣлахъ, которыя очевидно въ его бесѣдахъ съ Екатериною постоянно находились на первомъ планѣ. О Панинѣ и Потемкинѣ Іосифъ отзывался не особенно выгодно. Между Потемкинымъ и Кобенцелемъ, впрочемъ, происходили переговоры о заключеніи австро-русскаго союза, цѣлью котораго была гарантія всѣхъ владѣній обѣихъ державъ въ смыслѣ оборонительнаго союза. Дѣло это усложнилось вопросомъ императрицы, можно ли включить и тѣ завоеванія, которыя она могла бы сдѣлать въ будущемъ. Ей возразили, что это невозможно, потому что этимъ исключается принципъ взаимности. Потемкинъ заявилъ Кобенцелю, что Россія готова гарантировать Австріи всѣ завоеванія, исключая Польши и Германіи, на что̀ опять таки не могъ согласиться Іосифъ II. Все это, однако, было лишь приготовленіемъ къ дальнѣйшимъ переговорамъ, происходившимъ послѣ возвращенія Іосифа въ Вѣну[2]).

Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ матери, Іосифъ справедливо замѣтилъ, что ни одно изъ его прежнихъ путешествій не имѣло столь важнаго значенія, какъ поѣздка въ Россію. Іосифъ и Екатерина, разставаясь, обѣщали другъ другу вести оживленную пе-

---

[1]) Arneth, «Maria Theresia und Joseph», III, 256—259.

[2]) Тамъ-же, III, 265—303.

реписку. Все это не могло не имѣть вліянія на дальнѣйшій ходъ политическихъ событій. Въ письмѣ великаго князя Павла Петровича къ Іосифу говорится о томъ, что отъ полнаго согласія убѣжденій и чувствъ его и Іосифа можно ожидать хорошихъ результатовъ въ будущемъ, и что такимъ согласіемъ можетъ обусловливаться счастіе всего міра [1]).

Напрасно нѣкоторые современники, въ томъ числѣ Домъ, держались прежняго мнѣнія, что встрѣчи такого рода обыкновенно, вмѣсто сближенія людей, приводятъ къ противоположному результату [2]). Свиданіе Іосифа съ Екатериною сдѣлалось исходною точкою истинной дружбы, прекратившейся лишь съ кончиною императора. Восхваляя способности и эрудицію Іосифа, Екатерина замѣтила въ письмѣ къ Гримму, послѣ отъѣзда императора: «Свиданіе въ Могилевѣ имѣло полнѣйшій успѣхъ». Изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ, что и Іосифъ былъ чрезвычайно доволенъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него личностью Екатерины [3]). Англійскій дипломатъ Геррисъ, донося объ отъѣздѣ Іосифа, писалъ: «Графъ Фалькенштейнъ нанесъ ужасный ударъ вліянію здѣсь прусскаго короля, такой ударъ, что, какъ я полагаю, это вліяніе никогда болѣе не возобновится» [4]).

Въ средѣ людей, нерасположенныхъ къ Россіи, ходили разные слухи о неблагопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ Іосифомъ въ Россіи. Такъ разсуждали Гёрцъ, Бретёль, шведскій посланникъ и пр. Фридрихъ II все еще надѣялся, что путешествіе Іосифа въ Россію не измѣнитъ политической системы въ Европѣ [5]).

Спрашивалось, какихъ послѣдствій можно было ожидать отъ поѣздки въ Россію прусскаго принца Фридриха Вильгельма?

Пребываніе Фридриха Вильгельма въ Петербургѣ.

Въ началѣ іюня 1780 года, Іосифъ II писалъ изъ Смоленска своей матери: «Принцъ прусскій сюда пріѣдетъ въ сентябрѣ съ цѣлью испортить все то полезное, что удалось мнѣ сдѣлать» [6]).

---

1) Arneth, «Joseph und Katharina», 8—9.
2) Dohm, «Denkwürdigkeiten», I, 415—420. Этотъ отзывъ повліялъ на взгляды позднѣйшихъ историковъ, напр., Германа и Бернгарди.
3) Письма Гримма къ Екатеринѣ, Спб. 1880. Изд. «Сб. Ист. Общ.», 56, 222.
4) Harris, I, 324.
5) Zinkeisen, VI, 261—263.
6) Arneth, «Maria Theresia und Joseph», III, 259.

Геррисъ доносилъ своему правительству, что императрицѣ совсѣмъ не понравилось предложеніе прусскаго двора отправить принца въ Петербургъ [1]).

Самыя подробныя извѣстія о пребываніи Фридриха Вильгельма въ Петербургѣ встрѣчаются въ донесеніяхъ англійскаго дипломата. Онъ не можетъ считаться безпристрастнымъ свидѣтелемъ этого событія, однако его замѣчанія о полной неудачѣ миссіи принца подтверждаются письмами Екатерины къ барону Гримму.

Въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ Геррисъ описываетъ холодность пріема, оказаннаго императрицею принцу, его неуклюжесть и неловкость. Екатерина, разсказываетъ англійскій дипломатъ, на вечерахъ въ Эрмитажѣ, не обращала на него почти никакого вниманія и не устраивала для него придворныхъ празднествъ; всѣмъ были замѣтны привѣтливое обращеніе императрицы съ представителемъ австрійскихъ интересовъ, остроумнымъ и ловкимъ принцемъ де-Линь, и равнодушіе, которое она выказывала къ Фридриху Вильгельму; она какъ-то избѣгала бесѣдовать съ наслѣдникомъ прусскаго престола, чувствовавшаго себя оскорбленнымъ, униженнымъ жалкою ролью, которую долженъ былъ разыгрывать при русскомъ дворѣ; въ противуположность къ невниманію Екатерины, великій князь и его супруга относились къ принцу дружески; зато Потемкинъ ограничивался въ обращеніи съ принцемъ самою обыкновенною учтивостью.

Геррисъ доносилъ далѣе, что императрица просила Панина ускорить какимъ-нибудь приличнымъ способомъ отъѣздъ принца, для избѣжанія непріятностей. Въ присутствіи Фридриха Вильгельма императрица сказала графу Кобенцелю, что ежедневно вспоминаетъ о графѣ Фалькенштейнѣ и сожалѣетъ о его отъѣздѣ. Изъ всего этого, по замѣчанію Герриса, можно было заключить, что союзъ между Пруссіею и Россіею не имѣлъ болѣе никакого значенія [2]). Геррисъ былъ убѣжденъ, что принцъ Фридрихъ Вильгельмъ, вмѣсто того, чтобы повредить императору Іосифу, усилилъ только выгодное мнѣніе, которое императрица составила себѣ о послѣднемъ, и что принцъ, вмѣсто того, чтобы быть полезнымъ Пруссіи, только компрометировалъ интересы этого государства. Въ депешѣ Герриса сказано послѣ отъѣзда Фридриха Вильгельма:

---

[1]) «The Empress was neither flattered nor pleased with the proposition».

[2]) «La cour de la Russie», между тѣмъ этого замѣчанія нѣтъ въ англійскомъ изданіи депешъ Герриса.

«Или вовсе не говорятъ о принцѣ, или развѣ только въ тонѣ сожалѣнія, похожаго на презрѣніе» [1]).

Въ донесеніяхъ графа Гёрца обо всемъ этомъ говорится въ совершенно иномъ тонѣ; по его мнѣнію, путешествіе принца оказалось вполнѣ цѣлесообразнымъ и полезнымъ, особенно потому, что оно положило начало дружескимъ отношеніямъ принца къ Павлу Петровичу и Маріи Ѳеодоровнѣ. Гёрцъ доносилъ, что въ минуту отъѣзда Фридриха Вильгельма, въ присутствіи Панина,

Фридрихъ-Вильгельмъ, принцъ прусскій.

Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія Зинцениха.

оба наслѣдника престоловъ Пруссіи и Россіи обмѣнялись торжественными обѣщаніями вѣчной дружбы [2]).

По случаю пребыванія Іосифа въ Россіи, какъ разсказываютъ, Фридрихъ II насмѣшливо замѣтилъ, что графъ Фалькенштейнъ плохой дипломатическій представитель императора Іосифа [3]). Какъ бы то ни было, принцъ Фридрихъ Вильгельмъ во всякомъ случаѣ оказался плохимъ дипломатическимъ представи-

---

[1]) «La cour de la Russie», 348. Этого замѣчанія нѣтъ въ англійскомъ изданіи.
[2]) Zinkeisen, VI, 265—267.
[3]) Dohm, I, 425—426.

телемъ Пруссіи. Говорили, что самъ принцъ вполнѣ сознавалъ полную неудачу своей поѣздки въ Россію [1]).

Какъ разсуждала Екатерина о разницѣ между Фридрихомъ Вильгельмомъ и Іосифомъ, видно изъ ея писемъ въ Гримму. Въ началѣ октября 1780 года, она писала: «Мнѣ не слѣдуетъ давать уроки господину Фалькенштейну; онъ уже совершенно выучился и будетъ отличнымъ мастеромъ, тогда какъ другой, только что у насъ бывшій, еще долго не будетъ даже и подмастерьемъ». «Бѣднякъ», сказано далѣе въ письмѣ Екатерины о Фридрихѣ Вильгельмѣ, «совсѣмъ нельзя разнюхать, что въ немъ есть. Онъ сильно путаетъ въ разговорѣ или же отмалчивается, такъ что ничего изъ него не выходитъ; его сдержанность чрезвычайно неудобна для всякаго имѣющаго съ нимъ дѣло. Говорятъ, что онъ хорошо думаетъ; это легко возможно: это можно сказать и объ индѣйскомъ пѣтухѣ; однако быть индѣйскимъ пѣтухомъ или играть роль таковаго не во всякое время выгодно. Баста.» Разсказавъ Гримму въ другомъ письмѣ о Іосифѣ II и объ удовольствіи свиданія съ послѣднимъ, императрица продолжаетъ: «А другой (т. е. прусскій принцъ) совсѣмъ тяжелъ на подъемъ; Боже! Боже! какая разница между нимъ и его дядями!» Въ этомъ же письмѣ выражена надежда, что не станутъ болѣе пріѣзжать гости въ родѣ принца Фридриха Вильгельма, что она захворала отъ неудовольствія видѣть его и пр. [2]).

Значеніе путешествій Іосифа и Фридриха Вильгельма однако не ограничивалось разницею впечатлѣнія, произведеннаго принцемъ и императоромъ на Екатерину. Отношенія Россіи къ Австріи и Пруссіи измѣнились совершенно.

«Представьте себѣ—писала Екатерина къ Гримму, послѣ отъѣзда Іосифа—мы теперь переписываемся, и я получила даже отъ маменьки (Маріи Терезіи) письмо сладкое какъ медъ» [3]).

Вообще, Марія Терезія казалась склонною дѣлать угодное Россіи. Когда, въ сентябрѣ, въ Австрію явились русскіе офицеры-путешественники, императрица-королева оказала имъ особенно благосклонный пріемъ. Изъявляя матери благодарность за такой

[1]) Raumer, «Beiträge», V, 459—462.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 190, 192.
[3]) Тамъ-же, XXIII, 192.

образъ дѣйствій, Іосифъ прибавилъ: «Намъ теперь лучше дѣйствовать заодно при каждомъ случаѣ» [1]).

Въ письмѣ Екатерины къ Іосифу, писанномъ послѣ отъѣзда прусскаго принца, сказано: «Такой посѣтитель, какъ ваше императорское величество, заставилъ насъ быть разборчивыми въ отношеніи къ другимъ посѣтителямъ. Явиться непосредственно послѣ васъ, значило отважиться на слишкомъ трудное и опасное предпріятіе» [2]). Весьма часто и въ позднѣйшихъ письмахъ Іосифа и Екатерины упоминается о свиданіи въ Могилевѣ и въ Петербургѣ [3]).

Переписка между Фридрихомъ II и Екатериною вскорѣ прекратилась. Настала другая эпоха. Когда, въ 1781 году, великій князь Павелъ Петровичъ съ супругою предпринялъ путешествіе въ западную Европу, Вѣна была одною изъ главныхъ цѣлей поѣздки, между тѣмъ какъ Берлинъ вовсе не входилъ въ составъ плана ея. Возвращаясь изъ Петербурга въ Вѣну, Іосифъ близъ города Троппау встрѣтился съ братомъ великой княгини Маріи Ѳеодоровны. Этому виртембергскому принцу, находившемуся въ прусской службѣ, Іосифъ поручилъ поклониться отъ него Фридриху II и въ то же время далъ письмо къ Маріи Ѳеодоровнѣ. Въ письмѣ къ своей матери Іосифъ II объясняетъ, что поступилъ такъ съ цѣлью кольнуть Фридриха II [4]).

Геррисъ доносилъ, что всѣ старанія Фридриха II дѣйствовать на нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ при Петербургскомъ дворѣ оставались тщетными. Лѣтомъ 1781 года онъ писалъ: «Вліяніе и значеніе Пруссіи исчезли здѣсь навсегда» [5]). Возобновленіе прежнихъ союзныхъ договоровъ между Россіею и Пруссіею, которымъ истекалъ срокъ въ 1780 году, оказалось невозможнымъ [6]).

Кончина Маріи Терезіи еще болѣе содѣйствовала сближенію между Іосифомъ II и Екатериною.

Отношенія Россіи къ Пруссіи доставили Екатеринѣ возможность оказать вліяніе на польскія и германскія дѣла. Успѣхи Россіи въ Польшѣ и Германіи не прекращались и послѣ ослабленія русско-прусскаго союза. Въ дружбѣ съ Іосифомъ императрица нуждалась для успѣшныхъ дѣйствій на востокѣ.

---

[1]) Arneth, «Maria Theresia und Joseph», III, 314.
[2]) Тамъ-же, «Joseph II und Katharina», 19.
[3]) Тамъ-же, 59, 93 и 95.
[4]) Тамъ-же, «Maria Theresia und Joseph», III. 305.
[5]) Тамъ-же, I, 432.
[6]) Dohm, I, 423.

ГЛАВА VI.

Восточный вопросъ до 1788 г.

Россія и Порта послѣ мира 1774 г.

ТУРЦІЯ, послѣ заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, находилась въ состояніи крайняго утомленія, истощенія. Въ сентябрѣ 1774 года, Фридрихъ писалъ къ Екатеринѣ: «Мнѣ пишутъ сегодня изъ Константинополя, что смущеніе и уныніе, царствующія въ этой столицѣ, превосходятъ всякое представленіе, и, конечно, нужны будутъ многіе годы, чтобы изгладить гибельное впечатлѣніе, оставленное въ умахъ всѣхъ магометанъ послѣднею войною» [1]). Екатерина писала около этого же времени къ Петру Панину, что легко возможныя недоразумѣнія съ Турціею по поводу вопроса о Крымѣ едва ли могутъ повести къ разрыву, такъ какъ у Турціи нѣтъ ни денегъ, ни людей, и примѣръ безцеремоннаго обращенія съ ними австрійцевъ доказываетъ безсиліе Порты [2]).

Съ цѣлью внушить Турціи еще болѣе высокое понятіе о могуществѣ Россіи, туда былъ отправленъ въ качествѣ посла князь

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XX, 349—350.

[2]) Тамъ-же, VI, 179.

Репнинъ [1]), не задолго до того выказавшій свое дипломатическое искусство въ суровомъ обращеніи съ Польшею.

Положеніе, въ которомъ находилась Порта, было таково, что Россія и Австрія, не опасаясь нисколько разрыва съ Турціею, могли безпрепятственно нарушать ея права и интересы. Занятіе Австріею Буковины ничѣмъ не отличалось отъ захвата Ципскаго графства, которымъ былъ нанесенъ ударъ Польшѣ. Русское вліяніе господствовало въ Крыму; рано или поздно мнимая независимость татаръ должна была превратиться въ безусловное подчиненіе Россіи. Не даромъ турецкіе патріоты, предвидѣвшіе присоединеніе Крыма къ Россіи еще до Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, грозили возстаніемъ въ случаѣ уступокъ въ отношеніи Крыма и вопроса о свободномъ плаваніи русскихъ на Черномъ морѣ [2]).

Не смотря на всѣ старанія французскаго агента, барона Тотта, военная организація въ Турціи разстроивалась все болѣе и болѣе; финансовое положеніе Порты было отчаяннымъ. Только флотъ пользовался болѣе благопріятными условіями, потому что дѣятельный капуданъ-паша, Гази-Гассанъ, заботился о сохраненіи въ надлежащемъ состояніи верфей, на которыхъ работали англійскіе и голландскіе мастера, о покупкѣ строительнаго матеріала въ Англіи, объ учрежденіи школы для навигаторовъ и пр.

Баронъ Тугутъ считалъ весьма вѣроятною окончательную гибель Турецкой имперіи въ ближайшемъ будущемъ. Кауницъ говорилъ: «Съ небольшимъ, но хорошимъ войскомъ можно во всякое время изгнать Турокъ изъ Европы» [3]). Фридрихъ II не хотѣлъ заступиться за Турокъ въ ихъ борьбѣ противъ Австріи и Россіи, замѣчая при этомъ, что не желаетъ разыгрывать въ пользу турокъ жалкую роль Донъ-Кихота. Ходилъ слухъ, будто австрійскій кабинетъ обѣщалъ Фридриху содѣйствовать пріобрѣтенію Пруссіею Торна и Данцига, лишь бы Австріи была предоставлена полная свобода увеличивать свои владѣнія въ ущербъ Оттоманской Портѣ [4]).

Приведеніе въ исполненіе условій Кучукъ-Кайнарджійскаго мира представляло собою довольно значительныя затрудненія. Возникли кое-какія недоразумѣнія относительно толкованія нѣкоторыхъ пунктовъ мирнаго договора. Турки не могли не предвидѣть, что Шагинъ-Гирей въ Крыму сдѣлается орудіемъ Россіи

[1]) О посольствѣ Репнина см. «Сб. Ист. Общ.», V, 159 и слѣд. и XV, 415 и слѣд.
[2]) Zinkeisen, VI, 19.
[3]) Тамъ-же, VI, 82 и слѣд.
[4]) «D'agir contre la Porte comme bon lui semble». Zinkeisen, VI, 158.

и посредникомъ въ процессѣ присоединенія полуострова къ Россіи. Сначала Стахіевъ, а затѣмъ Репнинъ, старались путемъ подкупа успокоить турецкое правительство, раздраженное насильственнымъ и произвольнымъ образомъ дѣйствій Россіи. Въ 1776 году, Россія отправила нѣсколько мнимо-торговыхъ судовъ, въ сущности бывшихъ военными фрегатами, изъ Архипелага чрезъ Дарданельскій проливъ въ Черное море. Порта не хотѣла пропустить этихъ кораблей. Этотъ случай подалъ поводъ къ обмѣну довольно рѣзкими дипломатическими нотами, причемъ старанія Россіи уладить дѣло посредствомъ подкупа не повели къ желанной цѣли [1]). Каждую минуту можно было ожидать новаго разрыва.

Россія не могла и не хотѣла останавливаться на избранномъ ею пути. Было сдѣлано распоряженіе о постройкѣ разныхъ крѣпостей на турецкой границѣ. Одною изъ этихъ крѣпостей сдѣлался городъ Херсонъ [2]). Грекъ Булгарисъ, вступившій въ русскую службу, составилъ двѣ записки: одну объ упадкѣ Турціи, другую о колонизаціи юга Россіи [3]). Жители дунайскихъ провинцій неоднократно обращались къ русскому послу въ Константинополѣ съ просьбою о защитѣ противъ насилія турокъ [4]). Между греками на Балканскомъ полуостровѣ и русскими дипломатами существовали кое какія сношенія [5]). Русскіе консулы весьма часто имѣли значеніе политическихъ агентовъ и агитаторовъ [6]). Были сдѣланы кое какія приготовленія для нападенія русскихъ войскъ на Перекопъ [7]). Императрица и Потемкинъ принимали самое дѣятельное участіе въ обсужденіи мѣръ для окончательнаго завладѣнія Крымомъ. Безбородко, начавшій около этого времени свою блестящую карьеру, составлялъ разныя записки о татарахъ, о необходимости взятія Очакова и пр. [8]). Суворовъ занимался сооруженіемъ укрѣпленій на Кубани. На Днѣпрѣ кипѣла работа при снаряженіи военныхъ судовъ [9]). Потемкинъ указывалъ на необходимость овладѣть крѣпостью Бендерами [10]). Начали говорить

---

[1]) Соловьевъ, XXIX, 225, 226, 240.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 50.
[3]) «Др. и Нов. Россія», I, 209.
[4]) «Сб. Ист. Общ.», VI, 322, 343.
[5]) Тамъ-же, XV, 432, 441.
[6]) Тамъ-же, XV, 465 и слѣд.
[7]) Тамъ-же, XXVII, 120.
[8]) Тамъ-же, XXVI, 339.
[9]) Тамъ-же, XXVII, 146, 152.
[10]) Тамъ-же, XXVII, 137.

Аудіенція русскаго посла, князя Н. В. Репнина, у турецкаго султана, въ 1775 году.

Съ гравюры прошлаго столѣтія И. Бугрѣева.

о предстоящей осадѣ Очаковской крѣпости, которую Екатерина въ письмѣ къ Потемкину назвала «Кронштадтомъ юга» [1]).

Въ 1778 году, ходили слухи о неминуемо предстоящемъ разрывѣ съ Турціею [2]); и англійскій дипломатъ Геррисъ считалъ войну неизбѣжною [3]).

Однако, до войны было еще далеко. Напротивъ, въ мартѣ 1779 года, между Россіею и Турціею былъ заключенъ договоръ при Айнали-Кавакѣ въ дополненіе къ Кучукъ-Кайнарджійскому миру и для объясненія нѣкоторыхъ пунктовъ его [4]).

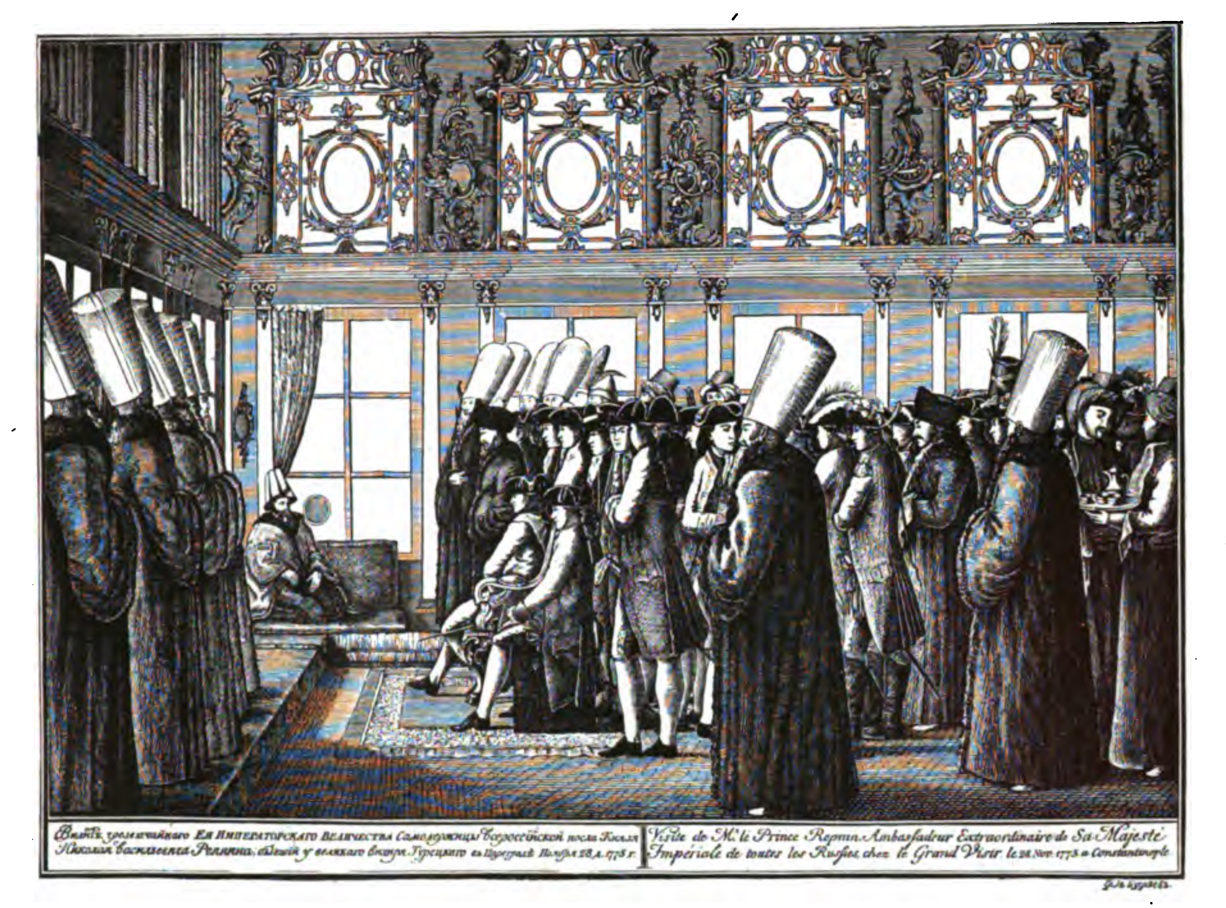
27 апрѣля (8 мая) 1779 года, родился великій князь Константинъ Павловичъ. Въ манифестѣ, опубликованномъ при этомъ случаѣ, было сказано, что отъ новорожденнаго можно ожидать увеличенія славы и могущества Россіи. Уже имя, данное великому князю, заключало въ себѣ намекъ на имѣвшуюся для него въ виду карьеру. Кормилицею его была гречанка. Въ это время Екатерина бесѣдовала съ англійскимъ посломъ Геррисомъ, отецъ котораго былъ ученымъ знатокомъ древняго міра, о грекахъ, замѣчая, что имъ предстоитъ великая будущность [5]). На празднествѣ, устроенномъ Петемкинымъ по случаю рожденія Константина, читались греческія стихотворенія. На медали, выбитой по поводу этого событія, изображены Софійскій храмъ въ Константинополѣ и Черное море, подъ которымъ сіяетъ звѣзда [6]). Уже съ 1777 года въ Петербургѣ существовало училище для молодыхъ грековъ [7]). Изъ нихъ же выбирались товарищи для забавъ великаго князя Константина Павловича, съ раннихъ лѣтъ усвоившаго себѣ греческій языкъ.

«Греческій проектъ», объ осуществленіи котораго начали хлопотать Потемкинъ и Безбородко, созрѣвалъ именно во время пребыванія Іосифа II въ Россіи [8]).

Достойно вниманія то обстоятельство, что извѣстіе о путешествіи Іосифа II въ Россію сильно безпокоило турокъ, опасавшихся австрійской страсти къ завоеваніямъ. Стахіевъ, по порученію Екатерины, заявилъ въ Константинополѣ о совершенной «невинности

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 154, 156.
[2]) См. письмо жены Сиверса къ мужу въ соч. Блюма, II, 244.
[3]) Harris, I, 177.
[4]) См. подробности о дипломатическихъ сношеніяхъ въ сочиненіи Соловьева, XXIX, 301—329. Zinkeisen, VI, 120 и слѣд.
[5]) Harris, I, 236, 238.
[6]) «Русская Старина», XIX, 220—225.
[7]) «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 5.
[8]) Тамъ-же, XXVI, 93—94, 221, 444.

Аудіенція русскаго посла, князя Н. В. Репнина, у великаго визиря, въ 1775 году.

Съ гравюры прошлаго столѣтія И. Вугрѣева.

ея свиданія съ императоромъ[1]). Однако, между русскимъ посломъ и рейсъ-эфенди происходили въ то же время объясненія по поводу жалобъ турокъ на постройку русскихъ военныхъ судовъ въ Херсонѣ[2]). Одновременно Уильямъ Итонъ (Eton) составилъ записку о способахъ изгнанія турокъ изъ Европы[3]). Когда, около этого же времени, Екатеринѣ со стороны Пруссіи и Франціи было сдѣлано предложеніе заключить союзъ съ Турціею, она въ сильныхъ выраженіяхъ протестовала противъ такой мысли[4]). Къ Потемкину она писала по этому поводу: «Трактаты дружбы и коммерціи полезны будутъ, но оборонительный и наступательный можетъ впутать въ такія хлопоты, что сами не рады будемъ; это французская замашка противу Константина II»[5]).

Союзъ между Россіею и Австріею.

Таково было положеніе дѣлъ въ то время, когда происходило сближеніе между Іосифомъ и Екатериною. До отъѣзда своего въ Могилевъ, Екатерина велѣла написать портретъ Константина, изображающій великаго князя со знаменемъ Константина Великаго въ рукахъ[6]). Понятно, что императрица съ нетерпѣніемъ ожидала случая побесѣдовать съ императоромъ Іосифомъ о турецкихъ дѣлахъ. Такимъ образомъ, въ Могилевѣ и Царскомъ Селѣ повторялись намеки на Римъ и Константинополь; Екатерина въ одномъ изъ своихъ писемъ къ императору говорила о себѣ, какъ о главѣ греческой церкви, называя Іосифа главою западноевропейской.

Вскорѣ начались переговоры о заключеніи союза. Въ письмѣ отъ 1-го января 1781 года, писанномъ главнымъ образомъ Кауницомъ, Іосифъ II просилъ указать на тѣ условія, при которыхъ Австрія и Россія взаимно гарантировали-бы другъ другу цѣлость территоріи обѣихъ державъ. Въ этомъ письмѣ встрѣчается лестное для Екатерины выраженіе, что императрица гораздо умнѣе его,

---

[1]) Выраженіе, употребленное Екатериною въ рескриптѣ Стахіеву, у Соловьева, XIX, 328.
[2]) Соловьевъ, XXIX, 327.
[3]) «Русская Старина», XIII, 443.
[4]) Zinkeisen, VI, 239, 240.
[5]) «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 264.
[6]) Zinkeisen, VI, 268.

Іосифа, и что ей хорошо извѣстно, что̀ соотвѣтствуетъ чести и интересамъ каждаго [1]). Въ отвѣтъ на жалобы Екатерины, что турки постоянно нарушаютъ договоры, и на ея просьбу помочь ей наказать турокъ, Іосифъ отвѣтилъ изъявленіемъ полной готовности приступить къ дѣйствіямъ, замѣчая, впрочемъ, что императрица, располагая знаменитыми полководцами, каковы Потемкинъ, Румянцевъ, Орловъ, Репнинъ и др., въ сущности не можетъ нуждаться въ чьей-либо помощи [2]).

Заключеніе формальнаго союза между Іосифомъ и Екатериною не состоялось. Екатерина настаивала на соблюденіи при этомъ случаѣ обыкновеннаго правила объ альтернатѣ, въ силу котораго, при заключеніи договора, въ двухъ экземплярахъ документа подписи договаривающихся сторонъ чередуются. Іосифъ, въ качествѣ главы германской имперіи, не могъ согласиться на соблюденіе этого правила. Чтобы обойти такое затрудненіе, Іосифъ предложилъ вмѣсто формальной редакціи договорной грамоты въ двухъ экземплярахъ, обмѣняться двумя письмами, почти совершенно тождественнаго содержанія, которыя имѣли бы силу формально заключеннаго договора. Іосифъ къ тому же считалъ эту форму заключенія договора тѣмъ болѣе выгодною, что можно было успокоить противниковъ Екатерины и Іосифа формальнымъ и совершенно справедливымъ въ точномъ смыслѣ объявленіемъ, что заключеніе трактата между Россіей и Австріей не состоялось. «И безъ того — замѣтилъ Іосифъ, — король прусскій узналъ о существованіи нашего тайнаго соглашенія относительно Порты и воспользовался этимъ, чтобы повредить намъ въ Парижѣ, Константинополѣ и другихъ мѣстахъ [3]).

Состоявшійся такимъ образомъ союзъ между Россіею и Австріею совершенно измѣнилъ политическую систему Европы. Пруссія очутилась въ невыгодномъ положеніи. Главнымъ образомъ сближеніе между Іосифомъ и Екатериною было направлено противъ Турціи. Въ другихъ письмахъ, которыми обмѣнялись императрица и императоръ, заключался, такъ сказать, сепаратный артикулъ объ условіяхъ взаимной помощи въ борьбѣ съ Портою [4]).

---

[1]) Arneth, «Joseph II und Katharina», 32. Переводъ этого письма въ соч. Ранке (XXXI, 101) неправиленъ.

[2]) Тамъ-же, 45.

[3]) Тамъ-же, 79 — 90. Ranke, XXXI, 102. Herrmann, VI, 34.

[4]) Трачевскій въ «Hist. Zeitschrift», 1875. Heft. 4.

Нельзя удивляться тому, что Фридрихъ началъ безпокоиться, наводилъ справки и наконецъ прямо обратился къ Екатеринѣ съ запросомъ. Она отвѣчала уклончиво, замѣчая въ то же время въ письмѣ къ Іосифу, что документы, относящіеся къ этому дѣлу, хранятся у нея самой подъ ключемъ, и что она ихъ никому не показывала, такъ что никто не можетъ знать что̀-либо положительное объ этомъ договорѣ.

Фридрихъ II писалъ въ началѣ 1782 г. къ своему племяннику, герцогу Карлу Брауншвейгскому: «Мнѣ кажется, что мы приближаемся къ кризису... Очевидно, Россія намѣрена напасть на турокъ и надѣется принудить ихъ къ миру въ самомъ Константинополѣ. Императоръ очень желалъ-бы пріобрѣсти Боснію, Сербію и Бѣлградъ. Онъ слѣдуетъ внушеніямъ Россіи». На другой день Фридрихъ высказалъ предположеніе, что война начнется еще въ текущемъ году [1]).

19-го февраля 1782 года, императрица шутя писала Іосифу о своей надеждѣ, что папа Пій VI, намѣревавшійся посѣтить императора въ Вѣнѣ, передастъ ему при этомъ случаѣ ключи Рима и въ то же время сдѣлаетъ ему предложеніе изгнать турокъ изъ Европы. Іосифъ отвѣчалъ, что ждетъ такого предложенія не столько отъ главы римской церкви, сколько отъ императрицы, стоящей во главѣ греческой церкви. При этомъ Іосифъ замѣтилъ, что всегда готовъ исполнять ея желанія [2]).

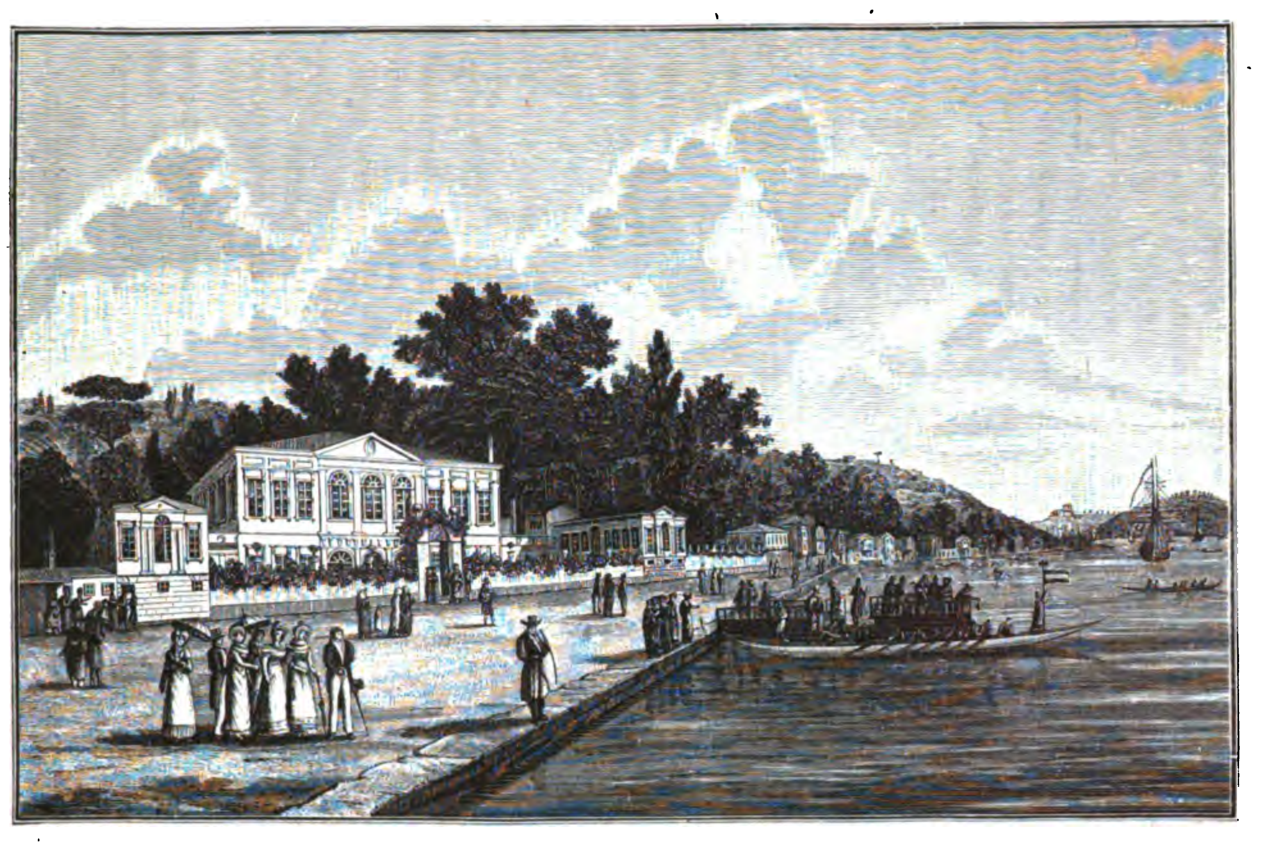
И въ Англіи въ это время ожидали раздѣла Турціи [3]). Дѣйствительно, Іосифъ и Екатерина, въ 1782 и 83 годахъ, мечтали объ опредѣленіи доли каждаго участвующаго въ предполагаемомъ раздѣлѣ Турціи.

Екатерина жаловалась на постоянно повторявшіеся безпорядки въ Крыму; Іосифъ изъявилъ готовность содѣйствовать принятію мѣръ для прекращенія этихъ смутъ, прося императрицу точнѣе опредѣлить свои желанія. 10-го сентября 1782 г., Екатерина въ подробной запискѣ говорила о вѣроятности разрыва съ Турціею и необходимости заблаговременно опредѣлить планъ похода и рѣшить вопросъ о вознагражденіи и пріобрѣтеніяхъ, требуемыхъ отъ Турціи, какъ отъ виновника войны. Съ Турціею, продолжаетъ Екатерина, справиться не трудно. Безпорядки въ этомъ

[1]) Ranke, XXXI, 103 — 105. О Пруссіи и Фридрихѣ въ это время см. соч. Цинкейзена, VI, 272, 281, 300 и ст. Трачевскаго о княжескомъ союзѣ въ «Вѣстникѣ Европы», 1875, III, 718, 720.

[2]) Arneth, «Joseph II und Katharina», 121—128.

[3]) Harris, I, 482.

Домъ русскаго посольства въ Константинополѣ.

Съ рисунка начала нынѣшняго столѣтія Ульфальви. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

государствѣ, отдѣленіе Европейской Турціи отъ Азіатской, стремленіе отдѣльныхъ пашей къ независимости и вѣчный раздоръ между ними и султаномъ, то обстоятельство, что христіанъ въ Турціи въ пять или шесть разъ больше, чѣмъ турокъ, разбой и грабежъ, повсемѣстные въ Турціи, отсутствіе дисциплины въ войскѣ, равнодушіе янычаръ къ войнѣ и военнымъ дѣламъ, продажность и сребролюбіе турецкихъ чиновниковъ, готовность населенія къ возстаніямъ, — все это, по мнѣнію императрицы, должно содѣйствовать облегченію задачи императорскихъ дворовъ. Эта задача заключалась-бы въ пріобрѣтеніи турецкихъ земель. Екатерина предлагаетъ учредить между тремя монархіями (Россіей, Австріей и Турціей) навсегда независимое отъ нихъ государство подъ именемъ Дакіи, состоящее изъ провинцій Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи, подъ скипетромъ государя, который исповѣдывалъ бы религію, господствующую въ этихъ странахъ. Что касается дальнѣйшихъ пріобрѣтеній, то Россія желаетъ получить: 1) городъ Очаковъ съ областью между Бугомъ и Днѣстромъ, 2) одинъ или два острова въ Архипелагѣ для безопасности и удобства торговли. Затѣмъ отъ успѣховъ войны будетъ зависѣть, можно-ли идти далѣе и приступить къ изгнанію врага христіанскаго имени изъ Константинополя и къ возстановленію Греческой имперіи подъ непремѣннымъ условіемъ сохранять эту возобновленную монархію въ полной независимости отъ Россіи и возвести на престолъ ея великаго князя Константина Павловича. За то, кромѣ пріобрѣтенія Австріей нѣкоторыхъ провинцій на Дунаѣ, Екатерина обѣщаетъ Іосифу содѣйствовать пріобрѣтенію нѣкоторыхъ мѣстъ въ Средиземномъ морѣ, если императоръ сочтетъ это удобнымъ для поддержанія и развитія торговли своихъ подданныхъ. Въ заключеніе императрица замѣчаетъ: «Эти предположенія могутъ казаться громадными и слишкомъ смѣлыми; но я думаю, что, при тѣсномъ союзѣ между нашими государствами, почти все можно осуществить» [1]).

Нельзя не удивляться тому, что въ запискѣ Екатерины ни слова не сказано о пріобрѣтеніи Крыма. Въ это время все было приготовлено къ занятію полуострова; нѣсколько мѣсяцевъ спустя, совершилось присоединеніе его къ Россіи.

Іосифъ медлилъ нѣсколько недѣль своимъ отвѣтомъ на записку Екатерины; быть можетъ, и болѣзнь императора — у него сдѣлалась рожа — заставила его отложить отвѣтъ. Въ письмѣ отъ

---

[1]) Arneth, «Joseph II und Katharina», 143—157.

13-го ноября, Іосифъ прежде всего выразилъ опасеніе насчетъ противодѣйствія Пруссіи и Бурбонскихъ дворовъ, которые легко могутъ препятствовать осуществленію проектовъ Екатерины. Присоединеніе къ Россіи Очакова съ принадлежащею къ нему областью, замѣтилъ Іосифъ, не можетъ встрѣтить никакого затруд-

Уменьшенное факсимиле каррикатуры прошлаго столѣтія на обученіе турецкой арміи французскими офицерами.

Подлинникъ каррикатуры находится въ собраніи П. Я. Дашкова.

ненія. Что же касается до образованія новаго государства, Дакіи, и возведенія на престолъ Греціи великаго князя Константина, то это будетъ зависѣть отъ успѣховъ войны: со стороны же императора не будетъ затрудненій въ исполненіи всѣхъ этихъ желаній, если только будутъ исполнены и его желанія, которыя со-

стоятъ въ слѣдующемъ: для округленія Австрійской монархіи нужно присоединить къ ней городъ Хотинъ съ небольшою областью, прикрывающею Галицію и Буковину, часть Валахіи, которую огибаетъ р. Алута, Никополь и отсюда оба берега вверхъ по Дунаю, слѣдовательно города Виддинъ, Оршову и Бѣлградъ, для прикрытія Венгріи; отъ Бѣлграда должно протянуть самую прямую и самую короткую линію къ Адріатическому морю, включая Golfo della Drina, и, наконецъ, къ Австрійской монархіи должны отойти всѣ владѣнія венеціанскія на твердой землѣ и съ прилежащими островами, ибо только этимъ средствомъ произведенія австрійскихъ земель получатъ цѣнность; полуостровъ Морея, который принадлежалъ нѣкогда венеціанцамъ, острова Кандія, Кипръ и другіе, архипелагскіе, могутъ богато вознаградить этихъ республиканцевъ; императоръ же можетъ имѣть тогда морскія суда и быть, слѣдовательно, гораздо полезнѣе для Россіи; дунайская торговля останется совершенно свободною для австрійскихъ подданныхъ какъ при входѣ въ Черное море, такъ и при выходѣ изъ него черезъ Дарданеллы, и пр. [1]).

И въ ноябрѣ и въ декабрѣ, Екатерина въ письмахъ къ Іосифу повторяла, что она занята составленіемъ отвѣта на записку императора. Изъ ея отвѣта (4-го января 1783 г.) видно, что мнѣнія Іосифа и Екатерины расходились по главному предмету. Что касается венеціанцевъ, писала Екатерина, то она считаетъ, что ихъ расположеніе въ пользу Россіи и Іосифа въ случаѣ войны съ Турціею должно считаться слишкомъ важнымъ условіемъ успѣха, чтобы лишить ихъ владѣній на твердой землѣ, что непремѣнно возбудило бы ихъ противъ императорскихъ дворовъ. Къ тому же Екатерина полагаетъ удобнымъ предоставить будущей греческой имперіи значительную территорію, а потому Морея и Архипелагъ должны войти въ составъ этого государства. Впрочемъ, заключаетъ императрица, соглашеніе по вопросу о различныхъ пріобрѣтеніяхъ Австрійской монархіи не можетъ встрѣтить никакихъ затрудненій [2]).

Такимъ образомъ, Екатерина отказала Іосифу въ предоставленіи ему тѣхъ выгодъ, которыхъ онъ наиболѣе желалъ. Отвѣтъ ея сильно подѣйствовалъ на императора. Въ запискѣ къ Кауницу, къ которому онъ тотчасъ же по полученіи письма императрицы отправилъ этотъ важный документъ, выражалось сильное негодо-

---

[1]) Arneth, «Joseph II und Katharina», 169 и слѣд.

[2]) Тамъ-же, 182—188.

ваніе на Екатерину. Онъ говорилъ, что Екатерина, очевидно, хочетъ обмануть его, но что это ей не удастся. Вскорѣ послѣ этого, императоръ написалъ отвѣтъ Екатеринѣ въ столь сильныхъ выраженіяхъ, что Кауницъ рѣшительно совѣтовалъ Іосифу измѣнить редакцію; иначе можно было, по его мнѣнію, ожидать разлада съ императрицею. Такимъ образомъ, отвѣтъ Іосифа былъ отправленъ въ совершенно новой редакціи. Императоръ писалъ, что, такъ какъ Турція не хочетъ разрыва и склонна къ уступамъ, значитъ при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ не должно думать о войнѣ. Отказываясь отъ приведенія въ исполненіе сво-

Проектъ медали на рожденіе в. к. Константина Павловича.

Съ рисунка, приложеннаго къ „Русской Старинѣ" 1877 года.

ихъ прежнихъ предположеній, Іосифъ уничтожалъ смѣлый проектъ Екатерины [1]).

Понятно, что она была крайне недовольна и вовсе не раздѣляла мнѣнія Іосифа въ отношеніи къ мнимой уступчивости турокъ. Она писала, что удивляется быстрой перемѣнѣ въ образѣ мыслей императора и что исполненіе прежняго плана было бы достойнымъ Цезаря. «Вотъ каково письмо императрицы—писалъ Іосифъ Кауницу:—въ немъ выражается сильная злоба, да это не могло быть иначе: она, однако, не можетъ возразить ничего существеннаго на мои соображенія». Въ продолженіе нѣсколькихъ не-

[1]) Arneth, 188—196.

дѣлъ между Екатериною и Іосифомъ не было переписки. Не даромъ Фридрихъ еще до этого выразилъ надежду на то, что при раздѣлѣ Турціи окажется невозможнымъ соглашеніе интересовъ Австріи и Россіи; онъ даже былъ убѣжденъ въ томъ, что планъ завоеванія Турціи долженъ будетъ повести къ разладу между Іосифомъ и Екатериною: очевидно, говорилъ онъ, австрійцы предпочтутъ слабаго сосѣда — Турцію — сильному—Россіи [1]).

Отказываясь нехотя отъ принятія мѣръ къ приведенію въ исполненіе своего обширнаго плана, Екатерина приступила къ завладѣнію Крымскимъ полуостровомъ.

Присоединеніе Крыма.

Въ Крыму существовала русская партія, которую систематически поддерживалъ Потемкинъ. Приверженцы Россіи обратились къ императрицѣ съ адресомъ, въ которомъ просили о присоединеніи Крыма къ Россіи.

Превращеніе Тавриды въ русскую провинцію было дѣломъ необходимости для пресѣченія опасности, постоянно грозившей южнымъ предѣламъ Россіи со стороны хищныхъ татаръ. Занятіе Крыма было нѣкоторымъ образомъ оборонительною мѣрою. Къ тому же, съ давнихъ поръ, въ продолженіе вѣковъ, Россія стремилась къ расширенію своихъ предѣловъ до береговъ Чернаго и Азовскаго морей.

Такъ называемая независимость татаръ, бывшая однимъ изъ условій Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, продолжалась лишь нѣсколько лѣтъ. Во все это время въ Крыму свирѣпствовала упорная борьба партій. Преемникомъ хана Сагибъ-Гирея, бывшаго представителемъ интересовъ Россіи, сдѣлался поддерживаемый Турціею ханъ Девлетъ-Гирей. Такъ какъ Сагибъ-Гирей обратился къ Россіи съ просьбою о помощи, Суворовъ силою оружія возвратилъ ему власть; затѣмъ явился настоящій воспитанникъ Россіи, Шагинъ-Гирей, прожившій нѣсколько лѣтъ въ Россіи и привыкшій къ западно-европейскимъ нравамъ и обычаямъ. Сдѣлавшись ханомъ, онъ постоянно долженъ былъ бороться противъ вліянія Турціи, которая желала возвести на престолъ въ Крыму

---

[1]) Zinkeisen, VI, 306.

своихъ кандидатовъ. Свергнутый съ престола Шагинъ-Гирей вернулся при помощи русскаго оружія, благодаря появленію въ Крыму генерала Самойлова. Противники его подверглись жестокому преслѣдованію. Русскихъ войскъ въ Крыму прибавлялось все болѣе и болѣе. Въ апрѣлѣ 1783 года, Потемкинъ явился въ Херсонѣ, откуда сдѣлалъ послѣднія распоряженія для занятія Крыма; начались переговоры съ Шагинъ-Гиреемъ и съ начальниками племенъ на Кубани; переговоры эти повели къ желанной цѣли: ханъ уступилъ свои права императрицѣ, и Крымъ превратился въ провинцію Россіи[1]). Всѣ эти событія напоминали то, что̀ происходило въ Курляндіи и Польшѣ въ началѣ царствованія Екатерины.

Изъ весьма значительнаго числа рескриптовъ, собственноручныхъ писемъ и записокъ Екатерины видно, въ какой степени императрица принимала участіе во всемъ дѣлѣ присоединенія Крыма. Особенно оживленною была въ это время ея переписка по этому вопросу съ Потемкинымъ[2]). Постоянно Екатерина готовилась къ разрыву съ Турціею. Узнавъ отъ Потемкина о плохомъ состояніи укрѣпленій Очакова, она писала: «Не блистающее описаніе состоянія Очакова, которое ты изъ Кинбурна усмотрѣлъ, совершенно соотвѣтствуетъ попеченію той Имперіи объ общемъ и частномъ добрѣ, къ которой по сю пору принадлежитъ; какъ сему городишку носъ подымать противу молодого Херсонскаго колосса!» и пр.[3]). Въ концѣ 1782 г., Екатерина писала Потемкину, что нужно воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ для захвата Ахтіарской гавани, т. е. Севастопольской бухты[4]). Нѣсколько разъ императрица выражала надежду, что присоединеніе Крыма къ Россіи, наконецъ, состоится[5]).

Во все это время продолжалась переписка Екатерины съ Іосифомъ II, хотя въ ней и замѣтны слѣды недоразумѣній, возникшихъ по поводу вопроса объ условіяхъ раздѣла Турціи. Получивъ, въ апрѣлѣ 1783 года, отъ Іосифа скудное содержаніемъ, но богатое фразами письмо, Екатерина сообщила о немъ князю

---

[1]) Весьма важнымъ источникомъ для исторіи этихъ событій служатъ записки Самойлова въ «Русскомъ Архивѣ» 1867, 1208—1225. Объ участіи Безбородки въ этихъ дѣлахъ см. «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 91—95. Богатый матеріалъ у Цинкейзена, VI, 907—934. Тамъ же о дальнѣйшей судьбѣ Шагинъ-Гирея.

[2]) «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 207 и слѣд.

[3]) Тамъ-же, 217.

[4]) Тамъ-же, 228.

[5]) Тамъ-же, 265, 269.

Потемкину, замѣчая при этомъ: «Я твердо рѣшилась ни на кого не разсчитывать, кромѣ насъ самихъ. Когда пирогъ будетъ испеченъ, у каждаго явится аппетитъ. Какъ мало я считаю на союзника, такъ мало я опасаюсь и уважаю французскій громъ, или, лучше сказать, зарницу» [1]).

Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи указомъ 8-го апрѣля 1783 г. 7-го апрѣля, Екатерина писала Іосифу о новыхъ непріязненныхъ дѣйствіяхъ Порты, которыя принуждаютъ ее къ принятію рѣшительныхъ мѣръ. Далѣе въ ея письмѣ сказано: «Я никакимъ образомъ не стану требовать отъ васъ, чтобы вы подвергли ваши владѣнія какой-либо опасности для моихъ выгодъ... Я надѣюсь, что на этотъ разъ собственныя силы моего государства будутъ достаточны для того, чтобы принудить Порту къ миру надежному, выгодному и соотвѣтствующему моему достоинству. Зная, однако, высокую душу императора Іосифа II и искренно желая личной славы для него и выгодъ для его государства, интересы котораго столь сходны и столь тѣсно связаны съ интересами Россіи, я не могу не желать, чтобъ онъ участвовалъ въ предстоящей борьбѣ и посредствомъ новыхъ побѣдъ и пріобрѣтеній озарилъ новымъ блескомъ свое царствованіе» [2]).

Немного спустя, Іосифу было сообщено о присоединеніи Крыма. Императоръ оказался довольнымъ этимъ событіемъ, которое считалъ выгоднымъ для австрійской монархіи. Можно было надѣяться, что вслѣдствіе этого турки будутъ миролюбивѣе и не такъ легко начнутъ наступательную войну, что занятіе крымскихъ гаваней русскими и развитіе русскаго флота на Черномъ морѣ могло скорѣе удерживать Порту отъ нападеній на австрійскія владѣнія. Къ тому же Іосифъ, одобряя образъ дѣйствій императрицы, поддерживалъ союзъ съ Россіею, и такимъ образомъ еще успѣшнѣе препятствовалъ сближенію Россіи съ Пруссіею [3]).

Въ нѣсколькихъ письмахъ Екатерина изъявила Іосифу свою благодарность за его косвенное содѣйствіе занятію Крыма, обѣщая ему, что Россія при случаѣ станетъ также дѣйствовать для доставленія выгодъ Австріи. Іосифъ, въ запискѣ къ Кауницу, выразилъ предположеніе, что императрица при этомъ случаѣ имѣла въ виду присоединеніе Молдавіи и Валахіи къ Австрійской монархіи [4]). Старанія Екатерины помочь Іосифу, по поводу проекта

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 252.
[2]) Arneth, «Joseph II und Katharina», 195—199.
[3]) Ségur, Mémoires, III, 209.
[4]) Arneth, 206.

объ обмѣнѣ Нидерландовъ на Баварію и по поводу спора о плаваніи по рѣкѣ Шельдѣ, доказывало, что Екатерина дѣйствительно считала себя обязанною императору.

Пріобрѣтеніе Крыма имѣло громадное значеніе для Россіи. Не даромъ братъ Іосифа, Леопольдъ Тосканскій, замѣтилъ тогда же, что Россія отнынѣ станетъ господствовать на Черномъ морѣ такъ

Татарскіе беги въ Крыму временъ Екатерины II.

Съ офорта прошлаго столѣтія Гейслера.

же, какъ она уже прежде господствовала на Каспійскомъ морѣ, и что Россія съ береговъ Крымскаго полуострова во всякое время станетъ угрожать Турціи нападеніемъ на Константинополь [1]). Разсказывали впослѣдствіи о замѣчаніи Екатерины, что она прибыла въ Россію безприданницею, но что въ Тавридѣ и Польшѣ она пріобрѣла себѣ приданое [2]). Въ веселомъ тонѣ она сообщила

[1]) Ranke, XXXI, 115.
[2]) Masson, «Mémoires secrets sur la Russie», I, 49.

Гримму о присоединеніи Крыма и о томъ, что ей удалось разъ навсегда положить конецъ хищничеству татаръ и интригамъ турокъ въ Крыму. Останавливаясь на частностяхъ этого событія, Екатерина доказывала, что нельзя было не рѣшиться на энергичныя дѣйствія. При этомъ она изъявила сожалѣніе, что Даламберъ, скончавшійся въ октябрѣ 1783 г., не одобрялъ образа дѣйствій Россіи [1]).

Императрица не была равнодушна къ отзывамъ о ней въ западной Европѣ. Для Россіи довольно важная выгода заключалась въ томъ обстоятельствѣ, что на западѣ во время присоединенія Крыма оканчивалась многолѣтняя война между разными державами, которыя, въ утомленіи послѣ напряженія силъ, не желали вооруженною рукою препятствовать успѣхамъ Россіи.

Мысль о возможности столкновенія между Россіею и другими державами, по поводу турецкихъ дѣлъ, оказалась довольно близкою къ осуществленію. Когда Екатерина сообщила великому князю Павлу Петровичу объ успѣшно совершенномъ присоединеніи Крыма, Павелъ высказалъ убѣжденіе, что особенно Франція едва ли спокойно станетъ смотрѣть на столь важное усиленіе могущества Россіи; императрица увѣряла сына, что не имѣетъ основанія опасаться ни Франціи, ни Швеціи [2]).

Геррисъ уже въ 1782 году доносилъ своему правительству, что можно считать весьма вѣроятнымъ разрывъ съ Турціею и что Екатерина, какъ можно полагать, желаетъ войны [3]). Въ другихъ депешахъ англійскій дипломатъ возвращался неоднократно къ этому предмету: Потемкинъ, писалъ онъ, желаетъ завладѣть Очаковымъ; въ Россіи усиливаютъ артиллерію; очевидно, существуютъ широкіе планы относительно Турціи, и эти планы доходятъ до такихъ размѣровъ, что императрицѣ приходится сдерживать пылкое воображеніе Потемкина; нѣтъ сомнѣнія, что все это клонится къ раздѣлу Турціи. Немного позже Геррисъ писалъ, что можно ожидать турецкой войны по поводу Крымскихъ дѣлъ; Потемкинъ въ ближайшемъ будущемъ, доносилъ Геррисъ, намѣренъ приступить къ осадѣ Очакова, и потому просилъ объ усиленіи артиллеріи въ южной Россіи, и пр. [4]).

Уже прежде въ Петербургѣ узнали о разныхъ козняхъ прусскаго дипломата въ Константинополѣ, Гафрона, направленныхъ

---

1) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 277, 287, 308.
2) «Русская Старина», VIII, 652—653.
3) Harris, I, 540,
4) Тамъ-же, II, 8, 12, 13, 15—19, 22, 27, 42, 46, 56.

противъ Россіи [1]). Послѣ присоединенія Крыма къ Россіи, были получены новыя извѣстія объ усиленныхъ интригахъ Гафрона [2]). Изъ Испаніи писали о сильномъ раздраженіи Франціи по случаю усиленія Россіи [3]). Съ насмѣшкою и въ тонѣ неудовольствія императрица отзывалась о дипломатической дѣятельности французскаго дипломата Шуазёля-Гуфье въ Константинополѣ [4]). Верженъ составилъ планъ подачи Турціи помощи въ борьбѣ съ Россіею; онъ же мечталъ о возможности заставить петербургскій и вѣнскій дворы согласиться на посредничество Франціи въ спорѣ между Турціею съ одной стороны, и Россіею и Австріею—съ другой.

Въ августѣ 1783 года, Екатерина была убѣждена въ томъ, что Турція ей объявитъ войну [5]). И дѣйствительно, въ Константинополѣ партія, склонная къ войнѣ, производила сильное давленіе на правительство. Рейсъ-Эфенди объявилъ, что скорѣе готовъ умереть, чѣмъ допустить, чтобы Крымъ оставался въ рукахъ Россіи. Не смотря на все это, умѣренная партія взяла верхъ, и миръ пока не былъ нарушенъ [6]).

Впрочемъ Россія не переставала готовиться къ походу. Грейгъ составилъ записку о нападеніи на Дарданеллы, къ которой Потемкинъ прибавилъ нѣкоторыя замѣчанія [7]). И Кауницъ желалъ разрыва съ Турціею и считалъ время удобнымъ для открытія военныхъ дѣйствій: онъ говорилъ, что Австрія теперь можетъ возвратить себѣ то, чего она лишилась при Бѣлградскомъ мирѣ. Императоръ Іосифъ долженъ былъ сдерживать предпріимчивость канцлера [8]).

Миръ не могъ быть продолжительнымъ. Присоединеніе Крыма къ Россіи было слишкомъ тяжелымъ ударомъ, нанесеннымъ Портѣ. Можно было ожидать разрыва тѣмъ болѣе, что Россія не переставала дѣйствовать наступательно и возбуждать Порту къ объявленію войны.

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», 1876, III, 317.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 274.
[3]) «Вѣстникъ Европы», 1876, III, 710.
[4]) «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 281—282.
[5]) Тамъ-же, XXVII, 274.
[6]) Zinkeisen, VI, 404—405.
[7]) «Русская Старина», XXII, 449 и слѣд.
[8]) Трачевскій въ «Вѣстникѣ Европы», 1876, III, 716.

Путешествіе 1787 года.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ перваго раздѣла Польши, Екатерина предприняла путешествіе въ Могилевъ, для ознакомленія съ новопріобрѣтеннымъ краемъ, Бѣлоруссіею. Съ такою же цѣлью была совершена поѣздка въ Крымъ нѣсколько лѣтъ послѣ присоединенія полуострова. То обстоятельство, что императрица отправилась въ южную Россію въ то самое время, когда можно

ПУТЕШЕСТВІЕ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ КРЫМЪ ВЪ 1787 Г.
Дорожный возокъ Екатерины II.

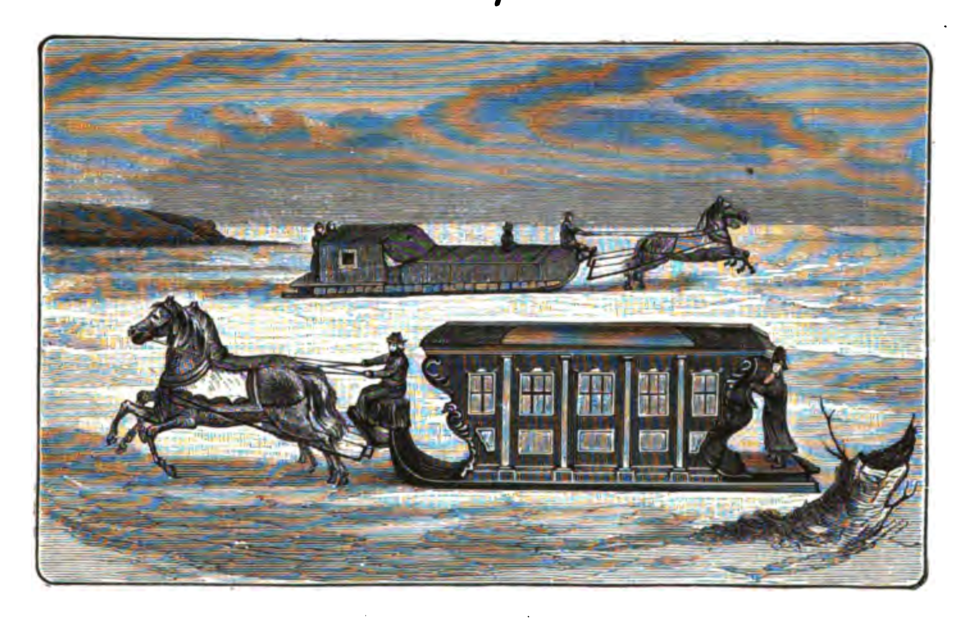
Съ гравюры прошлаго столѣтія Гоппе.

было ожидать разрыва съ Турціею, придало ея путешествію характеръ политической демонстраціи; нельзя не признать, что такой образъ дѣйствій русскаго двора ускорилъ рѣшеніе вопроса о турецкой войнѣ.

Императрицу сопровождали при этомъ случаѣ многочисленная свита, министры, нѣкоторые изъ иностранныхъ дипломатовъ; цѣлью путешествія были Херсонъ, пріобрѣвшій въ послѣднее время значеніе военнаго порта, Бахчисарай — бывшая столица

крымскихъ хановъ, Севастополь — одна изъ лучшихъ гаваней въ мірѣ, въ которой можно было видѣть созданный Потемкинымъ въ самое короткое время флотъ, готовый сражаться съ турками.

Такимъ образомъ, путешествіе Екатерины въ то же самое время было придворнымъ увеселеніемъ, такъ сказать, пикникомъ въ громадныхъ размѣрахъ, и весьма важнымъ и серьезнымъ политическимъ дѣйствіемъ, которое должно было возбудить страхъ и раздраженіе противниковъ Россіи.

ПУТЕШЕСТВІЕ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ КРЫМЪ ВЪ 1787 Г.

Придворные дорожные экипажи Екатерининскаго времени.

Съ старинной гравюры.

Уже за нѣсколько лѣтъ до этого путешествія была рѣчь о немъ. Въ письмахъ къ Іосифу Екатерина напоминала императору о данномъ ей въ Могилевѣ обѣщаніи встрѣтиться съ нею въ Херсонѣ[1]). Еще въ 1784 году были приняты кое-какія мѣры для приведенія въ исполненіе намѣренія Екатерины посѣтить южныя окраины имперіи[2]). Между тѣмъ императрица въ письмахъ къ разнымъ лицамъ старалась распространить мнѣніе, что предпола-

[1]) Arneth, «Joseph II und Katharina», 92, 277.

[2]) «Записки Одесскаго Общества Ист. и Др.», II, 758.

гаемое ею путешествіе не имѣетъ ничего общаго съ политикою [1]); такъ какъ, однако, было извѣстно, что главнымъ поводомъ къ поѣздкѣ было обревизованіе результатовъ административной дѣятельности Потемкина, заключавшихся главнымъ образомъ въ приготовленіяхъ къ турецкой войнѣ, то увѣренія Екатерины не согласовались съ положеніемъ дѣлъ.

Путешествіе Екатерины должно было сдѣлаться торжествомъ Потемкина, имѣвшаго возможность показать ввѣренную ему новопріобрѣтенную область въ самомъ выгодномъ свѣтѣ. Богатство и производительныя силы степного края, быстрое развитіе новопостроенныхъ городовъ, множество военныхъ снарядовъ и припасовъ, значеніе новыхъ крѣпостей, многочисленность войскъ, сила и блескъ новаго флота, роскошь и прелесть великолѣпной природы въ Крыму—все это не могло не произвести благопріятнаго впечатлѣнія на императрицу, все это должно было обезоружить противниковъ свѣтлѣйшаго князя и въ то же время дать всему міру высокое понятіе о размѣрахъ средствъ, которыми располагала Россія.

Французскій дипломатъ, Сегюръ, участвовавшій въ этой поѣздкѣ, утверждаетъ, что Потемкинъ, устраивая путешествіе Екатерины, тѣмъ самымъ желалъ довести ее до объявленія войны туркамъ [2]). Однако не должно упускать изъ виду того обстоятельства, что планъ поѣздки состоялся независимо отъ соображеній Потемкина.

Сама императрица едва ли ожидала, что ея путешествіе поведетъ прямо къ разрыву съ Портою. Считая вообще войну неизбѣжною, Екатерина, однако, не могла желать столь быстраго открытія военныхъ дѣйствій. Если бы она считала вѣроятнымъ разрывъ съ Портою въ ближайшемъ будущемъ, то сообщила бы императору о предстоящемъ путешествіи въ иномъ тонѣ, нежели это было ею сдѣлано.

Іосифъ удивился небрежности въ формѣ приглашенія императрицы. Онъ писалъ Кауницу, что послѣ всѣхъ услугъ, оказанныхъ имъ Екатеринѣ, послѣ содѣйствія присоединенію Крыма къ Россіи, такой способъ приглашенія можетъ казаться страннымъ, и что онъ намѣренъ въ своемъ отвѣтѣ дать почувствовать «принцессѣ Цербстской, превращенной въ Екатерину», что не должно такъ безцеремонно располагать имъ.

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 378—380. Соч. Екатерины, изд. Смирдинымъ, III, 449.

[2]) Ségur, Mémoires, III, 113.

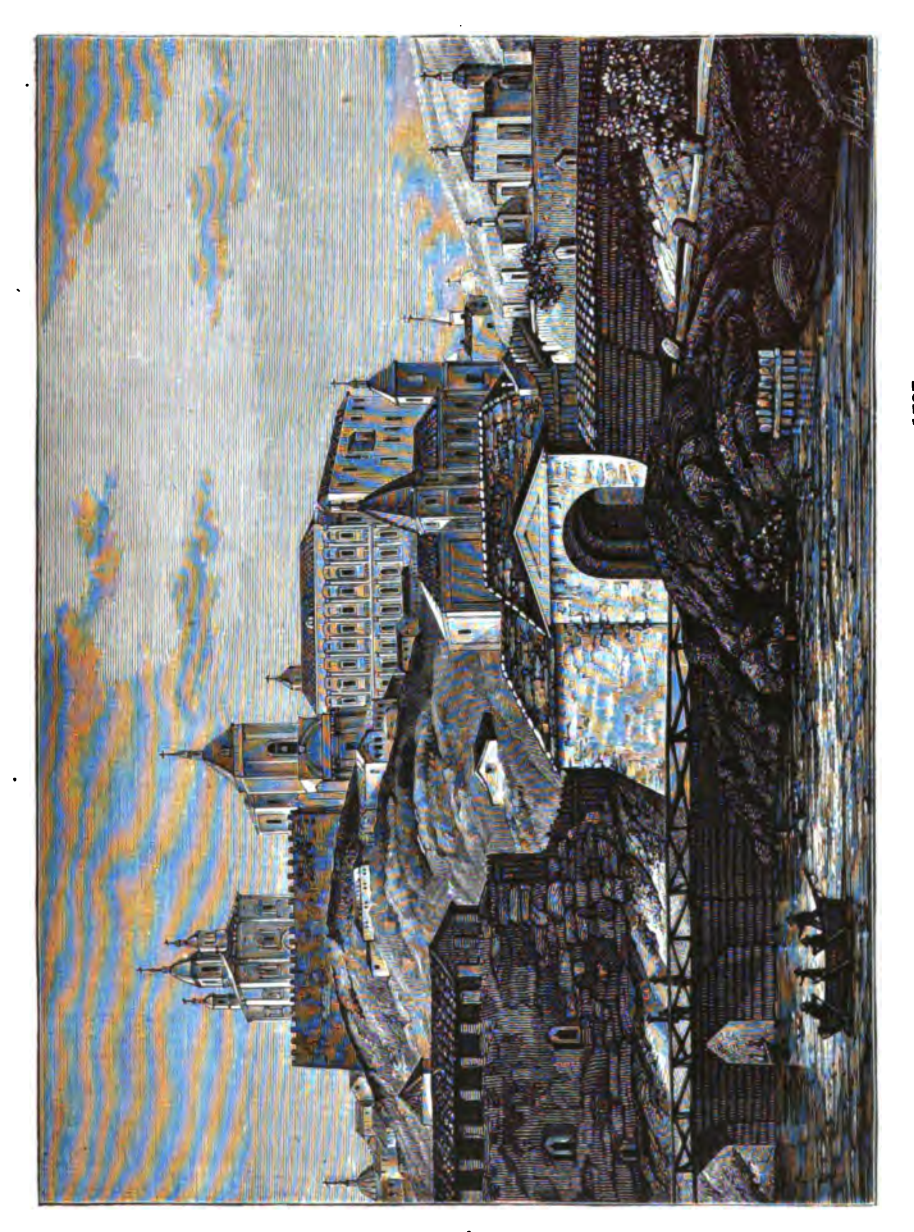
Reconnoit vers le Nord l'aimant qui nous attire
Cet heureux conquérant, profond legislateur,
Femme aimable, grand homme et que l'envie admire
Qui parcourt ses Etats, y verse le bonheur.

Maitre en l'art de regner, savante en l'art d'ecrire,
Repandant la lumiere, ecartant les erreurs,
Si le sort n'avoit pu lui donner un Empire
Elle auroit eu toujours un Throne dans nos coeurs

L'original se trouve dans la collection de Mons.r le General Mamonoff, a qui cette planche est dediée avec le plus profond respect

Екатерина II въ дорожномъ платьѣ, которое она носила во время путешествія въ Крымъ, въ 1787 году.

Съ современной гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета, писаннаго Шебановымъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ КРЫМЪ ВЪ 1787 г.

Видъ Смоленска въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ гравюры того времени Химмеля.

Сначала Іосифъ вовсе не хотѣлъ ѣхать въ Россію. Но тѣ самыя соображенія, на которыхъ вообще былъ основанъ его союзъ съ Россіею, побудили его къ поѣздкѣ въ Херсонъ, и онъ, по совѣту Кауница, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ извѣстилъ Екатерину о томъ, что скоро увидится съ нею. Хотя въ письмахъ Іосифа и Екатерины по случаю предстоявшаго свиданія не говорилось о главной цѣли свиданія, т. е. о турецкихъ дѣлахъ, все таки въ этомъ событіи заключалась широкая политическая программа. Вопросъ о раздѣлѣ Турціи не могъ не сдѣлаться главнымъ предметомъ бесѣдъ между Іосифомъ и императрицею.

При всемъ томъ, однако, важнѣйшею цѣлью поѣздки казалось развлеченіе, веселье, непринужденная бесѣда. О забавахъ во время дороги Сегюръ сообщаетъ нѣкоторыя любопытныя подробности. И въ каретѣ, и на станціяхъ продолжали забавляться совершенно такимъ же образомъ, какъ забавлялись въ Царскомъ Селѣ или въ Эрмитажѣ. Разсказывали анекдоты, напр., о Вольтерѣ, Дидро, Мерсье де-ла-Ривіерѣ и другихъ знаменитостяхъ французской литературы, говорили объ исторіи и статистикѣ, о миѳологіи и земледѣліи, о словесности и философіи; задавали другъ другу шарады; писали bouts-rimés, въ сочиненіи которыхъ особенно отличался графъ Сегюръ; представляли живыя картины, объ устройствѣ которыхъ болѣе всего хлопоталъ графъ Кобенцель. Придворный этикетъ по возможности былъ устраненъ. Строгія формы церемоніала на время исчезли. Тѣмъ легче путешественники могли наслаждаться прелестью бесѣды, о которой Таллейранъ сказалъ, что эта дореволюціонная «conversation» въ высшихъ сферахъ общества составляетъ самое утонченное удовольствіе, самое большое счастіе. Изъ записокъ Сегюра, изъ писемъ принца де-Линя, изъ замѣтокъ Екатерины можно видѣть, какимъ необыкновеннымъ талантомъ для такого рода бесѣды отличались и сама императрица и ея спутники.

Несмотря на это, оказалось невозможнымъ устранить на время поѣздки политику. Каждый изъ собесѣдниковъ былъ представителемъ извѣстныхъ политическихъ интересовъ и имѣлъ опредѣленную политическую программу. Вопросы объ Оттоманской Портѣ, о стремленіи прусскаго короля Фридриха Вильгельма II вмѣшиваться въ дѣла другихъ государствъ, о печальномъ положеніи Франціи, приближавшейся къ перевороту, занимали всѣхъ. Большею частью шутя касались въ разговорахъ и этихъ предметовъ. Весьма ловко императрица говорила о Россіи, о народномъ богат-

ствѣ, о плодородіи почвы, о доходности рыбной ловли на Волгѣ, объ удобствѣ при столь выгодныхъ условіяхъ хозяйственнаго быта русскаго народа производить реформы въ его общественномъ строѣ. Ей было извѣстно, что за границею не особенно выгодно разсуждали о Россіи, и потому она старалась подѣйствовать на образъ мыслей своихъ собесѣдниковъ-дипломатовъ въ этомъ отношеніи; она называла имперію своимъ «petit ménage» и утверждала, что пока хозяйничаетъ весьма благополучно. Посланники, казалось,

ПУТЕШЕСТВІЕ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ КРЫМЪ ВЪ 1787 Г.

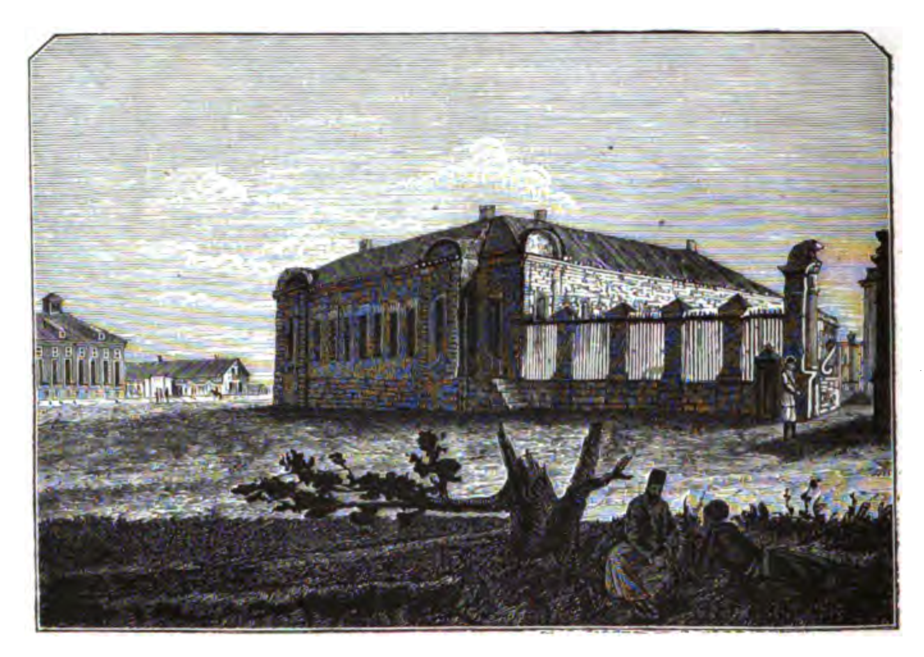
Верстовой столбъ Екатерининскаго времени.

Съ гравюры прошлаго столѣтія.

были восхищены быстротою прогресса, совершающагося въ Россіи, сыпали комплименты по этому поводу, хвалили Петра Великаго, который, по словамъ Екатерины, служилъ ей образцомъ при управленіи государствомъ и пр. Такія бесѣды были прерываемы торжественными въѣздами въ губернскіе города, рѣчами высокихъ сановниковъ и духовныхъ лицъ, аудіенціями, балами, иллюминаціями. Царствованіе Екатерины являлось въ полномъ блескѣ. Въ Кіевѣ представлялись императрицѣ многіе богатые и знатные поляки различныхъ партій, въ томъ числѣ и племянники короля.

Вмѣстѣ съ представителями западной Европы Екатерину окружали депутаты отъ татаръ, калмыковъ, киргизовъ и пр. Все это представляло собою занимательное зрѣлище, соприкосновеніе разныхъ степеней культуры, цивилизаціи различныхъ эпохъ, крайнее разнообразіе въ нравахъ и пріемахъ общежитія, въ физіономіяхъ и одеждахъ, въ нарѣчіяхъ, исповѣданіяхъ, наклонностяхъ и пр.

Хотя Екатерина всячески старалась разузнать во время путешествія объ образѣ мыслей и о разговорахъ между собою ино-

ПУТЕШЕСТВІЕ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ КРЫМЪ ВЪ 1787 Г.

Дворецъ въ Кіевѣ въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ рисунка того времени И. Сергѣева. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

странныхъ дипломатовъ, но сама не говорила съ ними о важнѣйшихъ политическихъ вопросахъ. Ей хорошо было извѣстно, что въ западной Европѣ ея путешествію приписывали важное политическое значеніе. Поэтому она распорядилась, чтобы, когда она, въ день имянинъ Іосифа II, на балу у Кобенцеля, торжественно пила за здоровье ея друга, императора, этотъ эпизодъ не былъ упомянутъ въ печатаемомъ, по ея желанію, журналѣ путешествія. Шутя она затрогивала политическія дѣла. Разсказывая, напр., о томъ, что одинъ русскій морякъ женился на негритянкѣ, она

ПУТЕШЕСТВІЕ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ КРЫМЪ ВЪ 1787 Г.

Императорскія галеры, отплывающія изъ Кіева по Днѣпру.

Съ акварельнаго наброска съ натуры сопровождавшаго императрицу художника Хатфильда. (Подлинный рисунокъ находится въ Императорскомъ Эрмитажѣ).

смѣясь замѣтила, что изъ этого факта можно видѣть, до чего доходитъ ея честолюбіе, такъ какъ въ этой женитьбѣ кроется бракосочетаніе русскаго флота съ Чернымъ моремъ. «Вы не хотите», сказала императрица однажды смѣясь Сегюру, «чтобъ я прогнала вашихъ питомцевъ, турокъ. Хороши они; они вамъ дѣлаютъ честь. Будь у васъ въ Піемонтѣ или въ Савойѣ такіе сосѣди, которые ежегодно безпокоили бы васъ голодомъ и чумой, убивали и уводили бы въ плѣнъ по цѣлымъ тысячамъ вашихъ соотечественниковъ, — что̀ сказали бы вы, если бы мнѣ вдругъ вздумалось защищать ихъ? Разумѣется, вы назвали бы это варварствомъ съ моей стороны» [1]).

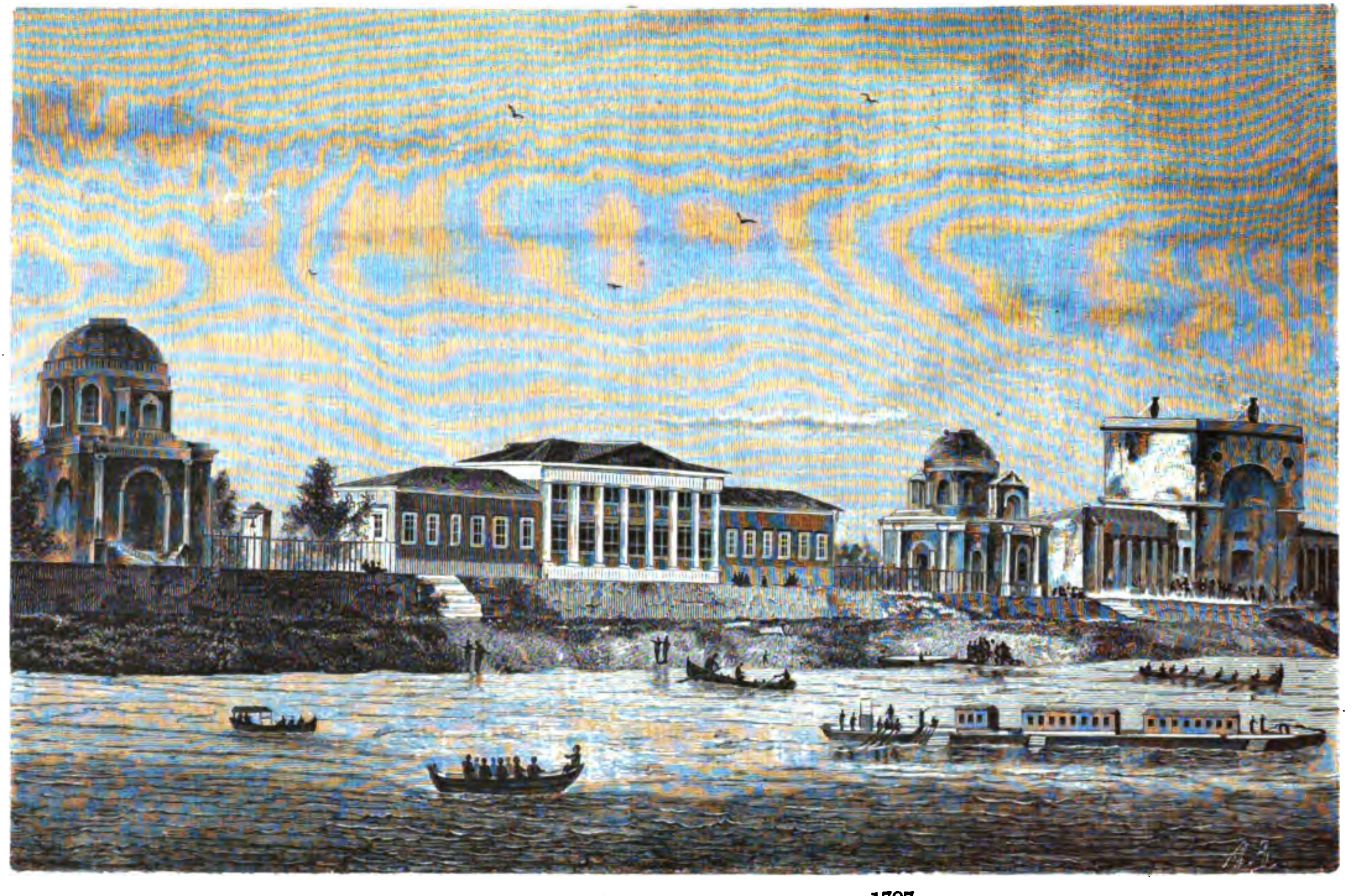
Въ бесѣдѣ съ Храповицкимъ, Екатерина въ это время говорила о Портѣ въ совершенно иномъ тонѣ, жаловалась на европейскіе кабинеты, «которые Порту вооружаютъ», и замѣтила: «Мы сами можемъ начать на основаніи споровъ съ турками по дѣламъ на Кавказѣ и въ Дунайскихъ княжествахъ» [2]). Въ то же время императрица, находясь въ обществѣ иностранныхъ дипломатовъ, шутила о своемъ путешествіи, будто бы чрезвычайно опасномъ для Европы, говорила о слухѣ, что она и Іосифъ II имѣютъ въ виду завладѣть всею Турціею, всею Персіею, а пожалуй еще и Индіей и Японіей [3]).

Свиданіе Екатерины съ польскимъ королемъ въ Каневѣ не имѣло особеннаго политическаго значенія. Съ тѣхъ поръ, какъ она находилась съ Понятовскимъ въ близкихъ сношеніяхъ, прошло около трехъ десятилѣтій. Теперь Екатерина и Станиславъ Августъ встрѣтились при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ. О политикѣ говорили немного, хотя Понятовскій надѣялся поправить свое положеніе личными переговорами съ Потемкинымъ и императрицею. На вопросъ, сдѣланный королемъ русскимъ государственнымъ людямъ, можно ли ожидать скораго разрыва съ Турціею, Потемкинъ и Безбородко отвѣчали уклончиво [4]).

Гораздо важнѣе было свиданіе съ Іосифомъ II. Онъ прибылъ въ Херсонъ до пріѣзда туда Екатерины и успѣлъ осмотрѣть довольно тщательно тамошнія постройки, верфи, склады и пр. Затѣмъ онъ отправился на встрѣчу императрицѣ, которую засталъ

---

[1]) Ségur, Mémoires, III, 15 и 29.
[2]) Храповицкій, 7 апр. 1787.
[3]) Ségur, III, 120.
[4]) См. статью Лиске въ «Russische Revue», IV, 481—508. Kalinka, «Ostatnie lata panowania Stanislawa Augusta» въ «Pamiętnikicz ozmnastego wieku», X. Poznan, 1868. CCLXVII и слѣд.

ПУТЕШЕСТВІЕ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ КРЫМЪ ВЪ 1787 Г.

Прибытіе императорскихъ галеръ въ Кременчугъ.

Съ акварельнаго наброска съ натуры сопровождавшаго императрицу художника Хатфильда. (Подлинный рисунокъ находится въ Императорскомъ Эрмитажѣ).

въ Кайдакахъ. Херсонъ произвелъ на Іосифа довольно благопріятное впечатлѣніе; городъ развивался быстро и успѣшно. На верьфяхъ было нѣсколько готовыхъ военныхъ судовъ. Екатерина была чрезвычайно довольна. Въ Херсонъ прибыли изъ Константинополя русскій дипломатъ, Булгаковъ, и австрійскій, баронъ Гербертъ; въ Херсонѣ происходило нѣчто похожее на конгрессъ. Между Екатериною и Іосифомъ шли бесѣды о политикѣ. Турецкій флотъ сдѣлалъ демонстрацію, явившись во время пребыванія Екатерины въ Херсонѣ около устья Днѣпра, такъ что императрица не могла предпринять предполагавшейся поѣздки въ Кинбурнъ. Между дипломатами Россіи, Франціи, Англіи и Австріи происходили переговоры; никто не думалъ, что военныя дѣйствія откроются чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Іосифъ II и Екатерина казались лишь туристами, которыхъ соединяли не столько политическія цѣли, сколько личная дружба и охота путешествовать.

Въ Ольвіополѣ императрицу ожидали ея новые подданные — ногайскіе татары, которые пожелали сопровождать царскій поѣздъ въ видѣ конвоя.

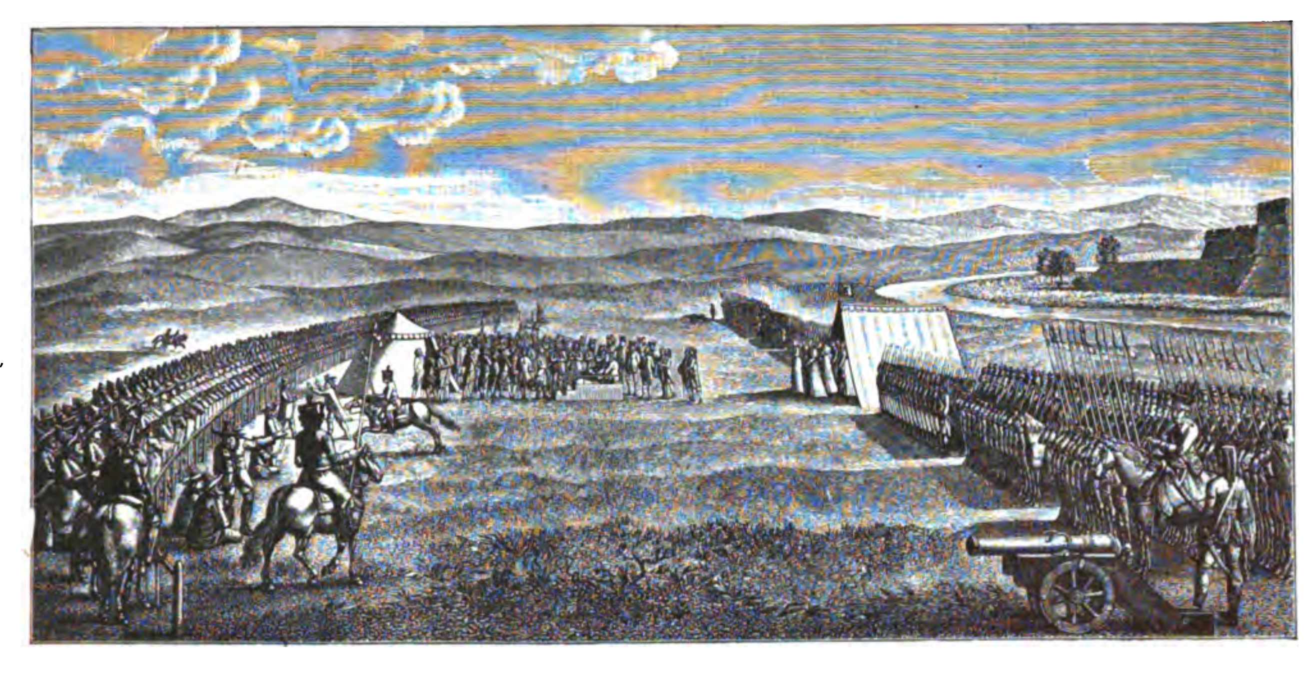
Появленіе русскаго двора съ столь блестящею свитою въ Бахчисараѣ было торжествомъ Россіи надъ Азіею. Не даромъ Екатерина въ бесѣдѣ съ Храповицкимъ, вспоминая о частыхъ набѣгахъ татаръ на Россію въ прежнее время, говорила о значеніи пріобрѣтенія Таврическаго полуострова. Изъ ея замѣчаній видно, что нѣкоторые изъ спутниковъ императрицы не раздѣляли ея оптимизма относительно будущности Крыма [1]).

Видъ севастопольской гавани съ великолѣпнымъ военнымъ флотомъ поразилъ всѣхъ путешественниковъ. За столомъ Екатерина пила за здоровье своего лучшаго друга, Іосифа II, замѣчая при этомъ, что въ значительной степени обязана ему пріобрѣтеніемъ Крыма [2]). Всѣ удивлялись дѣятельности Потемкина, успѣвшаго въ столь короткое время создать черноморскій флотъ. Іосифъ не сомнѣвался въ томъ, что Севастополю предстояла великая будущность. И его и графа Сегюра занимала мысль, что изъ Севастополя можно въ 36 — 48 часовъ приплыть въ Константинополь. Іосифъ писалъ къ фельдмаршалу Ласи, что Сегюръ очень нахмурился, видя такое быстрое развитіе новой гавани Россіи. «Вообразите себѣ, — продолжалъ Іосифъ — что за мысли при этомъ

---

[1]) Храповицкій, 21 мая 1787 г.

[2]) Тамъ-же. Письмо Іосифа къ Ласи въ изданіи Арнета, «Joseph und Katharina», 363.

ПУТЕШЕСТВІЕ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ КРЫМЪ ВЪ 1787 Г.

Встрѣча Екатерины II ногайскими татарами въ Ольвіополѣ.

Съ рѣдкой гравюры прошлаго столѣтія.

должны явиться въ головѣ моего товарища султана; онъ постоянно въ ожиданіи того, что эти молодцы безпрепятственно придутъ и разобьютъ громомъ своихъ пушекъ окна его дворца. Императрица въ восхищеніи отъ такого приращенія силъ Россіи»[1]).

Послѣ осмотра другихъ мѣстъ на южномъ берегу Крыма Іосифъ простился съ императрицею; получивъ извѣстіе о безпорядкахъ, происходившихъ въ Нидерландахъ, онъ спѣшилъ вернуться въ Вѣну. Тотчасъ послѣ окончанія путешествія Екатерины, началась турецкая война.

Разрывъ съ Турціею 1787 г.

Каждое пріобрѣтеніе Россіи въ ущербъ туркамъ и татарамъ заставляло русское правительство распространять свои наступательныя дѣйствія все далѣе и далѣе. Едва были заняты кое-какія мѣста на берегу Чернаго моря, появилась мысль о свободномъ проходѣ черезъ Дарданельскій проливъ. Занятіе Крыма и постройка Херсона породили желаніе завладѣть Очаковымъ. Являлись все новые поводы къ столкновеніямъ между Россіею и Турціею [2]). Въ подробной запискѣ о необходимости занятія Таврическаго полуострова Потемкинъ прямо говорилъ, что цѣлью Россіи должно быть полное господство на Черномъ морѣ [3]). Верженнъ предсказывалъ, что Екатерина, не ограничиваясь занятіемъ Крыма, сдѣлаетъ нападеніе на Турцію, съ цѣлью уничтожить ее [4]). Турки говорили: «пока Крымъ находится въ рукахъ Россіи, Турцію можно сравнить съ домомъ безъ дверей, въ который каждую минуту безпрепятственно могутъ явиться воры»[5]). Каждую минуту турки ожидали появленія русскаго флота у самаго Константинополя и уничтоженія ихъ морскихъ силъ [6]).

Не даромъ присоединеніе Крыма къ Россіи считалось образцомъ ловкости русской дипломатіи. Россія продолжала дѣйствовать въ томъ-же направленіи. Русскому послу въ Константинополѣ были предоставлены въ распоряженіе значительныя денежныя сред-

---

[1]) Arneth, 363; Ségur, III, 181.

[2]) См. статью князя Щербатова о голодѣ 1787 г. въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др.» 1860, I.

[3]) Соловьевъ, «Паденіе Польши», 163.

[4]) Herrmann, VI, 62.

[5]) Тамъ-же, VI, 172.

[6]) Eton, «Schilderung des türkischen Reiches», 100.

ПУТЕШЕСТВІЕ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ КРЫМЪ ВЪ 1787 Г.

Видъ Севастопольской бухты во время присоединенія Крыма къ Россіи.

Съ гравюры Куше, сдѣланной съ рисунка того времени Гейслера.

ства для того, чтобы успѣшно дѣйствовать посредствомъ подкупа. Фридрихъ II справедливо считалъ продажность турецкихъ сановниковъ самымъ кореннымъ зломъ Турціи. Прусскій дипломатъ Дицъ писалъ въ 1784 году, что турецкой имперіи едва ли остается просуществовать еще десять лѣтъ и что затѣмъ вся она сдѣлается добычею Россіи; поэтому онъ указывалъ на необходимость для Пруссіи и другихъ державъ не ограничиваться ролью праздныхъ зрителей, а участвовать въ раздѣлѣ Турціи [1]).

Не было недостатка въ поводахъ къ разрыву между Россіею и Турціею. Къ числу ихъ должно отнести, между прочимъ, набѣги лезгиновъ и другихъ кавказскихъ народовъ во владѣнія грузинскаго царя Ираклія, признавшаго (въ 1783 г.) надъ собою верховную власть Россіи. Ожидали, что Россія рано или поздно станетъ думать о покореніи всего Кавказа, гдѣ совершенно такъ-же, какъ въ Крыму, существовала рядомъ съ турецкой и русская партія. Порта поддерживала лезгиновъ, противниковъ вассала Россіи; распространеніе же русскаго вліянія на Кавказѣ считалось ударомъ, нанесеннымъ могуществу Порты. Далѣе, турки жаловались на вмѣшательство Россіи въ египетскія дѣла. Образъ дѣйствій русскихъ консуловъ, барона де-Толюса въ Александріи, Феріери въ Смирнѣ и др., казался опаснымъ Турціи. Думали иногда, что Россія желала при предстоявшемъ раздѣлѣ турецкихъ владѣній предложить Египетъ французамъ.

Тотчасъ же послѣ пріѣзда въ Россію, въ 1785 году, французскій дипломатъ Сегюръ неоднократно бесѣдовалъ съ Екатериною о турецкихъ дѣлахъ; императрица не разъ говорила о необходимости изгнанія турокъ изъ Европы [2]). Шутя она называла Сегюра, заступавшагося за турокъ, «Сегюръ-Эфенди» [3]). Французскіе офицеры заботились объ улучшеніи военной организаціи въ Турціи. На каждомъ шагу было замѣтно противодѣйствіе недоброжелателей Россіи. Трудно было опредѣлить мѣру опасности, грозившей Турціи со стороны Екатерины. Между тѣмъ, какъ Фридрихъ II утверждалъ, въ 1787 году, что осуществленіе проектовъ Екатерины окажется невозможнымъ [4]), султанъ въ манифестѣ къ своимъ подданнымъ умолялъ ихъ пожертвовать всѣмъ

---

[1]) Zinkeisen, VI, 513. О Булгаковѣ и его дѣйствіяхъ путемъ подкупа въ 1784 г. см. «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 452 — 453.

[2]) Ségur, II, 339.

[3]) Тамъ-же, II, 363.

[4]) Zinkeisen, VI, 541.

НУТЕШЕСТВІЕ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ КРЫМЪ ВЪ 1787 Г.

Видъ Керчи въ XVIII столѣтіи.

Съ гравюры того времени Саблина.

и употреблять всѣ силы для спасенія Турціи отъ грозившей ей со стороны Россіи опасности[1]).

Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ путешествіе Екатерины въ южную Россію произвело сильное волненіе. Во время этого путешествія на югѣ были сосредоточены многочисленные отряды конницы, пѣхоты, артиллеріи. Уже въ такомъ громадномъ скопленіи значительныхъ военныхъ силъ заключалась довольно внушительная демонстрація противъ Порты и ея защитниковъ[2]). Сегюръ считалъ нужнымъ сообщить о своихъ опасеніяхъ французскому посланнику въ Константинополѣ и постоянно говорилъ о необходимости привести въ надлежащее состояніе Очаковскую крѣпость и собрать на берегу Дуная войска въ количествѣ 150,000 человѣкъ[3]).

Изъ напечатанной въ послѣднее время переписки между Потемкинымъ и Булгаковымъ видно, какимъ образомъ отношенія между Россіею и Турціею въ это время становились все болѣе и болѣе натянутыми. Дипломаты западныхъ державъ въ Константинополѣ, Дицъ, Энсли (Ainslie) и Шуазёль-Гуфье, вооружали Порту противъ Россіи. Іосифъ II, не желавшій скорой войны, старался сдерживать воинственный пылъ императрицы. Когда, во время пребыванія царственныхъ путешественниковъ въ Херсонѣ, въ устьяхъ Днѣпра появилась турецкая эскадра, Екатерина сказала: «Вы видите, что турки забыли Чесменскую битву»[4]). Нассау-Зигенъ, показывая на картѣ положеніе турецкихъ кораблей, предложилъ императрицѣ напасть на нихъ; она ничего не отвѣчала, но, улыбаясь, оттолкнула карту[5]). «Вообразите себѣ,— говорилъ Сегюръ русскимъ министрамъ — что султанъ, окруженный своими сановниками, въ сопровожденіи могущественнаго союзника, съ громаднымъ флотомъ и 150,000 войскомъ явился въ Очаковѣ; можно ли было бы удивляться, если бы вы приняли нѣкоторыя мѣры предосторожности, привели бы въ оборонительное состояніе Херсонъ и думали бы о собраніи войскъ?» Въ бесѣдѣ съ императоромъ Іосифомъ, Сегюръ указывалъ на невозможность раздѣла Турціи уже потому, что Константинополь не

---

[1]) Herrmann, VI, 165.

[2]) Современныя брошюры, напр. «Lettre d'un voyageur à Mr. le baron de L. sur la guerre des Turcs», Philadelphie, 1788. Volney, «Considérations sur la guerre actuelle» etc.

[3]) Ségur, III, 92.

[4]) Тамъ-же, III, 145.

[5]) «Oeuvres du prince de Ligne», II, 17.

ПУТЕШЕСТВІЕ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ КРЫМЪ ВЪ 1787 Г.

Видъ Балаклавы въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ англійской гравюры прошлаго вѣка.

могъ бы не сдѣлаться яблокомъ раздора между державами, участвующими въ раздѣлѣ. Сегюръ просилъ императора дѣйствовать въ пользу сохраненія мира. Было не легко составить себѣ точное понятіе о видахъ Екатерины, такъ какъ развѣ только Потемкинъ и Безбородко знали о ея намѣреніяхъ. Безбородко увѣрялъ Сегюра, что Россія не желаетъ разрыва съ Турціею; въ то же самое время, однако, узнали, что Булгаковъ, возвратившійся въ Константинополь съ новыми инструкціями, обратился къ Портѣ съ новыми, усиленными требованіями [1]). Очевидно, объ этомъ не было сдѣлано офиціальнаго сообщенія иностраннымъ дипломатамъ въ Херсонѣ. Не даромъ князь Щербатовъ, рѣзко порицавшій образъ дѣйствій Екатерины и Потемкина, указывалъ на то, что объявленія Россіи о желаніи сохранить миръ не соотвѣтствовали ея безцеремонному обращенію съ Портою [2]).

15 (26) іюля, Рейсъ-Эфенди передалъ Булгакову ультиматумъ, въ которомъ Порта требовала: немедленнаго удаленія изъ Яссъ, Букареста и Александріи русскихъ консуловъ, старавшихся будто бы нарушить миръ между Россіей и Турціей, удаленія русскихъ войскъ изъ Тифлиса и Грузіи вообще, признанія царя Ираклія вассаломъ Порты, права подвергать тщательному осмотру всѣ русскіе корабли, выходящіе изъ Чернаго моря и пр. [3]).

Разрывъ становился неизбѣжнымъ. Только Россія, занятая приготовленіямъ къ войнѣ, желала отсрочить начало военныхъ дѣйствій [4]).

Въ засѣданіи Дивана 2 (13) августа было рѣшено объявить войну Россіи; 5 (16) Булгакова, приглашеннаго въ конференцію, осыпали упреками и прямо оттуда отправили въ Семибашенный замокъ. Порта требовала возвращенія Крыма и указывала на нарушеніе Россіею Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Главнымъ поводомъ къ войнѣ былъ Крымъ. Въ Россіи приписывали разрывъ преимущественно кознямъ англійскаго и прусскаго дипломатовъ въ Константинополѣ, причемъ упускали изъ виду, что сама Россія своимъ образомъ дѣйствій довела Турцію до крайняго раздраженія [5]).

Самымъ важнымъ дѣломъ для Екатерины въ эту минуту былъ вопросъ объ образѣ дѣйствій Іосифа II. Онъ рѣшился примкнуть

---

[1]) См. мою статью «Разрывъ между Турціею и Россіею въ 1787 г.» въ Журналѣ Министр. Нар. Просв. т. CLXVIII, отд. 2, стр. 147.

[2]) «Чтенія, Моск. Общ.», 1860, I, 77—80.

[3]) Herrmann, VI, 169.

[4]) См. письмо Безбородки къ Воронцову, въ «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 188.

[5]) Zinkeisen, VI, 628—629. «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 400, 530.

къ Россіи. Въ письмѣ къ Екатеринѣ отъ 30 августа (10 сентября) 1787 г. императоръ изъявилъ готовность исполнить свою обязанность въ качествѣ союзника Россіи. «Очень сожалѣю», сказано далѣе въ письмѣ императора, «что мы въ эту минуту не находимся въ Севастополѣ, откуда отправились-бы въ Константинополь привѣтствовать султана и его неразумныхъ совѣтниковъ пушечными выстрѣлами» [1]).

ПУТЕШЕСТВІЕ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ КРЫМЪ ВЪ 1787 Г.

Павильонъ въ Старомъ Крыму, гдѣ останавливалась Екатерина II.

Съ гравюры нынѣшняго столѣтія.

Въ продолженіе безъ малаго полувѣка не было войны между Австріею и Портою. Очевидно, Іосифъ надѣялся теперь на осуществленіе проекта раздѣла Турціи. Во время переговоровъ по этому поводу, Екатерина и Іосифъ не могли придти къ точно опредѣленному соглашенію. Теперь же счастье войны должно было рѣшить вопросъ объ удобоисполнимости проектовъ Россіи и Австріи вообще и о долѣ добычи каждаго въ особенности.

Ожиданія Екатерины и Іосифа не исполнились. Ихъ надежда на раздѣлъ Турціи оказалась тщетною.

---

[1]) Arneth, «Joseph II und Katharina», 299. Храповицкій, 2 сентября, 1787 г.

Война 1787 и 1788 г.

Въ минуту разрыва одинъ публицистъ писалъ: «Если турки останутся побѣдителями, они не пойдутъ въ Москву; за то русскіе, разбивъ турокъ въ двухъ сраженіяхъ, непремѣнно явятся въ Константинополѣ [1]).

Въ 1768 году, при объявленіи войны, Турція оказалась не достаточно приготовленною къ походу. То же самое повторилось и въ 1787 году. Впрочемъ и Россія не была готова къ немедленному открытію военныхъ дѣйствій. Іосифъ не безъ основанія, въ своихъ письмахъ къ фельдмаршалу Ласи, отзывался невыгодно о военной организаціи Россіи. Армія въ сущности была гораздо менѣе многочисленна, чѣмъ на бумагѣ; артиллерія находилась въ весьма неудовлетворительномъ состояніи; крѣпости были построены на-скоро, матросы оказались неопытными, флотъ былъ построенъ изъ плохого матеріала [2]).

Назначеніе главнокомандующаго представляло затрудненія; Потемкинъ соперничалъ съ Суворовымъ, Репнинъ съ Румянцевымъ. Алексѣй Орловъ не принялъ предложенія командовать флотомъ. Въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ князь Щербатовъ порицалъ образъ дѣйствій правительства, съ одной стороны своею заносчивостью заставившаго Турцію объявить войну, съ другой— не достаточно приготовленнаго къ открытію военныхъ дѣйствій [3]).

Было замѣтно нѣкоторое безпокойство императрицы въ это время. Принцъ де-Линь говоритъ, что она сильно безпокоилась, показывая, впрочемъ, видъ, что не сомнѣвается въ успѣхѣ [4]). 2 сентября, Храповицкій занесъ въ свой дневникъ выраженіе Екатерины. «Нельзя себя обольщать надеждою, но, кажется, Богъ поможетъ хорошо дѣло кончить». 12-го сентября, императрица подписала манифестъ о войнѣ. «Плакали», пишетъ Храповицкій въ этотъ день о Екатеринѣ.

Въ продоженіе тринадцати лѣтъ Екатерина привыкла обо всемъ совѣтоваться съ Потемкинымъ. Теперь же его не было въ столицѣ, такъ какъ онъ былъ занятъ приготовленіями къ походу на югѣ, къ тому же онъ писалъ къ императрицѣ рѣдко и самъ

---

[1]) Volney, «Considérations sur les causes de la guerre actuelle etc».
[2]) Arneth, 353 и слѣд.
[3]) «Чтенія», 1860, I, 78—80.
[4]) «Oeuvres du prince de Ligne», II, 233, III, 21.

ПУТЕШЕСТВІЕ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ КРЫМЪ ВЪ 1787 Г.

Видъ Ѳеодосіи въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ гравюры того времени Химеля.

не былъ въ бодромъ и смѣломъ расположеніи духа. Впрочемъ, Екатерина ожидала успѣха, особенно разсчитывая въ ближайшемъ будущемъ на взятіе Очакова [1]).

Вскорѣ узнали, что турки собирались атаковать Кинбурнскую крѣпость. Зная, что Потемкинъ сильно безпокоился, императрица писала ему: «Дай Боже его (Кинбурна) не потерять, ибо всякая потеря непріятна; но положимъ такъ, то для того не унывать, а стараться отмстить и брать реваншъ; имперія останется имперія и безъ Кинбурна; того ли мы брали и потеряли?» и пр. Между тѣмъ какъ Потемкинъ совсѣмъ падалъ духомъ и не вѣрилъ даже въ возможность отстоять Кинбурнскую крѣпость, въ Петербургѣ ходили слухи о необыкновенно успѣшномъ ходѣ военныхъ дѣйствій, о рѣшительномъ наступленіи русскихъ войскъ [2]).

Нападеніе турокъ на Кинбурнъ было отбито. 1 (12) октября, у самыхъ стѣнъ крѣпости, происходило сраженіе, въ которомъ Суворовъ одержалъ верхъ надъ турками, потерявшими нѣсколько тысячъ человѣкъ. Самъ полководецъ выказалъ въ этомъ сраженіи необычайную храбрость и дважды раненый не оставлялъ поля битвы.

Екатерина за нѣсколько дней до этого событія всячески старалась ободрить Потемкина. Она писала ему между прочимъ: «Укрѣпи твой умъ и душу противъ всѣхъ затрудненій и будь увѣренъ, что ты побѣдишь ихъ съ нѣкоторымъ терпѣніемъ; но эта настоящая слабость, чтобъ, какъ ты пишешь ко мнѣ, снизложить свои достоинства и скрыться» и пр.[3]).

Узнавъ объ успѣхѣ русскаго оружія при Кинбурнѣ, Екатерина писала Потемкину: «Важность сего дѣла въ нынѣшнее время довольно понимательна, но думаю, что той стороны не можно почитать за обезпеченную, дондеже Очаковъ не будетъ въ нашихъ рукахъ... Дай Боже, чтобы вооруженіе на Лиманѣ имѣло бы полный успѣхъ» и пр.[4]). Чѣмъ менѣе Екатерина ожидала столь радостныхъ извѣстій, тѣмъ болѣе она теперь надѣялась на дальнѣйшіе успѣхи; многимъ лицамъ она разсказывала подробности кинбурнскаго сраженія [5]). Кинбурнъ имѣлъ весьма

---

[1]) Зап. Гарновскаго въ «Русской Старинѣ» XV, 247, 260, 263.
[2]) Соловьевъ, «Паденіе Польши», 173 и 174.
[3]) «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 429.
[4]) Тамъ-же, XXVII, 438.
[5]) Гарновскій, въ «Рус. Стар.», XV, 472.

важное значеніе для Крымскаго полуострова, который, черезъ потерю этой крѣпости, подвергся бы серьезной опасности [1]).

Вскорѣ, однако, были получены неутѣшительныя извѣстія. Страшная буря на Черномъ морѣ нанесла чувствительный вредъ русскому флоту; одинъ фрегатъ былъ поглощенъ волнами, другой былъ увлеченъ теченіемъ въ Босфоръ, гдѣ вынужденъ былъ сдаться туркамъ; прочія суда сильно пострадали, потерявъ мачты и пр.[2]).

Потемкинъ сообщилъ о случившемся императрицѣ, преувеличивая въ отчаяніи размѣры вреда, нанесеннаго флоту. «Флотъ севастопольскій разбитъ бурею», доносилъ онъ, «остатокъ его въ Севастополѣ, все малыя и ненадежныя суда, и лучше сказать не употребительныя, корабли и большіе фрегаты пропали. Богъ бьетъ, а не турки». Опять императрицѣ приходилось утѣшать князя: «Молю Бога», писала она, «чтобы тебѣ далъ силы и здоровья и унялъ ипохондрію... не унывай и береги свои силы. Проклятое оборонительное состояніе, я его не люблю. Старайся поскорѣе оборотить въ наступательное: тогда тебѣ да и всѣмъ легче будетъ» и пр. Екатерина знала обо всемъ, слѣдила за всѣми частностями военной организаціи. Изъ ея писемъ къ Потемкину видно, въ какой мѣрѣ она превосходила князя силою воли, твердостью и рѣшимостью, умомъ и душею.

Потемкинъ не переставалъ унывать и даже сдѣлалъ предложеніе очистить Крымскій полуостровъ. Екатерина въ крайнемъ удивленіи писала ему: «А вотъ какъ я о семъ сужу: что ты нетерпѣливъ какъ пятилѣтній ребенокъ, между тѣмъ, какъ дѣла, порученныя тебѣ въ сіе время, требуютъ непоколебимаго терпѣнія... Пишешь ты о выводѣ войскъ изъ полуострова... чрезъ это туркамъ и татарамъ открылася бы паки дорога такъ сказать въ сердце имперіи, ибо на степи едва ли удобно концентрировать оборону; въ прошедшія времена мы занимали Крымъ, чтобъ укратить оборону, а теперь Крымъ въ нашихъ рукахъ» и пр. Далѣе Екатерина писала по поводу этого же предложенія Потемкина: «Что же будетъ и куда дѣвать флотъ Севастопольскій?.. Прошу ободриться и подумать, что бодрый духъ и неудачу покрыть можетъ. Все сіе пишу къ тебѣ, какъ лучшему другу, воспитаннику моему и ученику, который иногда и болѣе еще имѣетъ располо-

---

[1]) Zinkeisen, VI, 638.

[2]) Самойловъ въ «Р. Арх.» 1867, 1239. «Ист. Черноморск. флота», 268, и 269.

женій, нежели я сама; но на сей случай я бодрѣе тебя, понеже ты боленъ, а я здорова», и т. д. [1]).

Въ слѣдующее затѣмъ время Екатерина порою была недовольна Потемкинымъ, оставлявшимъ ее безъ извѣстій по цѣлымъ недѣлямъ. Впрочемъ, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не происходило важныхъ военныхъ дѣйствій. По временамъ и Екатерина унывала, такъ что Потемкинъ, въ свою очередь, долженъ былъ

ПУТЕШЕСТВІЕ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ КРЫМЪ ВЪ 1787 Г.

Медаль, выбитая въ честь Потемкина послѣ путешествія.

Лицевая сторона, съ портретомъ Потемкина.

утѣшать ее. Оказалось, что армія Румянцева въ Бессарабіи находилась въ плачевномъ состояніи. Принцъ де-Линь, бывшій въ лагерѣ Потемкина, удивлялся медленности военныхъ дѣйствій и доносилъ императору Іосифу и князю Кауницу о неудовлетворительномъ состояніи русскаго войска, о недостаткѣ въ припасахъ и снарядахъ, о нерѣшительности Потемкина [2]).

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 433 и слѣд.

[2]) «Oeuvres du prince de Ligne», Paris, 1860 II, 58—61.

Очевидно, Потемкинъ не составилъ заблаговременно точнаго плана дѣйствій. Приходилось посылать изъ Петербурга подробныя инструкціи для военныхъ операцій. Весною 1788 года, Потемкинъ повторилъ свое прежнее предложеніе, о выводѣ войскъ изъ Крыма. Екатерина писала ему: «На оставленіе Крыма, воля твоя, согласиться не могу; объ немъ идетъ война и если сіе гнѣздо оставить, тогда и Севастополь и всѣ труды и заведенія пропа-

ПУТЕШЕСТВІЕ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ КРЫМЪ ВЪ 1787 Г.

Медаль, выбитая въ честь Потемкина послѣ путешествія.

Обратная сторона, съ картою Южной Россіи.

дутъ и паки возстановятся набѣги татарскіе на внутреннія провинціи; кавказскій корпусъ отъ тебя отрѣзанъ будетъ, и мы въ завоеваніи Тавриды паки упражнены будемъ и не будемъ знать, куда дѣвать военныя суда, какъ ни во Днѣпрѣ, ни въ Азовскомъ морѣ не будемъ имѣть убѣжища; ради Бога, не пущайся на сіи мысли, кои мнѣ понять трудно, и мнѣ кажутся неудобными, понеже лишаютъ насъ многихъ пріобрѣтенныхъ миромъ и вой-

ною выгодъ и пользы. Когда кто сидитъ на конѣ, тогда сойдетъ ли съ онаго, чтобъ держаться за хвостъ?» [1]).

При всемъ томъ императрица не теряла довѣрія къ способностямъ и рвенію Потемкина и при случаѣ защищала его противъ нападокъ недоброжелателей. Впрочемъ, даже принцъ де-Линь, вообще недовольный медленностью операцій русскихъ войскъ, хвалилъ таланты и дѣятельность Потемкина. Созданный имъ флотъ два раза успѣлъ разбить въ Очаковскомъ лиманѣ турецкую эскадру (7 и 17 іюня). Эти событія произвели нѣкоторое впечатлѣніе. Екатерина была чрезвычайно обрадована извѣстіемъ объ этихъ побѣдахъ, и писала Потемкину: «Хорошо посмѣется тотъ, кто посмѣется послѣднимъ; справедливость, право и истина на нашей сторонѣ» [2]). Чѣмъ болѣе императрица въ это время была озабочена начавшеюся войною со Швеціею, тѣмъ сильнѣе на нее подѣйствовала вѣсть о торжествѣ русскаго флота надъ турецкимъ.

Осада Очакова началась не раньше какъ въ концѣ іюля и продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ. Война затянулась. Русскіе и австрійцы упрекали другъ друга въ медленности. Іосифъ II былъ сильно озабоченъ неудачею своего оружія и не надѣялся на осуществленіе плана раздѣла Турціи [3]).

Суворовъ, принцъ де-Линь и другія лица порицали образъ дѣйствій Потемкина, руководившаго осадою Очакова. Трудно судить о мѣрѣ справедливости такихъ упрековъ. Потемкинъ, въ свою очередь, былъ недоволенъ Суворовымъ, готовымъ отъ чрезмѣрной смѣлости жертвовать множествомъ людей при безплодныхъ наступательныхъ дѣйствіяхъ. Какъ бы то ни было, при осадѣ Очакова не было единства стратегической мысли, недоставало настоящаго довѣрія къ главнокомандующему. Суворовъ, раненый нѣсколько разъ, оставилъ лагерь и не участвовалъ въ чрезвычайно кровопролитномъ штурмѣ крѣпости, взятой наконецъ послѣ страшнаго напряженія силъ 6 (17) декабря 1788 г. [4]).

Екатерина неоднократно выражала желаніе, чтобы полководцы по возможности щадили жизнь солдатъ. Быть можетъ, Потемкинъ, откладывая рѣшительный ударъ, руководствовался отчасти этимъ соображеніемъ. Однако же, при взятіи Очакова погибло множество народа.

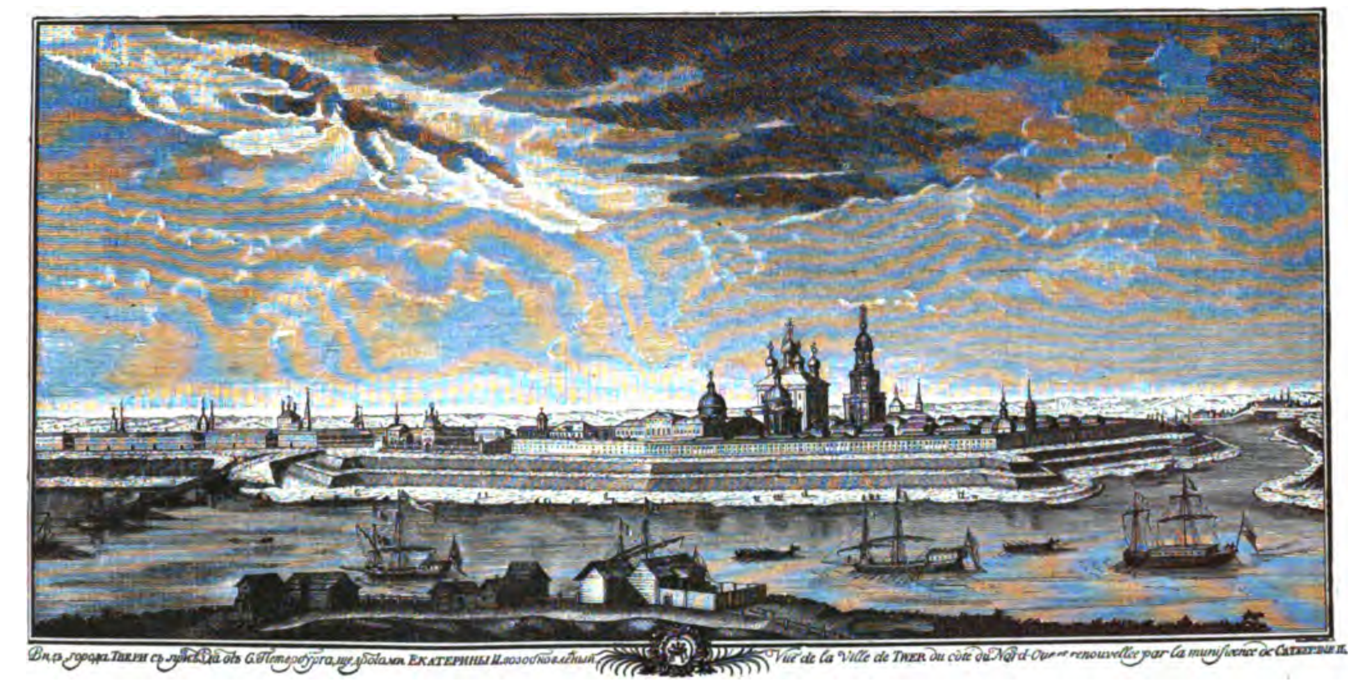
---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 491.

[2]) Тамъ-же, XXVII, 503.

[3]) Ranke, XXXI, 326. Екатерина насмѣхалась надъ австрійцами; см. «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 476, 478, 524.

[4]) См. подробности этого событія въ моей статьѣ, въ «Журналѣ Министерства Нар. Просв.», т. CLXVIII, отд. II.

ПУТЕШЕСТВІЕ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ КРЫМЪ ВЪ 1787 Г.

Видъ Твери въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ гравюры прошлаго вѣка Саблина.

Достигнувъ, наконецъ, желанной цѣли, Потемкинъ оправдалъ довѣріе Екатерины, не даромъ разсчитывавшей на способности и энергію князя. Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль она находилась въ волненіи, ожидая ежеминутно извѣстія о взятіи крѣпости. Она даже хворала въ это время и, получивъ радостное извѣстіе, сказала, что оно вылечило ее отъ болѣзни, прибавляя къ тому, что Очаковъ навсегда останется достояніемъ Россіи [1]). Іосифъ, искренно обрадованный этимъ событіемъ, поздравилъ императрицу. Французскій дворъ казался чрезвычайно недовольнымъ при полученіи извѣстія о взятіи Очакова, зато даже прусскій король, Фридрихъ Вильгельмъ II, признавалъ доблесть русскаго вой-

ПУТЕШЕСТВІЕ ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ КРЫМЪ ВЪ 1787 Г.

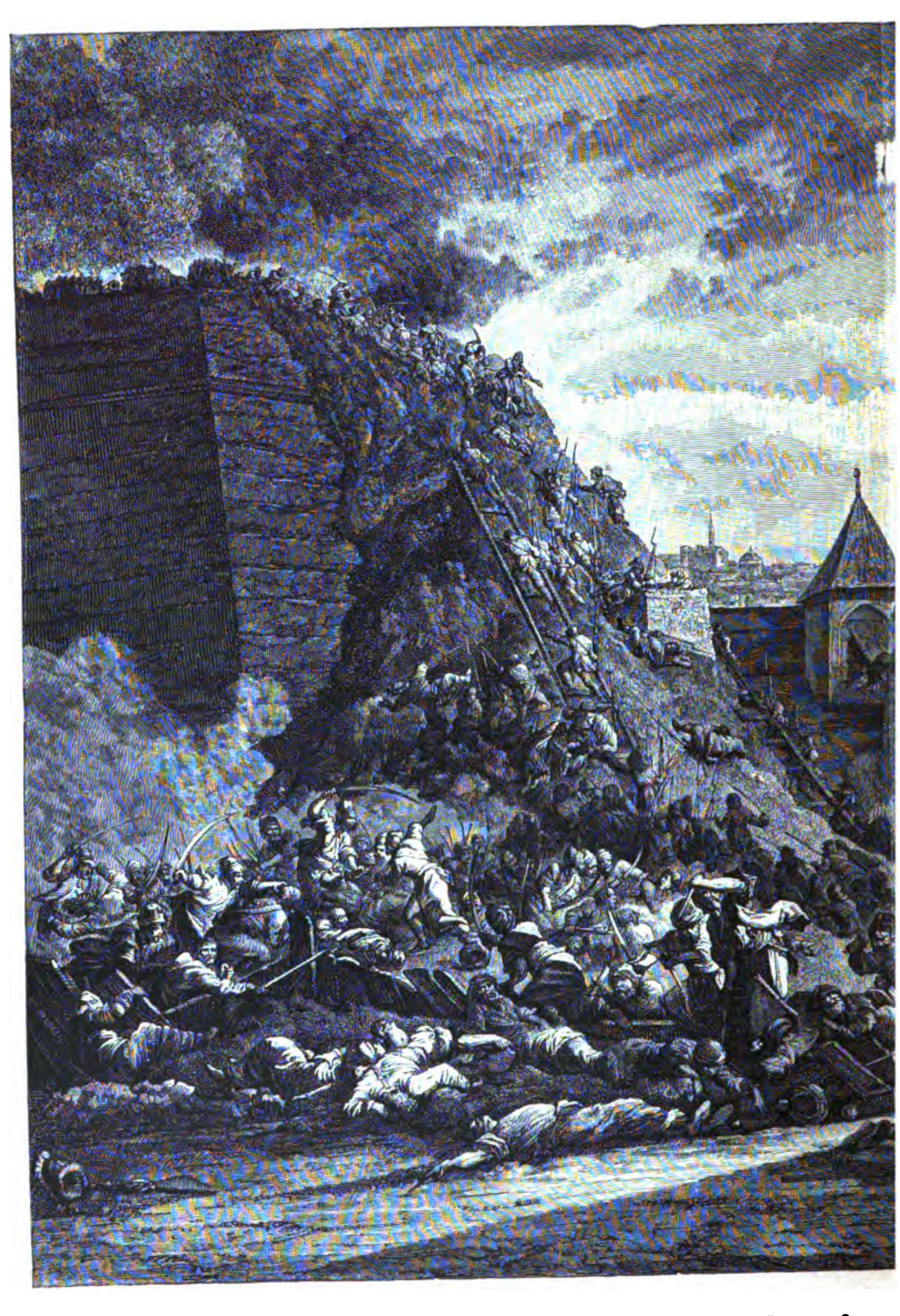
Медаль, выбитая въ память путешествія.

Съ гравюры того времени Крюгера.

ска, говоря о взятіи Очакова, какъ о «grande nouvelle», что очень понравилось Екатеринѣ [2]). Въ Вѣнѣ говорили: «Русскій флотъ изъ Очакова въ два дня можетъ приплыть въ Дарданеллы» [3]). Въ минуту взятія Очакова французскій посланникъ въ Константинополѣ былъ занятъ составленіемъ плана о спасеніи крѣпости и дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ противъ русскаго войска. Булгаковъ писалъ Потемкину: «Взятіе Очакова привело здѣсь не только турокъ вообще, но и извѣстныхъ нашихъ враговъ и зависистниковъ въ крайнюю робость. Султанъ, совѣтъ, большія бороды — плачутъ; всѣ желаютъ мира» и пр. [4]).

---

[1]) Храповицкій, 5 января 1789 г.
[2]) Тамъ-же, 4 января 1789 г. Arneth, 325. Ségur, III, 417.
[3]) «Спб. Петерб. Вѣд.», 1789 г., стр. 100.
[4]) «Русскій Архивъ», 1866, стр. 1587.

Взятіе крѣпости Очако

Съ гравюры прошлаго столѣтія Барча, сдѣланно

ıа 6 Декабря 1788 года.

съ картины Казанова, заказанной Екатериной II.

Видъ города Очакова въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ гравюры прошлаго вѣка Бейсона.

Успѣхъ русскаго оружія оживилъ надежды южныхъ славянъ, зорко слѣдившихъ за подвигами Россіи; въ разныхъ пѣсняхъ они восхваляли Потемкина, Румянцева и пр.[1]). Славянскіе народы и греки помышляли о свободѣ.

Въ продолженіе всего этого времени Екатерина мечтала о нанесеніи страшнаго удара Турціи съ противоположной стороны. Уже въ началѣ войны возникъ планъ нападенія на Турцію со стороны Средиземнаго моря, сходный съ тѣмъ, который въ 1770 году доставилъ Россіи значительныя выгоды. Нельзя было не вспомнить при этомъ случаѣ Чесменской битвы и попытки вооружить подданныхъ Порты противъ ихъ правительства [2]).

Уже осенью 1787 года были приняты нѣкоторыя мѣры для подготовленія экспедиціи въ Средиземное море. Начальникомъ флота былъ назначенъ адмиралъ Грейгъ. Императрица сказала, что на этотъ разъ экспедиція окажется лучше приготовленной и будетъ снабжена бо̀льшими средствами, чѣмъ въ 1769 году. И теперь, какъ во время первой турецкой войны, Россія разсчитывала на религіозныя и національныя чувства Балканскихъ христіанъ. Не даромъ Екатерина въ перепискѣ съ Іосифомъ II называла себя главою православной церкви. Желая возбудить въ грекахъ и южныхъ славянахъ сочувствіе къ Россіи, Екатерина входила во всѣ подробности приготовленій къ экспедиціи, переписывалась съ архіереями о священникахъ, которые должны были сопровождать экспедицію, объ иконахъ, сосудахъ, колоколахъ и приборахъ для богослуженія, которые на нѣсколькихъ транспортныхъ судахъ назначено было отправить къ берегамъ турецкой имперіи [3]).

Русское правительство предполагало затѣмъ распредѣлить между православными подданными Порты значительные запасы оружія, причемъ разсчитывало особенно на измѣну грековъ, служившихъ въ турецкомъ флотѣ. Благодаря этому, Екатерина надѣялась завладѣть турецкими кораблями [4]). Назначено было большое число агентовъ и эмиссаровъ, которые со стороны Италіи должны были дѣйствовать на православное населеніе Балканскаго полуострова.

---

[1]) Изд. Григоровичемъ въ его статьѣ «Значеніе взаимности славянской въ русскомъ спорѣ о старинѣ и преобразованіяхъ», въ V томѣ «Записокъ Новор. Университета».

[2]) См. мою статью «Russlands Politik im Mitteldmeer 1788 und 1789» въ журналѣ «Historische Zeitschrift», XXVI, 85—115.

[3]) «Русскій Архивъ», 1869, 1580—86.

[4]) Храповицкій, 22 мая 1788.

Князь Г. А. Потемкинъ-Таврическій.

Съ гравированнаго портрета Харитонова.

Послѣ того какъ Алексѣй Орловъ не согласился сдѣлаться начальникомъ экспедиціи, императрица назначила на эту должность генералъ-лейтенанта Заборовскаго, отличившагося во время первой турецкой войны. Составленная для него инструкція даетъ намъ точное понятіе о размѣрахъ и характерѣ экспедиціи. Изъ этого документа видно, какъ велико было число эмиссаровъ, дѣйствовавшихъ въ Италіи и на Балканскомъ полуостровѣ. Во множествѣ экземпляровъ хотѣли вдругъ распространить манифесты, въ которыхъ православные христіане на балканскомъ полуостровѣ призывались къ возстанію [1]).

Между тѣмъ, какъ флотъ подъ предводительствомъ Грейга долженъ былъ отправиться въ Средиземное море кругомъ Европы, Заборовскій сухимъ путемъ поѣхалъ прямо во Флоренцію, откуда долженъ былъ руководить возстаніемъ на Балканскомъ полуостровѣ. Предпріятіе, задуманное въ большихъ размѣрахъ, могло сдѣлаться чрезвычайно опаснымъ для Порты.

Однако, осуществленіе экспедиціи оказалось невозможнымъ. Предпріятіе 1769—70 годовъ состоялось, благодаря тому обстоятельству, что Англія не препятствовала появленію русскаго флота въ Архипелагѣ. Протесты Франціи тогда не имѣли значенія. Спрашивалось теперь: какъ станутъ смотрѣть западныя державы на новую русскую экспедицію, о которой заговорили во всей Европѣ.

Оказалось, что Россія на этотъ разъ не могла разсчитывать на равнодушіе или на согласіе англійскаго правительства. Англія, напротивъ, черезъ своего посланника въ Константинополѣ содѣйствовала разрыву между Портою и Россіею. Сближеніе между Франціею и Россіею, имѣвшее слѣдствіемъ заключеніе въ 1786 году торговаго договора между обѣими державами, сильно не понравилось Англіи. Не даромъ Екатерина, задумывая экспедицію, разсчитывала скорѣе на Францію, чѣмъ на Англію. Въ ноябрѣ 1787 года, она писала Потемкину: «Когда мои двадцать кораблей пройдутъ Гибралтарскій проливъ, тогда признаюсь, чтобы полезно быть могло, чтобъ авангардъ его была эскадра французская, и аріергардъ той же націи, а наши корабли составляли корпъ-дарме... за сію услугу французамъ бы дать можно участіе въ Египтѣ, а англичане намъ въ семъ не подмогутъ» и пр. [2]).

Вообще съ разныхъ сторонъ появились затрудненія. Въ одной политической брошюрѣ былъ поднятъ вопросъ, не обязанъ ли

[1]) Инструкція напечатана въ «Русскомъ Архивѣ» 1866 г., стр. 1873 — 94. Манифестъ въ соч. Скаловскаго, «Жизнь Ушакова». Спб., 1858, 79—80.

[2]) Соловьевъ, «Паденіе Польши», 160.

„Руина“, воздвигнутая въ память взятія Очакова, и „Орловскія ворота“ въ Царскомъ Селѣ.

Съ акварели Щедрина 1791 года. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

испанскій дворъ, въ силу договоровъ, препятствовать проходу въ Средиземное море флота, назначеннаго для нападенія на Польшу [1]). Когда Россія хотѣла въ Англіи нанять транспортныя суда для экспедиціи, англійскій кабинетъ на отрѣзъ отказалъ разрѣшить англійскимъ подданнымъ заключеніе такихъ сдѣлокъ съ русскимъ правительствомъ. Въ англійскихъ газетахъ явилось строгое предупрежденіе всѣмъ англичанамъ вступать въ русскую службу въ качествѣ матросовъ.

Екатерина была раздражена такимъ образомъ дѣйствій Англіи и въ сильныхъ выраженіяхъ осуждала коварство англійскаго правительства. Она собственноручно составила черновую рѣзкой дипломатической ноты, въ которой хотѣла образумить Англію; министры не безъ труда убѣдили ее въ необходимости менѣе рѣзкой редакціи [2]).

Екатерина должна была искать другихъ способовъ для найма транспортныхъ судовъ. Въ Пруссіи и Голландіи встрѣтились затрудненія; за то можно было разсчитывать на Данію [3]). Въ апрѣлѣ 1788 года, въ Петербургѣ былъ полученъ запросъ Франціи: намѣрена ли Россія отправить экспедицію въ Средиземное море; къ этому было прибавлено, во первыхъ, замѣчаніе, что такое предпріятіе свидѣтельствовало-бы о желаніи Россіи расширить свои предѣлы въ ущербъ Портѣ, во вторыхъ — предложено посредничество для возстановленія мира между Турціею и Россіею. Все это произвело въ Петербургѣ самое неблагопріятное впечатлѣніе. Екатерина объяснила дѣйствія Франціи коварными внушеніями прусскаго двора [4]).

Переговоры объ экспедиціи въ Средиземное море прекратились. Явилось новое препятствіе, положившее конецъ проектамъ Россіи нанести ударъ Турціи со стороны Средиземнаго моря и Архипелага. Приходилось употребить флотъ для борьбы противъ другого противника, то была Швеція.

---

[1]) Volney, «Considérations sur la guerre actuelle, 55, и возраженіе Пейссонеля, стр. 110.
[2]) См. подробности въ «Дневникѣ» Храповицкаго, 30 марта и 4 апрѣля 1788 г.
[3]) Ségur, Mémoires, III, 352.
[4]) Дневникъ Храповицкаго 17 апрѣля 1788 г.

ГЛАВА VII.

Война съ Швеціею.

Не только упадокъ Польши оказался удобнымъ средствомъ для усиленія могущества Россіи, но и внутреннее разстройство шведскаго государства содѣйствовало развитію ея силы и значенія въ Европѣ. Въ Швеціи, какъ и въ Польшѣ, сословныя привилегіи породили борьбу между королевскою властью и дворянствомъ, въ которую вмѣшивались другія державы. Въ Швеціи, какъ и въ Польшѣ, реформы въ области государственнаго права въ пользу монархической власти могли положить конецъ вліянію Россіи на дѣла сосѣдняго государства. Благодаря перевѣсу Пруссіи и Россіи, реформы такого рода оказались невозможными въ Польшѣ; въ Швеціи, напротивъ, королю Густаву III удалось ограничить власть привилегированныхъ сословій, и тѣмъ самымъ спасти государство отъ той опасности, которая повела къ раздѣламъ Польши. Въ этомъ подвигѣ заключается значеніе царствованія короля Густава III. Государственный переворотъ, совершившійся въ началѣ этого царствованія, служилъ оборонительною мѣрою въ борьбѣ противъ перевѣса могущественнаго сосѣда.

Густавъ III не хотѣлъ, однако, довольствоваться обороною и мечталъ о расширеніи предѣловъ Швеціи, о возвращеніи ей потерянныхъ въ предыдущія царствованія провинцій. Вслѣдствіе

этого, столкновеніе между Швеціею и Россіею сдѣлалось неизбѣжнымъ. Театромъ войны служила Финляндія, неоднократно бывшая яблокомъ раздора въ борьбѣ между Россіею и Швеціею.

Завоеваніе Финляндіи началось при Петрѣ Великомъ и продолжалось при Елизаветѣ Петровнѣ. Надѣясь возвратить себѣ провинціи, уступленныя Россіи въ силу Ништадтскаго мира, Швеція потеряла значительную часть Финляндіи, до рѣки Кюмене (1743).

Миръ, заключенный между Россіею и Швеціею въ 1743 году, былъ лишь перемиріемъ. Густавъ III возобновилъ борьбу въ надеждѣ, если не возвратить себѣ всѣ области, занятыя Петромъ, то по крайней мѣрѣ отвоевать Финляндію. Король не могъ достигнуть желанной цѣли. Рѣка Кюмене оставалась границею, отдѣлявшею шведскую половину Финляндіи отъ русской. Тѣмъ самымъ не прекратились стремленія обѣихъ державъ соединить всю Финляндію въ одно цѣлое. Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ въ пользу Россіи въ царствованіе внука Екатерины.

Послѣ кончины Карла XII, Швеція, все еще называясь монархіею, въ сущности была республикою. Во всѣхъ отношеніяхъ шведскіе короли находились въ полной зависимости отъ дворянства. Депутаты шведскихъ сеймовъ, не менѣе польскихъ, оказались продажными, доступными внушеніямъ иностранныхъ державъ. Французскія и русскія деньги играли весьма важную роль при рѣшеніи дѣлъ на сеймахъ.

Тотчасъ же послѣ своего воцаренія, Екатерина позаботилась о томъ, чтобы въ Швеціи сохранялось неподвижно прежнее ограниченіе монархической власти [1]). Далѣе приходилось бороться противъ вліянія Франціи на шведскихъ вельможъ, именно потому, что Франція стремилась къ усиленію монархической власти въ Швеціи [2]). Русскій посланникъ въ Стокгольмѣ, графъ Остерманъ, въ 1766 году, узналъ о заговорѣ королевской партіи, направленномъ противъ приверженцевъ сословныхъ привилегій; въ немъ играла важную роль королева, сестра Фридриха Великаго [3]). Русское правительство тратило значительныя суммы денегъ для того, чтобы противодѣйствовать такимъ попыткамъ политической реформы въ Швеціи. При этомъ Екатерина указывала иногда на

[1]) Соловьевъ, XXV, 204.
[2]) Тамъ-же, XXV, 348; XXVI, 97 и слѣд.
[3]) См. жалобы Екатерины въ письмѣ къ Фридриху въ «Сб. Ист. Общ.», XX, 219.

Phototypie Gaillard, Berlin.

Густавъ III, король шведскій.

Съ гравированнаго портрета Гоше, 1773 года.

то обстоятельство, что не только Россія, но и Пруссія въ свое время гарантировала сохраненіе въ неизмѣнномъ видѣ шведской конституціи. Все болѣе и болѣе ясно обнаруживалось желаніе Франціи содѣйствовать перевороту въ Швеціи, гдѣ начали говорить о необходимости освобожденія отъ «русскаго ига»[1]). Не безъ раздраженія жаловалась въ это время Екатерина на образъ дѣйствій королевской четы, находившейся въ нѣкоторомъ разладѣ съ русскимъ посланникомъ[2]).

Во время первой турецкой войны Швеція легко могла сдѣлаться опасною Россіи. Франція силилась устроить тѣсный союзъ между Портою и Швеціею. Одновременно, Густавъ, бывшій въ то время наслѣдникомъ, началъ дѣйствовать въ пользу усиленія королевской власти, такъ что русское правительство для того, чтобы успѣшнѣе противодѣйствовать этому намѣренію, должно было опять отправить въ Швецію чрезвычайно значительныя денежныя средства[3]).

Понятно, что вступленіе на престолъ Густава III (въ февралѣ 1771 года) сильно безпокоило Екатерину[4]). Можно было предвидѣть рѣшительную перемѣну въ государственномъ строѣ Швеціи, причемъ едва ли можно было надѣяться на секретный параграфъ прусско-русскаго договора 1769 года, въ силу котораго обѣ державы гарантировали другъ другу сохраненіе въ неизмѣнномъ видѣ государственнаго права Швеціи[5]). Остерманъ изъ Стокгольма послалъ въ Петербургъ нарочнаго курьера съ требованіемъ новой присылки денегъ, объявляя, что у него осталось не болѣе 9.000 рублей. Екатерина написала Панину: «Лучше дать денегъ, нежели видѣть въ Швеціи самодержавство и съ нимъ войну посредствомъ французскихъ денегъ и интригъ: итакъ, старайтесь, чтобы Остерманъ снабженъ былъ нужнымъ и въ пору». Это нужное состояло въ 337.900 рубляхъ[6]). Въ то же самое время, когда король Густавъ III говорилъ о своемъ намѣреніи посѣтить Екатерину въ Петербургѣ, имъ было приготовлено все

---

[1]) Соловьевъ, XXVII, 203—217, 271, 316—318.

[2]) «Сб. Ист. Общ.», X, 208.

[3]) Соловьевъ, XXVIII, 97—102. «Р. Арх.», 1882, I, 88. «Сб. Ист. Общ.», XX, 253, 257, 260.

[4]) Екатерина и Густавъ были родственники: отецъ Густава, Адольфъ Фридрихъ, былъ братомъ матери Екатерины.

[5]) См. письма Екатерины къ Панину и Вольтеру, въ «Сб. Ист. Общ.», XIII, 77 и 82.

[6]) Соловьевъ, XXVIII, 315.

для совершенія переворота въ Швеціи [1]). Происходили по этому предмету тайныя бесѣды между королемъ и Верженномъ.

Еще въ то время, когда онъ былъ лишь наслѣднымъ принцемъ, Густавъ находился подъ вліяніемъ французскихъ государственныхъ людей, наставлявшихъ его, какимъ образомъ можно было со временемъ измѣнить государственный строй Швеціи. Безъ денежныхъ средствъ, предоставленныхъ ему Франціею, король не имѣлъ бы возможности приступить къ дѣлу освобожденія монархической власти отъ опеки аристократическаго элемента [2]).

Наканунѣ государственнаго переворота въ Швеціи, Екатерина писала къ г-жѣ Бьельке: «Сердце говоритъ мнѣ, что вашъ любезный шведскій король и его милая маменька не сдѣлаютъ ничего путнаго» [3]). Узнавъ о совершившейся перемѣнѣ, она писала: «Я нахожу, что молодой шведскій король не придаетъ большого значенія самымъ торжественнымъ клятвамъ и увѣреніямъ, которыя онъ высказываетъ. За день до революціи онъ объявилъ бунтовщикомъ и виновнымъ христіанштадтскій гарнизонъ, а на другой день принялъ ея сторону. Никогда законы ни въ какой странѣ не были такъ нарушаемы, какъ въ Швеціи при этомъ случаѣ, и я вамъ ручаюсь, что этотъ король такой же деспотъ, какъ сосѣдъ мой, султанъ: ничто не удерживаетъ его». Немного спустя, Екатерина насмѣхалась надъ страстью къ завоеваніямъ Густава, высказывая предположеніе, что король сдѣлаетъ нападеніе на Норвегію [4]). Русское правительство считало нужнымъ отправить нѣсколько полковъ къ границѣ Финляндіи. Возникла мысль о наступательной войнѣ противъ Швеціи, однако осуществленіе ея оказалось невозможнымъ, потому что въ это же время, при необходимости продолженія турецкой войны, нужно было сосредоточивать всѣ силы и средства для достиженія выгоднаго мира съ Портою [5]).

Во всякомъ случаѣ, при разрывѣ со Швеціею, Россія могла разсчитывать на содѣйствіе тѣхъ элементовъ шведскаго общества, которые были недовольны перемѣною, совершившеюся въ Швеціи. Въ первые годы царствованія Густава постоянно возобновлялись слухи о неминуемо предстоявшемъ разрывѣ между Шве-

---

[1]) Соловьевъ, XXVIII, 391 и слѣд.

[2]) Geffroy, «Gustave III et la cour de France» въ Revue des deux mondes, 1865. LIX, 352.

[3]) «Сб. Ист. Общ.», XIII, 262.

[4]) Тамъ-же, XIII, 265, 286.

[5]) Соловьевъ, XXVIII, 395 — 403.

Густавъ III, король шведскій.

Съ гравированнаго портрета Калашникова 1777 г., сдѣланнаго по случаю пріѣзда Густава III, подъ именемъ графа Готландскаго, въ Россію. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

ціею и Россіею. Въ то же самое время, однако, король не переставалъ говорить о своемъ намѣреніи отправиться въ Петербургъ для личнаго свиданія съ императрицею. Въ разговорѣ съ русскимъ посланникомъ Стахіевымъ, смѣнившимъ Остермана, король замѣтилъ, что надѣется своимъ посѣщеніемъ устранить то неблагопріятное мнѣніе, которое, благодаря внушеніямъ недоброжелателей, о немъ составила себѣ императрица. Впрочемъ, вскорѣ узнали, что Франція всячески старалась препятствовать поѣздкѣ Густава III въ Россію [1]).

Екатерина писала къ г-жѣ Бьельке: «Если онъ (Густавъ III) пріѣдетъ ко мнѣ въ гости, то по неравенству нашихъ лѣтъ я предвижу, что онъ будетъ страшно скучать со мною. Кромѣ того онъ французъ съ ногъ до головы» и пр. [2]). Къ тому же Екатерина была недовольна пріемомъ, оказаннымъ Стахіеву въ Стокгольмѣ, и вообще весьма рѣзко отзывалась объ образѣ дѣйствій короля [3]). Какъ бы то ни было, Екатерина не желала свиданія съ Густавомъ. Панинъ писалъ Симолину, замѣнившему Стахіева: «Если отъ васъ будутъ вывѣдывать относительно того, какъ нашъ дворъ смотритъ на это путешествіе, то говорите, что вами получены частныя, но вѣрныя извѣстія о намѣреніи императрицы провести почти все будущее лѣто въ разныхъ путешествіяхъ, которыя удалятъ ее отъ Петербурга. Вы видите, что дѣло идетъ объ избѣжаніи, возможно приличнымъ образомъ, всѣхъ внушеній со стороны короля относительно этого путешествія [4]).

Когда, въ февралѣ 1777 года, управлявшій посольскими дѣлами въ Стокгольмѣ (въ отсутствіе Симолина) Рикманъ далъ знать, что весною король поѣдетъ въ Финляндію и оттуда въ Петербургъ, Екатерина написала Остерману: «Напишите Рикману, что я проведу весну и лѣто въ Смоленскѣ».

Не смотря на все это, въ 1777 году все-таки состоялось свиданіе между Екатериною и Густавомъ. Въ характерѣ обоихъ было много общаго. Оба они были обязаны значительною долею своего образованія и взглядовъ французской литературѣ просвѣщенія; оба отличались честолюбіемъ, дорожили славою, любили окружать себя блескомъ и роскошью престола. Нельзя не признать, что Екатерина превосходила Густава геніальностью, силою воли, проницательностью ума, политическими способностями.

---

[1]) Соловьевъ, XXIX, 81, 115—116.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», XIII, 380.
[3]) Соловьевъ, XXIX, 237—238.
[4]) Тамъ-же, XXIX, 254.

Нельзя сказать, чтобы свиданіе между Густавомъ и Екатериною сблизило значительно короля съ императрицею. Екатерина обласкала своего родственника, подарила ему большую сумму денегъ и начала съ нимъ переписку. Однако король не произвелъ особенно благопріятнаго впечатлѣнія на императрицу. Тѣмъ не менѣе, онъ написалъ къ графу Крейцу: «Мое путешествіе удалось сверхъ ожиданія, и я уже пожинаю плоды его» и пр. Въ другомъ письмѣ сказано, что цѣлью поѣздки Густава въ Петербургъ было желаніе успокоить императрицу относительно результатовъ государственнаго переворота 1772 года, что вслѣдствіе свиданія исчезли послѣдніе остатки огорченія Екатерины по этому поводу и что недовѣріе уступило мѣсто искренней дружбѣ. Вскорѣ, однако, шведскій посланникъ въ Парижѣ, графъ Крейцъ, писалъ королю (5 сентября 1777 г.): «Верженнъ сказалъ мнѣ, что императрица послѣ вашего отъѣзда употребила выраженія, изъ которыхъ видно, что ея дружба не искренна; она, между прочимъ, замѣтила, что не вѣритъ въ истину дружбы вашего величества» [1]).

Въ Петербургѣ дѣйствительно не особенно благопріятно отзывались о королѣ. Великій князь Павелъ Петровичъ писалъ Сакену: «Насъ посѣтилъ великій и славный донъ Густавъ Шведскій, герой сѣвера. По этимъ эпитетамъ вы можете судить о впечатлѣніи, произведенномъ имъ на насъ. Это самый блестящій вѣтренникъ нашего вѣка. У него были какіе-то виды на насъ, которыхъ осуществленіе ему не совсѣмъ удалось» и пр. [2]).

Между тѣмъ какъ Густавъ былъ убѣжденъ въ томъ, что Екатерина вполнѣ помирилась съ мыслью о необходимости монархическаго начала въ Швеціи, Симолинъ въ Стокгольмѣ находился въ сношеніяхъ съ противниками короля, надѣявшимися лишить его результатовъ государственнаго переворота 1772 года. Такъ, напр., Симолинъ спросилъ однажды (въ 1777 году), одного изъ сенаторовъ, барона Функа, какъ можно поправить сдѣланное на сеймѣ 1772 года и возвратить народу его прежнюю вольность, отнятую самымъ оскорбительнымъ насиліемъ. Другой разъ, Симолинъ увѣрялъ майора Пайкуля, что петербургскій дворъ не перемѣнилъ своей системы относительно Швеціи, и что шведы всегда могутъ разсчитывать на готовность Россіи содѣйствовать возстановленію шведской свободы [3]). Когда, въ 1779 году, Гу-

[1]) См. мое соч. «Война Россіи съ Швеціею 1788—90». Спб., 1869, стр. 25.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», XX, 414. См. также стр. 420.
[3]) Соловьевъ, XXIX, 257, 297.

ставъ III предлагалъ заключить договоръ между Россіею и Швеціею, Екатерина уклонилась отъ этого, выставляя на видъ, что заключеніе договора непремѣнно возбудитъ сильное неудовольствіе какъ въ Англіи, такъ и во Франціи [1]).

Такимъ образомъ, оказывалось невозможнымъ устранить антагонизмъ между Россіею и Швеціею. Еще въ 1775 году Густавъ III замѣтилъ, что разрывъ между обѣими державами отсроченъ лишь польскими дѣлами и турецкою войною. «Все клонится къ войнѣ въ настоящемъ или будущемъ году», сказано въ запискѣ короля; «должно, не теряя ни одной минуты, готовиться къ оборонѣ. Чтобъ окончить по возможности скорѣе такую войну, я намѣренъ всѣми силами напасть на Петербургъ и принудить такимъ образомъ императрицу къ заключенію мира». Эта программа дѣйствій была въ точности исполнена Густавомъ тринадцать лѣтъ позже, въ 1788 году.

Все это не мѣшало королю писать Екатеринѣ между прочимъ: «Я люблю миръ и не начну войны... Швеція нуждается въ спокойствіи... Король этого государства не можетъ начать войны безъ согласія чиновъ, и то обстоятельство, что онъ самъ въ этомъ отношеніи связалъ руки себѣ и своимъ наслѣдникамъ, должно считаться ручательствомъ основательности такого убѣжденія съ его стороны». Впослѣдствіи оказалось, что, во первыхъ, король нарушилъ это постановленіе государственнаго права, рѣшаясь на наступательную войну съ Россіею, и что, во вторыхъ, онъ при первомъ случаѣ позаботился объ уничтоженіи этого параграфа шведской конституціи.

Впрочемъ, Екатерина и Густавъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ обмѣнивались весьма дружескими, исполненными любезностей письмами. Екатерина подробно разсказывала королю о рожденіи и воспитаніи великаго князя Александра Павловича; Густавъ отправилъ своего шталмейстера, Мунка, въ Петербургъ къ Екатеринѣ и великому князю Павлу Петровичу съ подарками, состоявшими изъ экипажей и лошадей. Когда, въ 1782 году, у короля родился второй сынъ, онъ просилъ императрицу быть воспріемницею новорожденнаго. Екатерина занималась изученіемъ исторіи, получала отъ Густава книги по исторіи Швеціи, хвалила его ученость, когда онъ для нея составилъ обзоръ содержанія отправленныхъ къ ней книгъ, и увѣряла его, что она смотритъ на него, какъ на самаго достойнаго члена Академіи Наукъ, и пр.[2]).

---

[1]) Соловьевъ, XXIX, 326.

[2]) Geijer, «Gustaf III efterlemnade Pappers», 1843.

Въ 1783 году, состоялось второе свиданіе между Екатериною и Густавомъ въ Фридрихсгамѣ. Между тѣмъ, какъ пребываніе короля въ Петербургѣ, въ 1777 году, продолжалось цѣлый мѣсяцъ, свиданіе въ Финляндіи ограничилось нѣсколькими днями. И на этотъ разъ король не произвелъ благопріятнаго впечатлѣнія на Екатерину. Въ нѣсколькихъ письмахъ ея къ императору Іосифу и къ Потемкину встрѣчается цѣлый рядъ рѣзкихъ отзывовъ о королѣ, о его тщеславіи и мелочности, о недостаткѣ въ немъ искренности и пр.[1]). Впрочемъ, и Густавъ III, какъ видно изъ его бесѣды съ Леопольдомъ Тосканскимъ, съ которымъ онъ встрѣтился вскорѣ послѣ своего путешествія въ Финляндію, не былъ доволенъ свиданіемъ съ Екатериною [2]).

Осенью 1783 года, Екатерина писала Густаву, находившемуся тогда въ Венеціи: «Говорятъ, что вы намѣрены напасть на Финляндію и идти прямо къ Петербургу, по всей вѣроятности, чтобы здѣсь поужинать. Я, впрочемъ, не обращаю вниманія на такую болтовню, въ которой выражается лишь игра фантазіи» [3]).

Въ 1784 году, Екатерина писала Потемкину о намѣреніи Густава III напасть на Норвегію и о необходимости подвинуть на всякій случай русскія войска къ границамъ Финляндіи [4]). Около этого времени между шведскимъ королемъ и французскимъ дворомъ происходили переговоры по вопросу о томъ, насколько Густавъ, въ случаѣ разрыва съ Россіею, могъ разсчитывать на помощь Франціи. По возвращеніи въ Швецію, Густавъ, въ перепискѣ съ французскимъ министерствомъ, указывалъ хвастливо на значительныя средства, которыми располагала Швеція для войны съ Россіею, такъ что Людовикъ XVI, желавшій сохраненія мира, долженъ былъ сдерживать пылъ короля [5]).

Весною 1784 года, Густавъ находился въ Финляндіи. Въ 1786 году, одинъ русскій генералъ, подъ предлогомъ обыкновеннаго путешествія, объѣхалъ всю Финляндію, осмотрѣлъ крѣпости и дефилеи, обращалъ вниманіе на мѣста, удобныя для военныхъ дѣйствій противъ Швеціи, и старался разузнать о настроеніи умовъ населенія Финляндіи [6]). Во все это время русскій посланникъ въ Стокгольмѣ оставался противникомъ короля и поддерживалъ тѣсныя

[1]) Arneth, «Ioseph II und Katharina», 209; «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 266.
[2]) См. письмо Мочениго въ «Русск. Арх.», 1879, I, 85.
[3]) Herrmann, въ «Raumers Histor. Taschenbuch», 1857, стр. 386.
[4]) «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 334—336.
[5]) См. мою статью «Schweden und Russland» въ Histor. Zeitschrift, XXII, 326.
[6]) Posselt, «Gustaf III», 339.

связи съ партіею недовольныхъ. Въ этомъ отношеніи дѣйствовали одинаково Остерманъ, Симолинъ, Морковъ и Разумовскій. Въ домѣ русскаго посланника происходили сходки оппозиціонныхъ депутатовъ сейма. Графъ Аксель Ферзенъ и семейство Браге, на сеймѣ 1786 года, находились во главѣ партіи, враждебной королю. Не даромъ король требовалъ удаленія Моркова; вскорѣ ему пришлось настаивать и на удаленіи Разумовскаго. Говорили, что послѣдній чрезъ барона Спренгтпортена, вступившаго впослѣдствіи въ русскую службу, узнавалъ о подробностяхъ событій на сеймѣ, которыя могли считаться настоящею причиною войны 1788 года; разсказывали далѣе, что Спренгтпортенъ сообщилъ князю Потемкину тайные проекты обороны Швеціи и Финляндіи, которые были составлены имъ и одобрены королемъ. Вступленіе Спренгтпортена въ русскую службу было чувствительною потерею для Швеціи и значительною выгодой для Россіи. Онъ въ борьбѣ между Густавомъ и Екатериною игралъ ту роль, которую при Карлѣ XII и Петрѣ Великомъ игралъ Паткуль.

Густавъ III долженъ былъ думать о средствахъ остановить дѣйствія Россіи, клонившіяся къ ущербу самостоятельности и цѣлости Швеціи. Успѣшныя военныя дѣйствія могли положить конецъ агитаціи дворянъ, противниковъ короля. Средствомъ спасенія монархическаго начала была военная диктатура. Въ этомъ смыслѣ начавшаяся въ 1788 году война была какъ бы продолженіемъ государственнаго переворота 1772 года.

Еще въ 1739 году между Швеціею и Турціею былъ заключенъ оборонительный союзъ, на случай разрыва одной изъ этихъ державъ съ Россіею. То обстоятельство, что во время первой турецкой войны (1768—74) Швеція и не думала защищать Турцію, ясно доказывало, что тогда договоръ 1739 года въ самой Швеціи считался уже недѣйствительнымъ. Но Густавъ, желая начать войну съ Россіею, воспользовался старымъ договоромъ, указывалъ на него, какъ на поводъ къ войнѣ, и въ продолженіе всего этого времени искалъ дружбы султана. Шведскій посланникъ въ Константинополѣ уже съ 1787 года пользовался особеннымъ уваженіемъ. Густавъ утверждалъ, что онъ съ самаго начала войны получалъ субсидіи, которыя, впрочемъ, по другимъ извѣстіямъ, стали уплачиваться не ранѣе, какъ съ 1789 года [1]).

[1]) См. мое сочиненіе «Война Россіи съ Швеціею 1788—90». Спб., 1869. Стр. 6 и 7.

ФОРМА ОБМУНДИРОВАНІЯ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ ВЪ ЕКАТЕРИНИНСКОЕ ВРЕМЯ.

Гвардейскіе офицеры.

Съ рисунка, находящагося въ „Хроникѣ россійской гвардіи“.

Во всякомъ случаѣ, Густавъ съ самаго начала войны тѣсно сблизился съ Турціею, и именно это обстоятельство придавало его предпріятію противъ Россіи особенное значеніе въ глазахъ лондонскаго и берлинскаго кабинетовъ. Они были готовы поддерживать непріятелей Россіи и войсками, и флотомъ, и деньгами. Франція, напротивъ, желала сохраненія мира на сѣверѣ. Въ инструкціи, данной французскому посланнику, маркизу де-Понсу, было сказано, что, если шведскій король будетъ дѣйствовать противъ Россіи подъ непосредственнымъ вліяніемъ Англіи и Пруссіи, то онъ, король, тѣмъ самымъ лишаетъ себя права считаться другомъ Франціи, и что французскій дворъ крайне сожалѣлъ бы о такомъ заблужденіи[1]).

Благодаря французскимъ субсидіямъ, Густавъ III до войны имѣлъ возможность привести въ надлежащее состояніе войско и флотъ. Теперь же онъ разсчитывалъ на помощь Англіи и Пруссіи. Усиливавшееся постепенно могущество Россіи считалось на западѣ какъ бы нарушеніемъ европейскаго политическаго равновѣсія. Теперь, какъ казалось вѣроятнымъ, настала пора успѣшныхъ дѣйствій съ цѣлью ограниченія власти и вліянія Россіи. Помогая Турціи въ борьбѣ противъ Россіи, препятствуя дальнѣйшимъ раздѣламъ Польши, дѣйствуя косвеннымъ образомъ противъ императора Іосифа II, Густавъ III могъ разсчитывать на благодарность нѣкоторыхъ западно-европейскихъ державъ.

Въ то же время, нападеніе на Россію могло считаться чрезвычайно опаснымъ предпріятіемъ, уже потому, что оно не согласовалось съ конституціей, запрещавшей королю вести наступательную войну безъ особеннаго соглашенія съ государственными чинами. Если не было возможности заставить Россію объявить войну и начать военныя дѣйствія, король легко могъ сдѣлаться жертвою оппозиціонной партіи. Развѣ только быстрые и важные успѣхи въ военныхъ дѣйствіяхъ могли, въ случаѣ разлада между королемъ и подданными его, спасти Густава III.

Шведскій посланникъ въ Петербургѣ, Нолькенъ, доносилъ о плачевномъ состояніи Россіи въ это время. Вслѣдствіе этого, Густавъ III, придавая слишкомъ большое значеніе вооруженію Швеціи, не имѣлъ точнаго понятія о средствахъ, которыми располагала Россія. Когда флотъ, 29 мая (9 іюня) 1788 года, изъ порта Карлскроны вышелъ въ море, экипажъ не зналъ вовсе о

---

[1]) Geffroy, 667.

цѣли плаванія. Всѣ приготовленія къ походу происходили въ глубочайшей тайнѣ.

Узнавъ, еще въ мартѣ 1788 года, о вооруженіи Швеціи, Екатерина въ запискѣ, внесенной въ государственный совѣтъ, замѣтила, что «императрица Анна Іоанновна въ подобномъ случаѣ велѣла сказать, что въ самомъ Стокгольмѣ камня на камнѣ не оставитъ»[1]). Немного спустя, узнали о распространеніи Густавомъ слуха, будто русскіе намѣреваются сдѣлать нападеніе на Карлскрону, а также о полученіи Швеціею турецкихъ субсидій. Не смотря на это, Екатерина все еще надѣялась на сохраненіе мира. 26 мая, она сказала: «Я шведа не атакую, онъ же выйдетъ смѣшенъ». Еще въ началѣ іюня, императрица писала князю Потемкину о предстоящемъ путешествіи великаго князя на югъ, для участія въ турецкой войнѣ.

Впрочемъ, Екатерина сильно безпокоилась. «Не веселы», замѣчаетъ въ это время неоднократно въ своемъ дневникѣ Храповицкій о расположеніи духа императрицы. Гарновскій увѣряетъ, что она даже плакала[2]). Екатерина разсматривала карты, изучала положеніе пограничныхъ мѣстъ въ Финляндіи, велѣла приказать адмиралу Чичагову, чтобы онъ спѣшилъ выйдти въ море съ флотомъ, и старалась узнавать о шведскихъ курьерахъ, пріѣзжавшихъ отъ короля къ Нолькену. И въ разговорахъ съ Храповицкимъ, и въ письмахъ къ Потемкину, Екатерина называла Густава сумасшедшимъ и выражала надежду на миролюбіе шведскаго народа, который не допуститъ короля до разрыва съ Россіею. Потемкину она писала: «Терпѣть ли демонстрацію? Если бы ты былъ здѣсь, я бы рѣшилась въ пять минутъ, чтò дѣлать, переговоря съ тобою»[3]).

Штакельбергъ, русскій посолъ въ Польшѣ, узналъ изъ прусскихъ и шведскихъ писемъ, перлюстрованныхъ имъ по приказанію императрицы, что Густавъ надѣялся присоединить къ Швеціи Финляндію, Эстляндію, Лифляндію и Курляндію. Наступая прямо на Петербургъ, король намѣревался диктовать миръ Екатеринѣ. Храповицкій, вслѣдствіе замѣчанія Спренгтпортена, что Густавъ можетъ атаковать Кронштадтъ, не спалъ всю ночь, думая постоянно о такой опасности.

Россія была плохо приготовлена къ войнѣ со Швеціею. На сѣверѣ имперіи почти вовсе не было войска. Возникла мысль о

---

[1]) Храповицкій, 22 марта 1788.
[2]) «Русская Старина», XVI, 20.
[3]) «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 481—483, 487.

выдѣленіи части русскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Турціи, для военныхъ операцій въ Финляндіи и нападенія на Стокгольмъ [1]). Главную надежду русское правительство возлагало на внутренній раздоръ въ Швеціи; императрица считала возможнымъ парализировать предпріимчивость шведскаго короля постановленіями шведской конституціи и оппозиціей шведскаго дворянства.

Графъ Разумовскій, согласно съ этими соображеніями, 7 (18) іюня, передалъ шведскому министру иностранныхъ дѣлъ записку, въ которой отъ имени императрицы требовалъ объясненій по поводу вооруженія Швеціи. Здѣсь было сказано, между прочимъ: «Императрица объявляетъ министерству его величества, короля шведскаго, а также и всѣмъ тѣмъ, кои въ сей націи нѣкоторое участіе въ правленіи имѣютъ, что ея императорское величество можетъ только повторить имъ увѣреніе своего миролюбія и участія, пріемлемаго ею въ сохраненіи ихъ спокойствія», и пр. [2]).

Король принялъ эти выраженія графа Разумовскаго за оскорбленіе. Къ тому же, русскій дипломатъ позаботился о появленіи этой записки въ разныхъ шведскихъ газетахъ, желая тѣмъ самымъ подѣйствовать на общественное мнѣніе. Понятно, что послѣ этого Густавъ требовалъ удаленія графа Разумовскаго.

Графъ Сегюръ, въ бесѣдѣ съ императрицею, которая ему сообщила о случившемся, сказалъ: «Въ этомъ событіи самое замѣчательное то, что посолъ самодержавной государыни оказываетъ такое вниманіе къ самостоятельной націи, и что король этой самостоятельной націи этимъ оскорбляется» [3]).

Въ дипломатическихъ нотахъ, въ письмахъ къ разнымъ лицамъ, въ манифестахъ, Екатерина и Густавъ осыпали другъ друга упреками. Раздраженіе постепенно усиливалось. Густавъ желалъ войны; Екатерина не надѣялась болѣе на сохраненіе мира. Разрывъ становился неизбѣжнымъ.

Отвѣтъ короля на записку графа Разумовскаго заключалъ въ себѣ ультиматумъ, о неприличіи котораго графъ Сегюръ замѣтилъ, что даже султанъ не посмѣлъ бы обратиться къ слабому господарю Молдавскому въ такомъ тонѣ, въ какомъ Густавъ говорилъ теперь съ императрицею: «Даже самъ Фридрихъ Великій, даже

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 293; XXIX, 17, 23, 26, 513, 517.

[2]) См. весь документъ въ русскомъ переводѣ у Колотова, III, 264 — 269; на нѣмецкомъ языкѣ у Горфта, «Geschichte des letzten schwedisch-russischen Krieges.» Frkf. a. M. 1792, 39 — 42.

[3]) Ségur, III, 366.

ФОРМА ОБМУНДИРОВАНІЯ РУССКИХЪ ВОЙСКЪ ВЪ ЕКАТЕРИНИНСКОЕ ВРЕМЯ.

Гвардейскіе солдаты.

Съ рисунка, находящагося въ „Хроникѣ россійской гвардіи“.

этотъ знаменитый полководецъ, во главѣ побѣдоноснаго войска и имѣя полную казну, не осмѣлился бы сдѣлать такихъ мирныхъ предложеній, которыя скорѣе можно было счесть за объявленіе войны»[1]).

Густавъ требовалъ: наказанія Разумовскаго, уступки Финляндіи и Кареліи, возвращенія Крыма Турціи и скорѣйшаго возстановленія мира между Россіею и Портою.

Недаромъ прусскій посланникъ въ Петербургѣ, баронъ Келлеръ, которому вицеканцлеръ далъ прочесть ноту шведскаго короля, находилъ вездѣ «неистовства, нелѣпости и клеветы», замѣчая, что записка «сочинена, конечно, въ замѣшательствѣ ума»[2]).

Густавъ III увлекался чрезмѣрнымъ честолюбіемъ. Мысль о предстоящемъ торжествѣ Швеціи надъ Россіею вскружила ему голову. Онъ не сомнѣвался въ успѣхѣ, говорилъ о своемъ намѣреніи опрокинуть статую Петра Великаго на Исаакіевской площади въ Петербургѣ, обѣщалъ дамамъ шведскаго двора пригласить ихъ на великолѣпный праздникъ, который устроитъ для нихъ въ Петергофѣ и къ участію въ торжественномъ богослуженіи въ Петропавловской церкви. Отправляясь въ походъ, король писалъ своему другу, Армфельдту: «Мысль о томъ, что я могу отмстить за Турцію, что мое имя станетъ извѣстно Азіи и Африкѣ, все это такъ подѣйствовало на мое воображеніе, что я не чувствовалъ особеннаго волненія и оставался спокойнымъ въ ту минуту, когда отправлялся на встрѣчу всякаго рода опасностямъ... Вотъ я перешагнулъ чрезъ Рубиконъ»[3]).

Не даромъ Екатерина въ сильныхъ выраженіяхъ говорила о «нелѣпости» шведской записки, о «сумасшедшей нотѣ» и т. п. «Мнѣ кажется», сказалъ Сегюръ императрицѣ, «что шведскій король, очарованный обманчивымъ сномъ, вообразилъ себѣ, что уже одержалъ три значительныя побѣды».—«Еслибъ онъ и одержалъ три значительныя побѣды, графъ», отвѣтила Екатерина съ жаромъ, «и даже еслибъ онъ завладѣлъ Петербургомъ и Москвою, я бы ему показала, что можетъ сдѣлать во главѣ храбраго и покорнаго народа женщина съ сильнымъ характеромъ, стоя на развалинахъ великаго государства»[4]).

Вскорѣ была обнародована шведская «декларація», подписанная королемъ въ Гельсингфорсѣ, 21 іюля. Въ ней заключался

---

[1]) Posselt, «Geschichte Gustafs III», Karlsruhe, 1792. 361.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», XXIX, 30.
[3]) Ségur, III, 382 — 387.
[4]) Тамъ-же, 371 — 372.

весьма рѣзкій разборъ образа дѣйствій Россіи по разнымъ вопросамъ внѣшней политики; говорилось объ участи, постигшей Курляндію, Польшу и Крымъ. Густавъ надѣялся расположить въ свою пользу недоброжелателей Екатерины въ западной Европѣ, указывая на страшную опасность, грозившую всѣмъ и каждому отъ чрезмѣрнаго усиленія могущества Россіи.

Екатерина не могла не возражать на эту «декларацію». Въ «Observations et éclaircissements», написанныхъ собственноручно императрицею и напечатанныхъ въ переводахъ на разные языки, она подвергла строгой критикѣ всѣ обвиненія Густава, нисколько не щадя короля и осыпая его сильными упреками. Далѣе она сочиняла французскіе стихи, въ которыхъ былъ осмѣянъ шведскій король. Мало того: на театрѣ въ Эрмитажѣ появилась сочиненная императрицею опера «Горе Богатырь», въ которой главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ Густавъ въ каррикатурномъ видѣ и которую неоднократно давали въ присутствіи двора и иностранныхъ дипломатовъ [1]).

Между тѣмъ начались военныя дѣйствія. Встрѣча между шведскимъ флотомъ и русскою эскадрою при Дагерортѣ 11 (22) іюня, не имѣла послѣдствій, потому что параграфъ шведской конституціи, въ силу котораго король не могъ вести наступательной войны, препятствовалъ нападенію шведовъ на слабѣйшую русскую эскадру; такимъ образомъ, король, стѣсненный государственнымъ правомъ, долженъ былъ отказаться отъ значительной выгоды, которую представило бы ему нанесеніе Россіи сильнаго удара въ въ самомъ началѣ войны.

Густава III упрекали въ сдѣланной будто бы имъ ошибкѣ, заключавшейся въ томъ, что онъ двинулъ свой флотъ преждевременно, не выждавъ отправленія русской эскадры въ Архипелагъ. Однако, можно сомнѣваться въ томъ, рѣшилась-ли бы Россія отправить свой флотъ въ Средиземное море при такомъ усложненіи политическихъ обстоятельствъ на сѣверѣ. Къ тому же, нападеніе Швеціи на Россію должно было быть, какъ мы знаемъ, существенной услугою, оказанной Густавомъ Турціи, и поэтому удержаніе русскаго флота на сѣверѣ могло считаться важной услугой со стороны союзника Порты.

---

[1]) См. мою статью «Eine komische Oper aus dem Jahre 1788» въ журналѣ «Baltische Monatsschrift» 1867. Опера напечатана въ Соч. Ек., изд. Смирдинымъ. Напрасно считали возможнымъ, что въ ней былъ осмѣянъ Павелъ или Потемкинъ; см. соч. Грота «О Густавѣ III и Екатеринѣ», Спб. 1877, стр. 71 и слѣд., и мою статью въ «Russ. Revue», XII, 22 и слѣд.

Въ возраженіи Екатерины на шведскую «декларацію» упомянуто о выдумкѣ короля, будто на финляндской границѣ русскими войсками было сдѣлано нападеніе на шведовъ. Утверждали, что горсть шведскихъ солдатъ, наряженныхъ въ русскіе мундиры, сожгла небольшое селеніе въ шведской Финляндіи съ цѣлью доставить королю возможность указать на открытіе непріязненныхъ дѣйствій Россіею. И дѣйствительно, мы имѣемъ основаніе думать, что Густавъ III прибѣгнулъ къ столь мелочной интригѣ для того, чтобы при своемъ нападеніи на Россію избавиться отъ упрека въ нарушеніи постановленія шведской конституціи [1]).

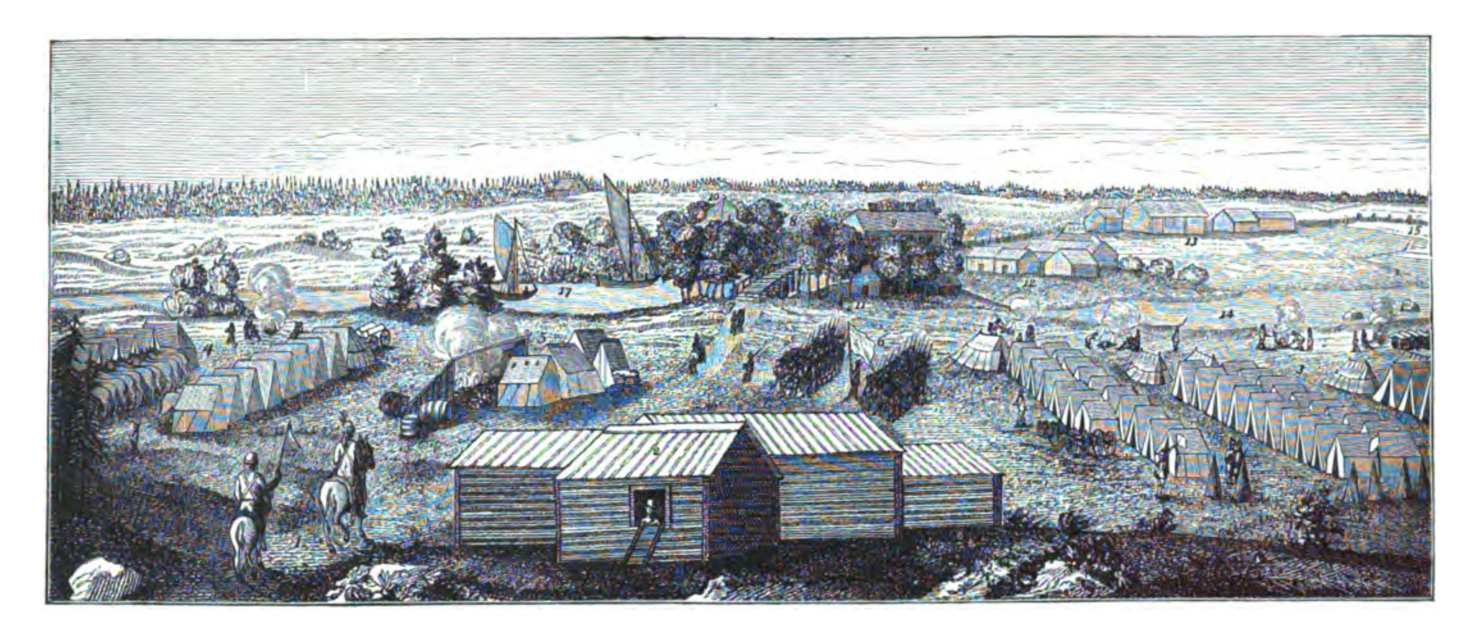
Въ исторіи политическихъ дѣйствій Густава III красною нитью проходитъ столкновеніе между интересами короля и Швеціи съ постановленіями государственнаго и международнаго права. Не иначе какъ путемъ государственныхъ переворотовъ и войнъ можно было положить конецъ подобнымъ затрудненіямъ и препятствіямъ; насильственный образъ дѣйствій, въ соединеніи съ хитростью, козни и обманъ съ одной стороны, геройскіе подвиги— съ другой, должны были повести къ желанной цѣли. На этотъ разъ королю не удалось обмануть современниковъ. И въ Швеціи, и въ прочихъ странахъ Европы, Густава III считали зачинщикомъ войны; ему, а не Екатеринѣ, приписывали открытіе военныхъ дѣйствій. Это обстоятельство повело къ развитію сильной оппозиціи противъ короля. Благодаря протестамъ дворянскаго элемента въ шведскомъ войскѣ, король очутился на краю гибели. Не безъ крайняго напряженія силъ, не безъ употребленія дальнѣйшихъ мѣръ насилія и хитрости, королю удалось избавиться отъ страшной опасности, устроить второй государственный переворотъ и окончить войну съ Россіею безъ ущерба для себя и для Швеціи.

Военныя дѣйствія начались собственно не загадочнымъ эпизодомъ въ Пумалазундѣ, а осадою Нишлотской крѣпости [2]). Екатерина сильно безпокоилась; театръ войны находился въ небольшомъ разстояніи отъ Петербурга. Въ разговорѣ съ Храповицкимъ, озабоченная войною, императрица сказала: «Правду сказать, Петръ I близко сдѣлалъ столицу», къ чему Храповицкій прибавилъ: «Онъ ее основалъ прежде взятія Выборга, слѣдова-

---

[1]) Вопросъ объ этомъ эпизодѣ въ Пумалазундѣ изслѣдованъ мною въ «Historische Zeitschrift», XXII, 393—402.

[2]) Подробности см. въ моемъ сочиненіи «Война Россіи съ Швеціею 1788—90», Спб. 1869. Стр. 73 и слѣд.

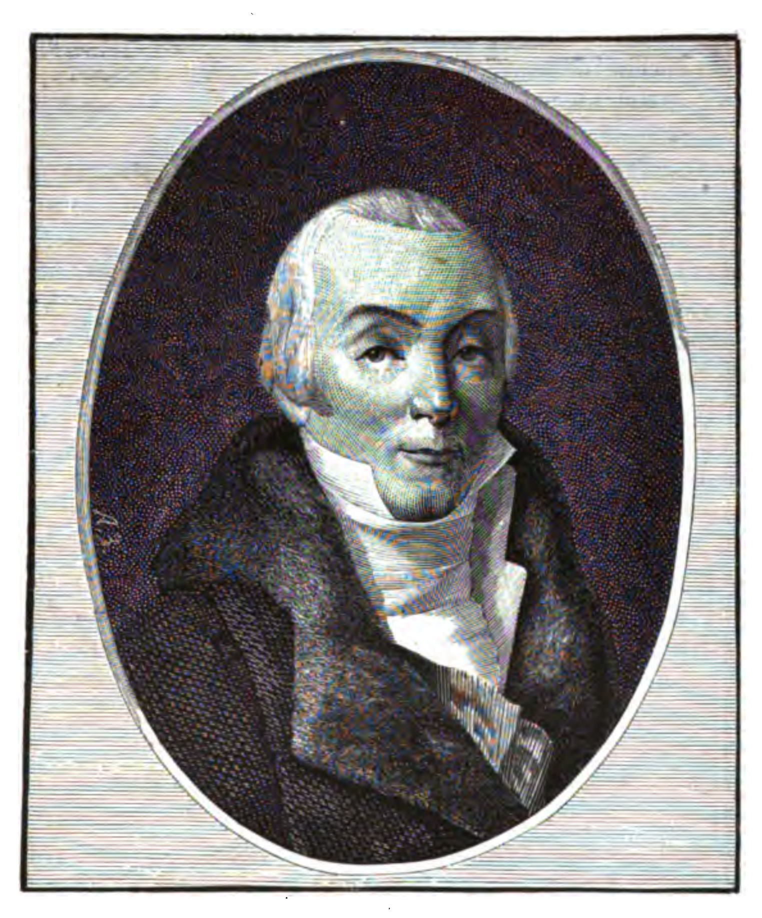
Видъ главной квартиры Густава III, въ Финляндіи, близь Фридрихсгама, во время войны 1788—1789 годовъ.

Съ весьма рѣдкой шведской гравюры того времени. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

ОБЪЯСНЕНІЕ: 1) Дорога изъ Гегфорса, по которой ѣдетъ шведскій казацкій офицеръ съ своимъ ординарцемъ. 2) Гумна и сараи, въ которыхъ помѣщалась канцелярія и столовая гвардейскихъ офицеровъ. 3) Королевскій гвардейскій лагерь съ своими обозами и маркитантами. 4) Королевская лейбъ-гвардія, тѣлохранители, или легкій драгунскій отрядъ. 5) Маркитанты главной квартиры. 6) Королевская лейбъ-гвардія, идущая для занятія карауловъ. 7) Мостъ черезъ рѣку, ведущій къ мызѣ. 8) Мыза, обсаженная рябиновою рощей, гдѣ его королевское величество жилъ въ палаткѣ по случаю пожара главнаго зданія (весной 1788 г.). 9) Большое старое строеніе, гдѣ находилась королевская кухня. 10) Развалившаяся бесѣдка въ саду, гдѣ жилъ генералъ-интендантъ Клингспоръ. 11) Ворота по сю сторону рѣки, гдѣ находилась канцелярія его королевскаго величества. 12) Конюшня и скотный дворъ, гдѣ стояли лошади и конюхи его королевскаго величества. 13) Гумна и сараи, въ которыхъ помѣщалась часть адъютантовъ короля, походная почтовая и чертежная контора. 14) Быстрая рѣчка, протекающая у самой мызы. 15) Выѣздъ изъ мызы на большую дорогу къ станціи Суттула. 16) Мѣсто, гдѣ ловилась лососина для продовольствія арміи. 17) Плоскодонныя суда, доходившія изъ шхернаго фарватера до моста.

тельно надѣялся на себя». Волненіе Екатерины усиливалось. Въ Петербургѣ ожидали нападенія шведовъ на самую столицу.

Впрочемъ, шведы не могли занять Нишлота. Къ тому же оказалось возможнымъ подѣйствовать на начальника войскъ, осаждавшихъ крѣпость, Гастфера, посредствомъ подкупа. Онъ же

Графъ Сегюръ, французскій посолъ при русскомъ дворѣ.

Съ гравированнаго портрета, приложеннаго къ французскому изданію его „Записокъ" 1826 г.

участвовалъ въ образованіи конфедераціи въ Аньяла, положившей на нѣкоторое время конецъ военнымъ операціямъ. Такимъ образомъ, надежда короля съ этой стороны приблизиться къ Петербургу, для нанесенія рѣшительнаго удара Россіи, не осуществилась.

Наступательныя дѣйствія шведовъ на морѣ также не повели къ желанной цѣли.

Битва при Гохландѣ (6 (17) іюля) была скорѣе побѣдою русскаго чѣмъ шведскаго флота, который послѣ сраженія долженъ былъ удалиться въ Свеаборгскую гавань и тамъ былъ блокированъ нѣкоторое время русскимъ флотомъ, которымъ командовалъ адмиралъ Грейгъ. Теперь-то оказалось, какая существенная выгода для Россіи заключалась въ неотправленіи русскаго флота въ Средиземное море[1]). Грейга считали «спасителемъ столицы и Лифляндіи»[2]). Екатерина насмѣхалась надъ Густавомъ, считавшимъ гохландскую битву побѣдою шведовъ и приказавшимъ отпраздновать мнимую побѣду торжественнымъ богослуженіемъ въ Стокгольмѣ.

Наканунѣ полученія извѣстія о гохландской битвѣ, императрица жаловалась на сжатіе въ груди; на слѣдующій день послѣ прочтенія донесенія Грейга, проснувшись, она сказала, что чувствуетъ себя совершенно здоровою[3]). Густавъ намѣревался, по одержаніи побѣды на морѣ, атаковать Кронштадтъ, сдѣлать высадку въ Ораніенбаумѣ и идти къ Петербургу. Всѣ эти планы оказались фантазіей.

Главною цѣлью военныхъ операцій шведовъ было взятіе крѣпости Фридрихсгамской. Во время приготовленій къ осадѣ этого города, между офицерами въ лагерѣ Густава III началось волненіе, которое повело къ образованію конфедераціи въ Аньяла. Офицеры не хотѣли сражаться, указывая на незаконность наступательной войны, начатой безъ согласія на то сейма. Около ста офицеровъ подали въ отставку и готовились къ отъѣзду на родину. Старались убѣдить короля къ немедленному заключенію мира; онъ не соглашался на это, называя столь быстрое окончаніе войны «самоубійствомъ». Въ деревняхъ Ликала и Аньяла происходили сходки недовольныхъ. Конфедерація шведскихъ и финляндскихъ дворянъ-офицеровъ при этомъ случаѣ ничѣмъ не отличалась отъ польскихъ конфедерацій, повлекшихъ за собою раздѣлы Польши[4]). Возникла мысль обратиться за покровительствомъ къ императрицѣ Екатеринѣ. Недовольные подписали адресъ,

---

[1]) Головачевъ, «Операціи русскаго флота въ шведско-русскую войну 1788—90». Спб. 1871. Донесеніе Грейга въ «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 506.

[2]) Blum, «Ein russischer Staatsmann», II, 506. Архивъ кн. Воронцова XII, 62.

[3]) Храповицкій, 9 и 11 іюля 1788.

[4]) См. мою монографію о конфедераціи въ Аньяла въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», ч. CXXXVII, стр. 680—771.

въ которомъ объявили, что финляндцы желаютъ сохраненія мира съ Россіею, но въ то же время они просили императрицу возвратить часть Финляндіи, сдѣлавшуюся достояніемъ Россіи въ 1743 году. Въ запискѣ къ королю, офицеры требовали немедленнаго заключенія мира и созванія сейма, который опредѣлилъ бы въ точности условія государственнаго управленія въ Швеціи. Въ то же время конфедераты въ объявленіи ко всѣмъ соотечественникамъ протестовали противъ веденія войны, несогласной съ законами государства.

Всѣ эти событія имѣли значеніе реакціи противъ результатовъ государственнаго переворота 1772 года. Конфедерація положила конецъ военнымъ операціямъ 1788 года. Король былъ въ отчаяніи. «Наша слава исчезла навсегда», говорилъ онъ, «я ожидаю смерти отъ руки убійцы». Въ лагерѣ инсургентовъ мечтали о полной независимости Финляндіи. Главною цѣлью конфедератовъ, однако, было возстановленіе правъ дворянства. Положеніе короля становилось крайне опаснымъ; онъ началъ думать о сложеніи короны, но вскорѣ оставилъ эту мысль, надѣясь на спасеніе путемъ хитрости и насилія, и писалъ къ графу Стединку: «Никогда я не преклонюсь подъ иго императрицы. Я предпочитаю быть уничтоженнымъ своими подданными, чѣмъ побѣжденнымъ иностранными врагами. Большія государства не такъ легко уничтожаются. Я говорю, какъ говорилъ Францъ I: «tout est perdu, hors l'honneur»[1]).

Неоднакратно было высказано предположеніе, что конфедерація въ Аньяла была вызвана происками русскаго правительства. Однако, кажется, Екатерина, до пріѣзда маіора Егергорна въ Петербургъ съ адресомъ конфедератовъ, не знала вовсе о событіяхъ, совершившихся въ шведскомъ лагерѣ. Теперь же она видѣла въ оборотѣ, принятомъ событіями, «пособіе Божіе»[2]), и рѣшилась воспользоваться этимъ движеніемъ для борьбы противъ Густава. Она лично вела переговоры съ Егергорномъ и совѣтовалась со Спренгтпортеномъ. Достовѣрно извѣстно, что Егергорнъ при этомъ случаѣ хлопоталъ о совершенной независимости Финляндіи, между тѣмъ какъ эта цѣль едва-ли соотвѣтствовала соображеніямъ конфедератовъ вообще. Екатерина обрадовалась такому плану, осуществленіе котораго занимало особенно Спренгтпортена. Незадолго до этого, подобная агитація въ пользу мнимой неза-

---

[1]) Stedingk, Mém., I, 121.

[2]) Храповицкій, 29 іюля.

висимости крымскихъ татаръ повела къ присоединенію къ Россіи Таврическаго полуострова. Такая же цѣль легко могла быть достигнута на сѣверѣ. Екатерина была чрезвычайно довольна этими событіями. Сообщая нѣкоторымъ приближеннымъ лицамъ о случившемся, она смѣялась надъ шведскимъ королемъ, замѣчая, что конфедерація должна считаться справедливымъ наказаніемъ короля за нанесенныя ей обиды. При всемъ томъ, однако, дѣйствія императрицы въ отношеніи конфедератовъ отличались крайнею осторожностью. На ея отвѣтѣ лицамъ, подписавшимъ адресъ, отправленномъ въ Финляндію чрезъ Егергорна, не было подписи императрицы; однако начались оживленныя сношенія между русскими и шведскими войсками.

По колкому замѣчанію одного современника, шведы въ этомъ походѣ нуждались не столько въ солдатахъ, сколько въ трубачахъ для оказанія услугъ при непрестанномъ обмѣнѣ визитами шведскихъ и русскихъ парламентеровъ [1]).

Екатерина слѣдила за всѣми частностями этихъ событій и руководила переговорами. Порою она рѣзко осуждала измѣнническій образъ дѣйствій офицеровъ въ шведскомъ лагерѣ. «Какіе измѣнники!» сказала она однажды, «буде не таковъ былъ король, то заслуживалъ бы сожалѣнія; но что дѣлать? надобно пользоваться обстоятельствами: съ непріятеля хоть шапку долой». Къ великому князю Павлу Петровичу, находившемуся въ то время въ Финляндіи, Екатерина писала, что отступленіе шведовъ должно считаться выгодою, равносильною побѣдѣ, одержанной на полѣ битвы [2]). О королѣ она писала къ Сиверсу: «Мнѣ кажется что онъ помѣшанъ» [3]). Императрица не сомнѣвалась въ дальнѣйшемъ и окончательномъ торжествѣ надъ Густавомъ III.

Вскорѣ, однако, обстоятельства измѣнились къ худшему.

Королю Густаву удалось принять рѣшительныя мѣры противъ конфедератовъ. Приверженцы короля дѣйствовали столь успѣшно въ пользу монархическаго начала, что Екатерина сочла необходимымъ прервать сношенія съ противниками Густава III, который съумѣлъ воспользоваться настроеніемъ умовъ въ Швеціи въ

---

[1]) Объ отношеніяхъ великаго князя Павла Петровича къ Карлу Сюдерманландскому см. довольно важныя данныя, въ «Русской Старинѣ», XV, 151 и слѣд.

[2]) «Сб. Ист. Общ.» XV, 146. О переговорахъ Мусина-Пушкина съ Мейерфельдомъ см. Bernhardi, «Vermischte Schriften», I, 124—126.

[3]) Blum, II, 502.

пользу королевской власти. Народъ предпочиталъ монархію преобладанію аристократическаго начала. Въ концѣ 1788 года, императрица велѣла совѣтовать финляндцамъ подумать о мѣрахъ спасенія и не разсчитывать болѣе на помощь Россіи. «Зачѣмъ вести финновъ на плаху?» —говорила она 30 декабря 1788 г., «Пусть подадутъ повинную. Зачѣмъ ихъ обманывать? Я не могу имъ по-

Адмиралъ Грейгъ.

Съ портрета, писаннаго Левицкимъ и принадлежащаго С. А. Грейгу.

мочь»[1]). Нѣкоторые изъ главныхъ зачинщиковъ бунта спаслись бѣгствомъ въ Россію; другіе были арестованы и отданы подъ судъ. Торжеству короля надъ конфедератами содѣйствовали удачныя дѣйствія въ войнѣ съ Даніею.

Обстоятельства заставляли Данію держаться союза съ Россіею. Подобно договорамъ, заключеннымъ между Пруссіею и Рос-

---

[1]) Храповицкій, 30 дек. 1788 г.

сіею, съ цѣлью приступить къ раздѣлу Польши, между Даніею и Россіею существовало соглашеніе, клонившееся къ раздѣлу Швеціи. Въ договорѣ 1766 года, обѣ державы гарантировали другъ другу сохраненіе въ цѣлости правъ дворянства въ Швеціи. Къ тому же, былъ заключенъ оборонительный союзъ между Даніею и Россіею на случай нападенія, которое Швеція могла сдѣлать на ту или другую изъ этихъ державъ. По случаю переворота 1772 года въ Швеціи, можно было ожидать вмѣшательства Даніи и Россіи въ шведскія дѣла. И въ Копенгагенѣ, и въ Петербургѣ, хорошо понимали, что усиленіемъ монархической власти въ Швеціи обусловливалось развитіе могущества этой державы въ области внѣшней политики. Густавъ III вполнѣ сознавалъ мѣру опасности, заключавшуюся въ необходимости одновременно воевать съ Россіею и съ Даніею. Не даромъ онъ еще въ семидесятыхъ годахъ замѣтилъ однажды, что не можетъ обойтись безъ сохраненія на военной ногѣ трехъ армій: одной въ Финляндіи, другой въ Шоніи, третьей на границѣ Норвегіи.

Нѣкоторые государственные люди въ Швеціи совѣтовали королю вступить въ тѣсный союзъ съ Даніею, чтобы тѣмъ самымъ пріобрѣсти возможность болѣе успѣшно бороться съ Россіею. Король предпочиталъ искать союзниковъ въ Берлинѣ и Лондонѣ для борьбы противъ Даніи и Россіи.

Екатерина, въ 1773 году, заключила съ Даніею договоръ, въ силу котораго эта послѣдняя держава была обязана, въ случаѣ нападенія Швеціи на Россію, предоставить въ распоряженіе Россіи нѣкоторое число кораблей и извѣстное количество войскъ, т. е., атакуя Швецію съ тыла или съ фланга, сдѣлать диверсію въ пользу Россіи.

Когда же начались военныя дѣйствія между Россіею и Швеціею, Данія медлила исполненіемъ своего обязательства. Быть можетъ, Густавъ III, показывая видъ, что военныя дѣйствія были открыты не имъ, а русскими войсками, разсчитывалъ на то, что Данія не сочтетъ себя обязанною въ данномъ случаѣ подать помощь Россіи. Однако, вскорѣ исчезли всѣ сомнѣнія относительно рѣшенія вопроса о томъ, кто былъ зачинщикомъ войны, и Данія, принужденная признать этотъ случай за «casus foederis», не могла не приступить къ исполненію договора 1773 года. Впрочемъ, прошло нѣсколько недѣль до открытія военныхъ дѣйствій датчанъ. Тогда какъ шведскія и русскія войска уже въ концѣ іюня, въ Финляндіи, обмѣнялись первыми выстрѣлами, датскія войска не раньше какъ въ сентябрѣ вступили въ предѣлы шведской территоріи.

Екатерина была недовольна Даніею. И безъ того она имѣла основаніе жаловаться на неудачу союзныхъ австрійскихъ войскъ въ турецкой войнѣ. Теперь же она, говоря объ австрійцахъ и датчанахъ, замѣтила: «Лучше бы безъ нихъ имѣть дѣло». Не смотря на то, однако, въ Петербургѣ разсчитывали на успѣхъ датскихъ войскъ, приступившихъ къ осадѣ Готенбурга.

По тогдашнимъ понятіямъ международнаго права, Данія, дѣйствуя такимъ образомъ въ пользу Россіи, не считала свое участіе въ войнѣ нарушеніемъ своего нейтралитета въ отношеніи къ Швеціи. Это воззрѣніе даже было раздѣляемо Англіею и Пруссіею; только дипломаты этихъ державъ объявили, что ихъ правительства не останутся равнодушными, въ случаѣ вооруженія Даніею бо̀льшаго количества войскъ, чѣмъ было необходимо для исполненія договора, заключеннаго этою державою съ Россіею. Начальникъ датскихъ войскъ, принцъ Карлъ Гессенскій, готовясь напасть на шведскую территорію, объявилъ, что датскій король не думаетъ вовсе о войнѣ со Швеціею, но что, въ силу договора, заключеннаго съ Россіею, онъ не можетъ не выставить въ походъ извѣстнаго количества вспомогательныхъ войскъ.

Оказалось невозможнымъ отстаивать теорію о столь странномъ нейтралитетѣ. Съ одной стороны, Екатерина жаловалась на то, что Данія, вмѣсто того чтобы дѣйствовать въ качествѣ воюющей державы, довольствовалась лишь объявленіями о вспомогательномъ войскѣ; съ другой — образъ дѣйствій датчанъ, вторгнувшихся въ предѣлы Швеціи, атаковавшихъ шведскія войска, занявшихъ нѣсколько шведскихъ городовъ (Уддевалла, Венерсборгъ), собиравшихъ всюду съ шведскихъ жителей контрибуціи, не согласовался съ ихъ объявленіемъ о нейтралитетѣ. Вскорѣ и Швеція, и Россія, и Англія указывали на несообразность такого утонченнаго различія между ролью воюющей державы и «диверсіею вспомогательными войсками».

Немного спустя, событія положили конецъ неопредѣленному состоянію державъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Между тѣмъ, какъ принцъ Гессенскій готовился приступить къ осадѣ Готенбурга, королю Густаву удалось организовать народное ополченіе въ Швеціи и привести въ надлежащее оборонительное состояніе Готенбургскую крѣпость. Геройскій образъ дѣйствій короля въ Готенбургѣ лишилъ Екатерину выгодъ, доставленныхъ ей образованіемъ конфедераціи офицеровъ въ Финляндіи. Къ тому же, Густавъ успѣлъ склонить Англію и Пруссію на сторону Швеціи. Англійскій посланникъ Элліотъ отправился въ

Швецію, чтобы предложить королю добрыя услуги Англіи, и объявилъ въ то же время, что принцъ Гессенскій, зашедшій слишкомъ далеко въ Швецію, переступилъ предѣлы данныхъ ему датскимъ правительствомъ инструкцій, и что Англія и Пруссія не могутъ болѣе считать войска, которыми командуетъ принцъ Гессенскій, такъ сказать, датскими, а не русскими. Эллiотъ поэтому требовалъ немедленнаго прекращенія военныхъ операцій датчанъ, выставляя на видъ, что, въ противномъ случаѣ, Пруссія и Англія сдѣлаютъ нападеніе на Данію. Такимъ образомъ, принцъ Гессенскій долженъ былъ заключить перемиріе, и Данія съ тѣхъ поръ оставалась нейтральною, такъ что Россія съ этой стороны не могла разсчитывать на поддержку противъ Густава. Обрадованный король писалъ Стединку: «Мы избавились отъ датчанъ: ихъ нападеніе послужило лишь къ возбужденію національнаго чувства и къ собиранію войска, совершенно покорно подчиняющагося моей волѣ»[1]).

Екатерина была крайне раздражена образомъ дѣйствій Даніи. Считая заключеніе перемирія какъ бы нарушеніемъ датско-русскаго договора, она сказала, что Россія никогда не поступила бы столь недобросовѣстно со своими союзниками безъ ихъ согласія. Въ то же время она дала знать прусскому двору, что нападеніе на Данію сочтется ею равносильнымъ объявленію войны Россіи. Въ Данію былъ отправленъ чрезвычайный дипломатическій агентъ Нумзенъ, съ цѣлью побудить эту державу къ возобновленію военныхъ дѣйствій противъ Швеціи. Успѣха не было: Данія оставалась нейтральною.

Благодаря такому обороту дѣлъ, положеніе короля Густава въ Швеціи совершенно измѣнилось. Не даромъ современники ожидали отъ занятія Готенбурга датчанами неминуемой катастрофы монархическаго начала въ Швеціи. Король въ этомъ случаѣ непремѣнно лишился-бы плодовъ государственнаго переворота 1772 года. Теперь же все измѣнилось въ пользу короля. Нападеніе датчанъ возбудило въ Швеціи національное чувство и патріотизмъ. Не даромъ Густавъ въ Финляндіи, во время крайней опасности, грозившей ему со стороны дворянъ-офицеровъ, при полученіи извѣстія о нападеніи Датчанъ на Швецію, указывалъ на это событіе, какъ на средство спасенія королевской власти[2]).

---

[1]) См. мою монографію «Dänemarks Neutralität im schwedisch-russischen Kriege im Jahre 1788», въ журналѣ «Baltische Monatsschrift». Neue Folge, II, 361—372.

[2]) Geffroy, l. c. 665. Horft, «Gesch. d. letzten schwedisch-russischen Krieges», Frankfurt a. M. 1792. 112.

Спускъ корабля на Невѣ въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ рисунка прошлаго вѣка Петерсона. (Изъ собраній П. Я. Дашкова).

При совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ происходили, зимою 1788—89 г., засѣданія сейма въ Стокгольмѣ. Королю удалось путемъ второго государственнаго переворота обезпечить монархическое начало въ Швеціи. Благодаря заявленіямъ общественнаго мнѣнія, король, какъ бы въ качествѣ диктатора, могъ съ свѣжими силами продолжать борьбу противъ Россіи.

Такимъ образомъ, Екатерина, къ концу 1788 года, не смотря на цѣлый рядъ успѣховъ русскаго оружія, находилась въ нѣсколько затруднительномъ положеніи. Взятіе Очакова, побѣды русскаго флота надъ турецкимъ, гохландская битва, образованіе конфедераціи въ Аньяла — все это не имѣло большого значенія, если бы къ прежнимъ противникамъ Россіи, Портѣ и Швеціи, присоединились новые непріятели. И на югѣ, и на сѣверѣ, Екатерина не безъ раздраженія встрѣчала противодѣйствіе англійскаго и прусскаго кабинетовъ. Трудно было предвидѣть, до чего могли дойти размѣры борьбы при столкновеніи съ этими державами.

ГЛАВА VIII.

Англія. Пруссія. Окончаніе шведской и турецкой войнъ.

Англія.

Дружескія отношенія Россіи къ Англіи во время первой турецкой войны имѣли весьма важное значеніе для успѣшныхъ военныхъ операцій противъ Порты. Интересы Россіи и Англіи въ продолженіе нѣкотораго времени шли рука объ руку. Въ 1766 году, между обоими государствами былъ заключенъ торговый союзъ. Непріязнь между Франціею и Англіею представляла собою такую же выгоду, какую заключала въ себѣ вражда между Австріею и Россіею въ первое время царствованія Екатерины [1]).

Россія также могла быть довольна англо-французскою войною во время борьбы за независимость англоамериканскихъ колоній. Чѣмъ болѣе Англія была занята дѣлами на отдаленномъ западѣ, тѣмъ менѣе можно было ожидать, что она станетъ препятствовать расширенію могущества Россіи на

---

[1]) См. частности объ отношеніи Россіи къ Англіи у Соловьева, XXV, 230 и слѣд., 374 и слѣд.; XXVI, 110 и слѣд., 200 и слѣд.; XXVII, 221 и слѣд., 321 и слѣд.; XXVIII, 102 и слѣд., 202 и слѣд., 327 и слѣд., 412 и слѣд.; XXIX, 65 и слѣд., 85 и слѣд.

востокѣ. Мало того: Англія надѣялась, что Россія предоставитъ ей вспомогательныя войска для войны въ Америкѣ; однако, Екатерина, въ письмѣ къ королю Георгу III, отказала въ исполненіи этой просьбы.

Неоднократно Екатерина весьма рѣзко осуждала слабость англійскаго правительства, не бывшаго въ состояніи удержать за собою всѣ колоніи въ Америкѣ и не успѣвшаго наказать «мятежниковъ». Вообще, говоря съ презрѣніемъ о «суконщикахъ»,— такъ она въ это время любила называть англійское правительство — объ ошибкахъ, сдѣланныхъ англійскимъ кабинетомъ, объ англо-французской войнѣ, въ которой воюющія партіи, по ея мнѣнію, надѣлали множество «глупостей», о неспособности короля Георга III и пр., императрица не понимала, какимъ образомъ Англія могла помириться съ мыслію о потерѣ столь важныхъ провинцій, какъ англо-американскія колоніи [1]). Когда, въ 1787 году, во время путешествія въ Крымъ, англійскій дипломатъ Фицъ-Гербертъ въ присутствіи императрицы объяснялъ Сегюру, что потеря американскихъ колоній не только не можетъ считаться ущербомъ для могущества Англіи, но даже окажется выгодою для этой державы, Екатерина удивлялась тому, что благоразумный и осмотрительный дипломатъ могъ высказать мнѣніе, которое ей казалось нелѣпостью [2]). Подобныя замѣчанія встрѣчаются въ письмахъ императрицы къ г-жѣ Бьельке и другимъ лицамъ [3]).

При всемъ томъ, однако, Екатерина не хотѣла заступиться за Англію въ борьбѣ за американскія колоніи. Критикуя рѣзко и строго образъ дѣйствій короля Георга и его министровъ, императрица не считала выгоднымъ для себя и для Россіи вмѣшаться въ дѣла Англіи. Благодаря такому равнодушію Россіи, въ отношеніяхъ ея къ Англіи произошло нѣкоторое охлажденіе. Новый англійскій посолъ, Геррисъ, прибывшій въ Россію въ концѣ 1777 года, вслѣдствіе этого очутился въ нѣсколько затруднительномъ положеніи. Его старанія склонить Россію къ заключенію оборонительнаго и наступательнаго союза оставались тщетными. Столь же неуспѣшными были старанія вооружить императрицу противъ Франціи; Екатерина, высоко цѣнившая необычайныя способности англійскаго дипломата и любившая бесѣдовать съ нимъ о разныхъ предметахъ, оставалась равнодушною къ интересамъ Англіи. Между

---

[1]) См. ея письма къ Гримму, въ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 92, 149, 191, 224, 395.
[2]) Ségur, Mémoires, III, 229, 230.
[3]) «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 44, 147, 154.

обѣими державами даже возникли недоразумѣнія по поводу произвольныхъ дѣйствій англійскихъ каперовъ относительно русскихъ торговыхъ судовъ [1]).

Въ Петербургѣ господствовало убѣжденіе, что Англія гораздо болѣе нуждалась въ Россіи, чѣмъ Россія въ Англіи. Не даромъ Геррисъ въ одномъ изъ своихъ донесеній сравнивалъ дружбу Россіи съ суровымъ климатомъ этой страны; не даромъ онъ жаловался на несоотвѣтствіе между любезнымъ обращеніемъ съ нимъ императрицы и невниманіемъ русскаго правительства къ интересамъ Англіи [2]), Екатерина не хотѣла взять на себя посредничества между Франціею и Испаніею съ одной стороны и Англіею съ другой. На этотъ счетъ императрица вполнѣ раздѣляла мнѣніе Панина, тогда какъ Орловъ и Потемкинъ изъявляли готовность дѣйствовать въ пользу Англіи [3]).

Холодность отношеній между Англіею и Россіею не могла не усилиться, вслѣдствіе объявленія нѣкоторыхъ правилъ о вооруженномъ нейтралитетѣ, сдѣланнаго русскимъ правительствомъ въ 1780 году. Екатерина имѣла въ виду обезпечить права и интересы русскихъ купцовъ и мореплавателей, пострадавшихъ неоднократно во время войны между Англіею, Франціею и Испаніею. Точнымъ опредѣленіемъ правъ нейтральныхъ державъ императрица оказала человѣчеству существенную услугу въ области международнаго права.

Мысль о вооруженномъ нейтралитетѣ не принадлежала исключительно Екатеринѣ. Многіе государственные люди, желавшіе положить конецъ произволу и насилію со стороны воюющихъ державъ въ отношеніи къ судамъ и товарамъ нейтральныхъ націй, занимались рѣшеніемъ этого вопроса. Верженнъ, Густавъ III, Фридрихъ II, датскій министръ Бернсторфъ составляли разные проекты для достиженія этой цѣли. Въ Россіи то Панинъ, то Екатерина, то Бакунинъ, то Безбородко, считались виновниками деклараціи о вооруженномъ нейтралитетѣ. Сама Екатерина приписывала себѣ важнѣйшую долю въ рѣшеніи этого вопроса [4]). По поводу замѣчанія въ сочиненіи Денины, что соглашеніе о вооруженномъ нейтралитетѣ было придумано прусскимъ королемъ еще въ 1744 году,

---

[1]) Соловьевъ, XXIX, 299—301.

[2]) Harris (Malmesbury), Diaries I, 197.

[3]) Тамъ-же, I, 533. Arneth, «Joseph und Katharina», 31, 33, 35, 49.

[4]) Carl Bergbohm, «Die Bewaffnete Neutralität 1780—83». Berlin 1884 — гдѣ особенно подробно разобранъ вопросъ о долѣ участія Бернсторфа, Панина и Екатерины въ этомъ дѣлѣ.

Графъ А. А. Безбородко.

Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета, писаннаго Лампи.

Екатерина писала: «Это неправда; вооруженный нейтралитетъ родился въ головѣ Екатерины II и ни въ чьей другой. Графъ Безбородко можетъ засвидѣтельствовать, что въ одно утро мысль эта была высказана императрицею какъ будто по внезапному вдохновенію. Графъ Панинъ не хотѣлъ о ней слышать, потому что она принадлежала не ему, и потребовалось много труда уломать его. Разработка поручена была Бакунину, и напослѣдокъ онъ занялся ею»[1]).

Дѣйствительно, по новѣйшимъ источникамъ оказывается, что Безбородко и Бакунинъ занимались приведеніемъ въ исполненіе проекта Екатерины, причемъ, впрочемъ, были заимствованы мысли графа Бернсторфа, формулированныя имъ уже въ 1778 году[2]). Нѣтъ сомнѣнія, что инціатива въ примѣненіи къ практикѣ этихъ мыслей принадлежала Екатеринѣ, хотя, впрочемъ, при исполненіи проекта, Панинъ успѣлъ дать всему дѣлу оборотъ, направленный противъ Англіи[3]).

Не безъ удовольствія Екатерина писала барону Гримму объ этой деклараціи, какъ о единственномъ средствѣ избавиться отъ насилія воюющихъ державъ, не щадившихъ интересовъ торговли и судоходства нейтральныхъ націй[4]). Фридрихъ II писалъ Екатеринѣ: «Между столькими чудесами, которыми ознаменовано царствованіе вашего императорскаго величества, нельзя считать послѣднимъ обнародованіе морского устава, защищающаго торговлю отъ всякаго хищничества на морѣ. И та, которая дала столь мудрые законы величайшей монархіи въ Европѣ, могла съ тѣмъ же правомъ предписать ихъ царству морей»[5]).

Въ какой степени декларація о вооруженномъ нейтралитетѣ не понравилась англичанамъ, видно изъ донесеній Герриса. Онъ неоднократно бесѣдовалъ объ этомъ предметѣ съ Панинымъ и не безъ удовольствія указывалъ на то обстоятельство, что адмиралъ Грейгъ рѣшительно высказался противъ новаго постановленія о правахъ нейтральныхъ державъ. Геррисъ порицалъ высокомѣріе императрицы, считавшей себя законодательницею всего міра. Въ бесѣдѣ съ Екатериною англійскій дипломатъ тщетно добивался того, чтобы новыя постановленія не получили общаго примѣненія ко всѣмъ народамъ. Екатерина настаивала на своемъ и превра-

---

[1]) «Русскій Архивъ» 1878, II, 290.

[2]) «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 64—65, 329, 331. Bergbohm, 134.

[3]) Bergbohm, 239.

[4]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 174.

[5]) Тамъ-же, XX, 392—393.

тила временную мѣру въ постоянное учрежденіе международнаго права [1]). Немного спустя, она требовала отъ Англіи формальнаго признанія устава о нейтралитетѣ, въ возмездіе за посредничество Россіи при окончаніи борьбы между Англіею и Голландіею [2]). Напрасно Геррисъ въ своихъ донесеніяхъ жаловался на образъ дѣйствій Россіи, не вполнѣ согласный съ поступками русскихъ каперовъ во время первой турецкой войны, указывалъ на несовмѣстность понятія о вооруженіи съ понятіемъ о нейтралитетѣ и пр. [3]),—новое учрежденіе было признано и принято всѣми державами, что содѣйствовало усиленію значенія Россіи въ Европѣ.

Ударъ, нанесенный Екатериною Англіи, оказался чувствительнымъ. Вскорѣ послѣ этой декларація о нейтралитетѣ послѣдовало сближеніе между Франціею и Россіею. Благодаря стараніямъ Сегюра, между обѣими державами былъ заключенъ торговый договоръ. Все это не могло не породить нѣкоторой натянутости отношеній между Россіею и Англіею.

Пруссія.

Перемѣна во внѣшней политикѣ Россіи, происшедшая въ 1780 году, нанесла рѣшительный ударъ отношеніямъ Россіи къ Пруссіи. Переписка между Фридрихомъ и Екатериною вскорѣ прекратилась. При преемникѣ Фридриха II, королѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ II, отношенія между Россіею и Пруссіею становились все болѣе и болѣе холодными и натянутыми.

Мы видѣли выше, какъ невысоко цѣнила императрица способности новаго государя Пруссіи. Въ ея письмахъ къ барону Гримму встрѣчается цѣлый рядъ колкостей и насмѣшекъ, предметомъ которыхъ былъ король Фридрихъ Вильгельмъ II. Называя его «frère Gu» (Guillaume), а короля англійскаго «frère Ge» (George), Екатерина смѣялась надъ союзомъ между обоими государями; она придумала особые термины для обозначенія такой дружбы: «gegu» и «geguisme» и т. п. [4]).

Особенно, начиная съ 1787 года, становилось замѣтнымъ враждебное отношеніе Пруссіи къ Россіи. Въ своихъ письмахъ къ

[1]) Harris, I, 284 и слѣд., 448.
[2]) Тамъ-же, I, 482.
[3]) Тамъ-же, I, 486, 502; II, 28, 39.
[4]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 384, 431, 434.

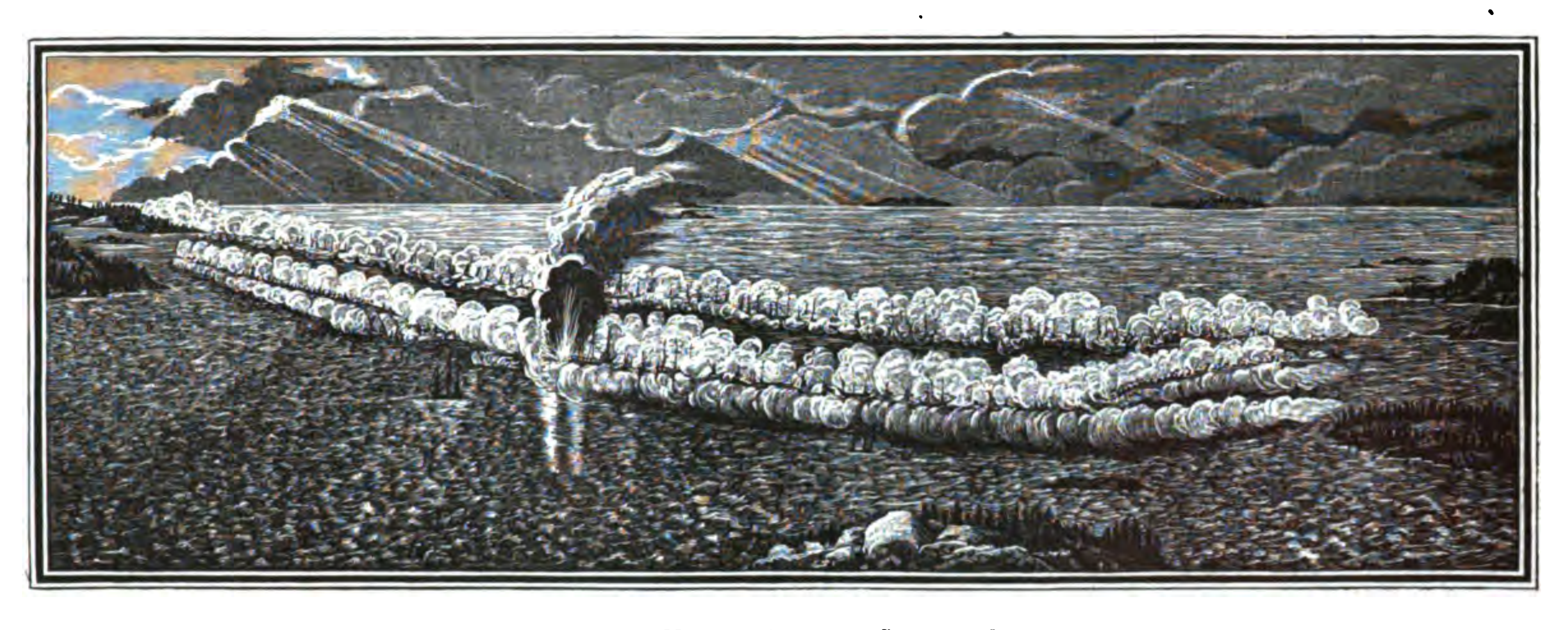
Потемкину Екатерина весьма часто жаловалась на козни Фридриха Вильгельма II и Англіи, между тѣмъ какъ Потемкинъ постоянно говорилъ о необходимости сохраненія дружескихъ сношеній съ обѣими державами [1]). Понятно, что вмѣшательство Пруссіи и Англіи въ турецкія и шведскія дѣла раздражало императрицу. Ей хорошо было извѣстно, что Густавъ III взялся за оружіе въ надеждѣ на помощь Пруссіи и Англіи. Въ видахъ спасенія Турціи, берлинскій и лондонскій кабинеты одобряли нападеніе шведскаго короля на Россію. Англійскій дипломатъ въ Берлинѣ, Элліотъ, прямо указывалъ на необходимость положить конецъ постоянному развитію могущества Россіи [2]). Заступничеству Пруссіи и Англіи Густавъ III былъ обязанъ скорымъ окончаніемъ шведско-датской войны.

Письма Екатерины къ Потемкину свидѣтельствуютъ о сильномъ раздраженіи императрицы. Порою она ожидала разрыва съ Пруссіею. Также и въ письмахъ къ императору Іосифу она жаловалась на интриги прусскихъ дипломатовъ въ Константинополѣ и Польшѣ, на насиліе въ обращеніи Англіи и Пруссіи съ Даніею и пр. И Безбородко въ письмѣ къ Воронцову, указывая на то, что прусскій король считаетъ себя диктаторомъ, полагалъ необходимымъ обращаться съ Пруссіей твердо и рѣшительно, хотя Потемкинъ совѣтовалъ дѣйствовать крайне осторожно и избѣгать поводовъ къ оскорбленію прусскаго короля [3]).

Совмѣстныя дѣйствія Англіи и Пруссіи легко могли сдѣлаться роковыми для Россіи. Продолженіе шведской и турецкой войнъ требовало крайняго напряженія силъ; при всеобщемъ утомленіи и истощеніи страны, при разстройствѣ финансовъ, было тяжело думать о возможности разрыва съ Пруссіею. Екатерина считала какъ бы личными своими врагами и прусскаго короля Фридриха Вильгельма II, и англійскаго министра Питта. Послѣдній объявилъ рѣшительно и ясно, что интересы Англіи и Пруссіи требуютъ ограниченія власти и вліянія Россіи. Пруссія заступалась за Швецію и препятствовала усиленію вліянія Россіи въ Польшѣ; Питтъ старался принять мѣры для спасенія Турціи отъ чрезмѣрнаго перевѣса Австріи и Россіи [4]). При столь затруднительныхъ обстоятельствахъ Россія должна была продолжать и окончить шведскую и турецкую войну.

---

[1]) См., напр., «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 446.
[2]) «Gustaf tredje's efterlemnade Pappers» III, 204—206.
[3]) «Сб. Ист. Общ.», XXXVI, 407. «Русскій Архивъ» 1873, 1686.
[4]) Ranke, XXXI, 337 и слѣд.

Морская битва при Свенкзундѣ.

Съ весьма рѣдкой шведской гравюры прошлаго столѣтія Сильберга. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Шведская война 1789 и 1790 гг.

Военныя дѣйствія Россіи противъ Швеціи въ 1789 году начались довольно удачно. Русскимъ войскамъ удалось занять нѣкоторыя важныя мѣста въ южной Финляндіи. Такъ, напримѣръ, уже весною 1789 года былъ взятъ городъ Христина. Зато извѣстіе о неблагопріятномъ исходѣ схватки русскихъ и шведскихъ войскъ при Киро, или Паросальми, до того поразило императрицу, что она замѣтила: «Двадцать семь лѣтъ такого извѣстія не получала»[1]). Глубокое впечатлѣніе, произведенное этимъ маловажнымъ событіемъ, свидѣтельствуетъ объ утомленіи и разстройствѣ Екатерины.

Болѣе важныя встрѣчи происходили на морѣ, гдѣ онѣ начались успѣшными дѣйствіями сооруженнаго въ послѣднее время галернаго флота. Екатерина посвящала этому предмету особенное вниманіе и назначила главнокомандующимъ галернымъ флотомъ принца Нассау-Зигена, весьма успѣшно сражавшагося въ 1788 г. съ турецкимъ флотомъ въ Днѣпровскомъ лиманѣ. 14 — 25 іюля произошло между Борнгольмомъ и берегами Швеціи столкновеніе русскаго флота, которымъ командовалъ Чичаговъ, съ шведскимъ; сраженіе не имѣло рѣшительнаго исхода. Зато главнокомандующему галернымъ флотомъ, принцу Нассау-Зигену, удалось разбить шведскій галерный флотъ при Свенкзундѣ или Рочензальмѣ (13 — 24 августа). Екатерина сравнивала эту побѣду съ Чесменскою битвою. Она сообщила Гримму и Циммерманну объ этомъ событіи, нарочно отправивъ свои письма по обыкновенной почтѣ съ цѣлью, чтобы они распечатывались и читались на дорогѣ[2]).

По поводу этого морского сраженія, по внушенію Густава, въ «Hamburger Zeitung» былъ напечатанъ разсказъ, несоотвѣтствовавшій истинѣ. Екатерина собственноручно составила возраженіе на эту статью. Она смѣялась надъ королемъ, замѣчая: «La Majesté Gustavienne ударилась въ бѣгство, какъ собака, которую прогнали изъ кухни»[3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, императрица выразила надежду, что при столь успѣшныхъ дѣйствіяхъ русскаго оружія можно разсчитывать на скорое окончаніе войны[4]).

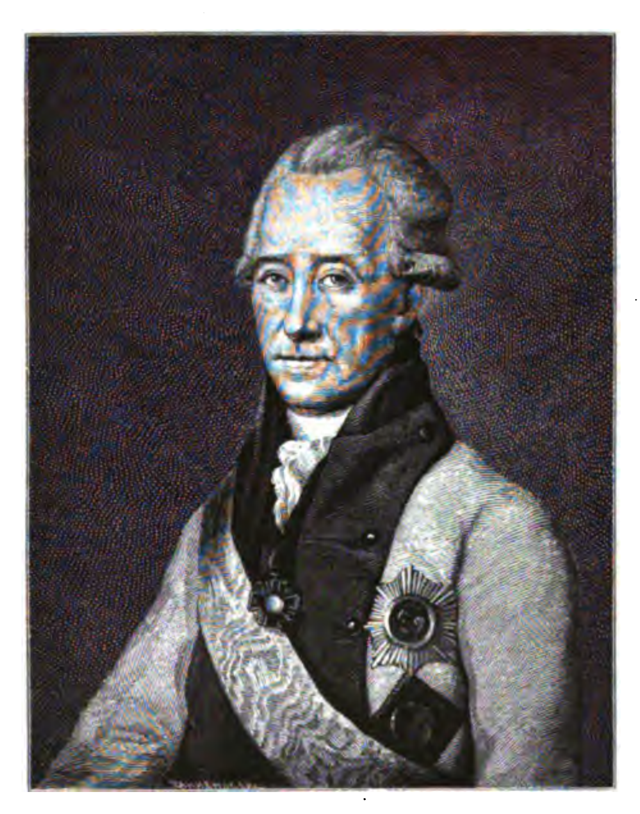
[1]) Храповицкій, 9 іюня 1789 года.

[2]) Тамъ-же, 17 авг. 1789 г.

[3]) «Русская Старина», VIII, 879.

[4]) Зап. Гарновскаго въ «Русской Старинѣ», XVI, 412.

Однако, дальнѣйшихъ успѣховъ въ теченіе 1789 года не было. Екатерина была весьма недовольна бездѣйствіемъ командующаго сухопутными войсками, Мусина-Пушкина. Для достиженія мира, въ которомъ сильно нуждалась Россія, нужны были дальнѣйшія побѣды. Турція разсчитывала на помощь Швеціи; Пруссія желала ограниченія могущества Россіи; Англія поддерживала султана;

Адмиралъ В. Я. Чичаговъ.

Съ портрета, принадлежащаго Императорскому Эрмитажу.

Польша надѣялась воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ, въ которомъ находилась Россія, для соединенія съ Пруссіею и Швеціею противъ опаснаго сосѣда; Австрія была занята вспыхнувшей революціею въ Нидерландахъ, и къ тому же продолжала дѣйствовать крайне неудачно въ турецкой войнѣ; Данія не имѣла возможности оказать услуги Россіи въ качествѣ ея союзницы. Такимъ образомъ, Россія стояла одиноко. Не даромъ Безбородко

въ это время, въ письмахъ къ разнымъ лицамъ, указывалъ на чрезвычайно затруднительныя обстоятельства, въ которыхъ находилась Россія, на растройство финансовъ, на недостатки въ административномъ организмѣ, и пр.

Изъ записокъ графа Сегюра видно, въ какой мѣрѣ Англія и Пруссія были довольны тѣмъ, что война Россіи съ Швеціею и Турціею затягивались. Порою, эти державы предлагали свои добрыя услуги, но въ то же время постоянно старались сѣять раздоръ между воюющими державами.[1]). Екатерина зорко слѣдила за образомъ дѣйствій обѣихъ державъ, и поэтому руководствовалась правилами крайней осторожности [2]). Потемкину она писала: «Каковы цесарцы бы ни были и какова ни есть отъ нихъ тягость, но оная будетъ несравненно менѣе всегда, нежели прусская, которая сопряжена со всѣмъ тѣмъ, что въ свѣтѣ можетъ только быть придумано, поноснымъ и несноснымъ. Мы пруссаковъ ласкаемъ; но каково на сердцѣ терпѣть ихъ грубости и ругательствомъ наполненныя слова и дѣла!» Въ одной изъ записокъ императрицы, относящихся къ этому времени, читаемъ слѣдующія слова: «Молю Всевышняго, да отмститъ пруссаку гордость. Въ 1762 году я его дядюшкѣ возвратила Пруссію и часть Помераніи, что не исчезнетъ въ моей памяти. Не забуду и то, что двухъ нашихъ союзниковъ онъ же привелъ въ недѣйствіе, что со врагами нашими заключилъ союзъ, что шведамъ давалъ денегъ и что съ нами имѣлъ грубые и неприлично повелительныя переписки. Будетъ и на нашу улицу праздникъ авось либо!» [3]).

Въ это время считали возможнымъ нападеніе Пруссіи на остзейскія провинціи, что могло имѣть роковыя послѣдствія. «Теперь мы въ кризисѣ», сказала Екатерина 24 декабря 1789 года, «или миръ, или тройная война, т. е. съ Пруссіею»; а 31 декабря: «Теперь кризисъ; пруссаки мѣшаютъ миру и готовы начать войну съ нами и съ императоромъ; всѣ державы въ ферментаціи, одна Гишпанія спокойна», и пр.[4]).

Когда Пруссія, въ началѣ 1790 года, обратилась къ императрицѣ съ вопросомъ объ условіяхъ, на которыхъ она хотѣла бы заключить миръ, русское правительство заявило о слѣдующихъ требованіяхъ: Швеція и Турція должны объявить, что начали войну безъ причины; о турецкихъ дѣлахъ должно тракто-

[1]) Ségur, Mémoires, III, 426.
[2]) Тамъ-же, III, 430 и слѣд.
[3]) Соловьевъ, «Паденіе Польши», 200.
[4]) Храповицкій.

Принцъ Нассау-Зигенъ.

Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія.

вать особо отъ шведскихъ; въ Швеціи должно быть возстановлено государственное право, существовавшее тамъ до 1772 года, и т. п.[1]). Понятно, что Густавъ III не могъ и думать о сложеніи оружія. Онъ началъ войну для обезпеченія результатовъ государственнаго переворота 1772 года, и потому не могъ согласиться на подобныя условія мира.

Екатерина, ожидавшая съ часу на часъ нападенія Пруссіи, писала Потемкину 13 мая 1790 года: «Мучитъ меня теперь несказано, что подъ Ригою полковъ не въ довольномъ числѣ для защищенія Лифляндіи отъ прусскихъ и польскихъ набѣговъ, коихъ теперь почти ежечасно ожидать надлежитъ. Король шведскій мечется всюду, какъ угорѣлая кошка. Долго ли сіе будетъ, не вѣдаю; только то знаю, что одна премудрость Божія и его всесильныя чудеса могутъ всему сему сотворить благой конецъ. Странно, что воюющіе всѣ хотятъ и имъ нуженъ миръ. Шведы же и турки дерутся въ угодность врага нашего скрытнаго, новаго европейскаго диктатора (короля прусскаго), который вздумалъ отнимать и даровать провинціи, какъ ему угодно: Лифляндію посулилъ съ Финляндіею шведамъ, а Галицію полякамъ» и пр.[2]).

Такимъ образомъ, Россія должна была готовиться къ третьей кампаніи противъ Швеціи. Война требовала крайняго напряженія силъ и средствъ.

Походъ 1790 года начался занятіемъ шведами Балтійскаго Порта, 6 (17) марта, который они, впрочемъ, очистили опять по истеченіи нѣсколькихъ часовъ. Извѣстіе объ этомъ эпизодѣ, хотя и оставшемся безъ послѣдствій, произвело сильное впечатлѣніе въ Петербургѣ[3]). Въ Финляндіи русскія войска дрались неуспѣшно и были разбиты въ разныхъ мелкихъ стычкахъ. Озабоченная всѣмъ этимъ, императрица искала утѣшенія въ чтеніи и научныхъ занятіяхъ[4]). Впрочемъ, рѣшительныхъ дѣйствій не происходило. Въ лагерѣ шведовъ возникъ планъ обойти крѣпости Фридрихсгамъ, Выборгъ, Вильманштрандъ, Нишлотъ, идти прямо на Петербургъ и занятіемъ столицы принудить Екатерину къ заключенію мира.

Въ Петербургѣ узнали о намѣреніяхъ шведовъ и сильно безпокоились. Ходили слухи о сильномъ вооруженіи шведовъ на

---

[1]) Herrmann, VI, 270.
[2]) Соловьевъ, «Паденіе Польши», 201.
[3]) См. статью Винемана въ «Russ. Revue», V, 40—90.
[4]) Храповицкій, 27 апрѣля, 1790.

морѣ. Храповицкій писалъ 3 мая 1790 года: «Шведскій корабельный флотъ въ 26 парусахъ подходитъ къ Чичагову, на Ревельской рейдѣ стоящему. Великое безпокойство. Почти ночь не спали (т. е. Екатерина не спала). Графъ Безбородко плакалъ».

На другой день было получено извѣстіе о побѣдѣ, одержанной Чичаговымъ надъ шведами у Ревеля. Обрадованная этимъ событіемъ Екатерина назвала его въ письмѣ къ Павлу и Маріи «веліе чудо Божіе»[1]).

Памятникъ въ Рыбацкой слободѣ, близъ Петербурга, поставленный Екатериною II въ память того, что въ войну съ Швеціей, въ 1789 г., жители этой слободы добровольно поставили по одному рекруту съ четырехъ человѣкъ.

Съ гравюры прошлаго столѣтія.

Однако, побѣда Чичагова не устранила опасности, грозившей столицѣ. Шведскій флотъ приближался къ Кронштадту. Когда, однажды, въ одномъ изъ предмѣстій Петербурга случился нечаянно взрывъ запаса пороха, испуганная публика думала, что шведы находятся уже въ городѣ[2]). Во время морской битвы

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XV, 167.
[2]) «Русская Старина», XVI, 431.

при Сейскарѣ (23—24 мая) громъ пушекъ былъ слышенъ въ Петербургѣ. Безпокойство достигло высшихъ предѣловъ. Ходили разные слухи объ исходѣ битвы. Соединеніе эскадръ подъ командою Крузе и Чичагова на этотъ разъ отклонило опасность, грозившую столицѣ. Шведскій флотъ удалился въ Выборгскую бухту, гдѣ оставался нѣкоторое время блокированный русскимъ флотомъ. Екатерина въ крайнемъ волненіи слѣдила за движеніями эскадръ. Нассау-Зигенъ съ галернымъ флотомъ успѣлъ присоединиться къ эскадрамъ Крузе и Чичагова. Положеніе шведовъ внезапно сдѣлалось отчаяннымъ. Они такъ тѣсно были окружены русскими кораблями и войсками, что Екатерина отправила судно съ съѣстными припасами и прѣсною водою для короля Густава III, а Нассау-Зигенъ сдѣлалъ ему предложеніе сдаться на капитуляцію. Густавъ во что бы то ни стало долженъ былъ пробить себѣ дорогу изъ Выборгской бухты: шведскій флотъ не безъ громадной потери проложилъ себѣ путь черезъ густой строй русскихъ кораблей и галерныхъ судовъ. Это событіе могло считаться равносильнымъ блестящей побѣдѣ, одержанной надъ шведами, которые потеряли: убитыми, раненными и взятыми въ плѣнъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, семь линейныхъ кораблей, два фрегата и множество мелкихъ судовъ.

Тяжелый ударъ, нанесенный королю Густаву, произвелъ сильное впечатлѣніе на современниковъ. Въ Лондонѣ, тотчасъ же по полученіи извѣстія объ этомъ событіи, собралась конференція министровъ; въ Стокгольмѣ происходили совѣщанія представителей дипломатическаго корпуса; англійскій посланникъ Робертъ Листонъ изъявилъ готовность отправиться въ Петербургъ для открытія переговоровъ о мирѣ [1]). Возникла мысль о переводѣ Стокгольмскаго банка въ другой городъ и объ удаленіи всѣхъ драгоцѣнныхъ предметовъ изъ шведской столицы [2]).

Можно было ожидать новаго столкновенія между шведскимъ и русскимъ флотами при Свенкзундѣ, куда удалились шведы. Отъ исхода этой битвы могла зависѣть судьба короля и Швеціи. Второе пораженіе могло повлечь за собою полную катастрофу Густава.

На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ были разбиты шведы, въ августѣ 1789 года, принцемъ Нассау-Зигеномъ, онъ хотѣлъ 28 іюня 1790 г. —то была годовщина воцаренія Екатерины—нанести смертельный ударъ королю и его флоту.

---

[1]) Колотовъ, IV, 54.
[2]) Posselt, «Gustaf III», 461.

Вышло иначе. Русскіе были разбиты на голову. Ихъ потеря доходила до нѣсколькихъ тысячъ людей.

Не безъ труда Екатерина сохранила спокойствіе и присутствіе духа. Она писала Безбородкѣ, что должно слѣдовать примѣру Фридриха Великаго, никогда въ подобныхъ случаяхъ не предававшагося отчаянію. Когда Нассау просилъ отставки и возвратилъ императрицѣ всѣ свои ордена, она съумѣла ободрить и утѣшить его письмомъ, свидѣтельствующимъ о ея великодушіи

Суворовъ въ домашнемъ костюмѣ.

Съ рисунка конца прошлаго столѣтія. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

и мудрости. Здѣсь было сказано между прочимъ: «Боже мой, кто не имѣлъ большихъ неудачъ въ своей жизни? Величайшіе полководцы имѣли свои невзгоды. Покойный прусскій король былъ дѣйствительно великъ послѣ большой неудачи: тогда онъ снова являлся на сцену, болѣе нежели когда либо окруженный славою; всѣ считали все проиграннымъ, и въ то время онъ снова разбивалъ врага» и пр. [1]). Въ письмахъ къ Алексѣю Орлову и Голицыну Екатерина тоже выказываетъ необычайную твердость

[1]) «Сб. Ист. Общ.», I, 210—211.

и мужество. Зато въ письмѣ къ Потемкину сказано: «Дѣло съ гребною флотиліею мнѣ столь прискорбно, что послѣ разнесенія черноморскаго флота бурею ничто столько сердце мое не сокрушило, какъ сіе» [1]).

Теперь можно было думать о заключеніи мира. Широкіе планы короля Густава оказались неудобоосуществимыми. Неоднократно, въ продолженіе трехлѣтней борьбы, онъ выражалъ желаніе хотя бы однажды разбить русскихъ, чтобы затѣмъ имѣть возможность заключить миръ. Теперь этотъ благопріятный случай къ открытію переговоровъ представился. Король не могъ желать, чтобы будущность его зависѣла отъ морской битвы. Надежда на турецкія субсидіи оказалась тщетною; Пруссія вступила въ переговоры съ Леопольдомъ II; польскія смуты лишали Густава надежды на помощь со стороны Рѣчи Посполитой. Всѣ партіи въ Швеціи желали мира.

И Екатерина видѣла необходимость окончанія войны. Опасность, грозившая ей со стороны Англіи и Пруссіи, не прекращалась; польскія дѣла все болѣе и болѣе обращали на себя вниманіе императрицы; перемѣна на престолѣ въ Австріи не предвѣщала Россіи ничего хорошаго.

При посредствѣ испанскаго дипломата въ Петербургѣ, Гальвеса, начались переговоры. Игельстрёмъ въ качествѣ уполномоченнаго Россіи отправился въ Финляндію [2]). Переговоры продолжались четыре недѣли. Россія не хотѣла уступить Швеціи ни пяди земли и настаивала на томъ, чтобы въ мирномъ договорѣ не было упомянуто о Турціи. Зато обѣ договаривающіяся стороны устно выразили надежду на скорое возстановленіе мира между Россіею и Портою.

Миръ, заключенный въ Вереле (3 (14) августа), нисколько не измѣняя территоріальныхъ отношеній между Швеціею и Россіею, все таки заключалъ въ себѣ важную перемѣну. Россія не настаивала на гарантіи прежняго государственнаго права, о прежнихъ соглашеніяхъ по этому вопросу не было и помина. Такимъ образомъ, Густавъ III достигъ желанной цѣли — освобожденія отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Швеціи.

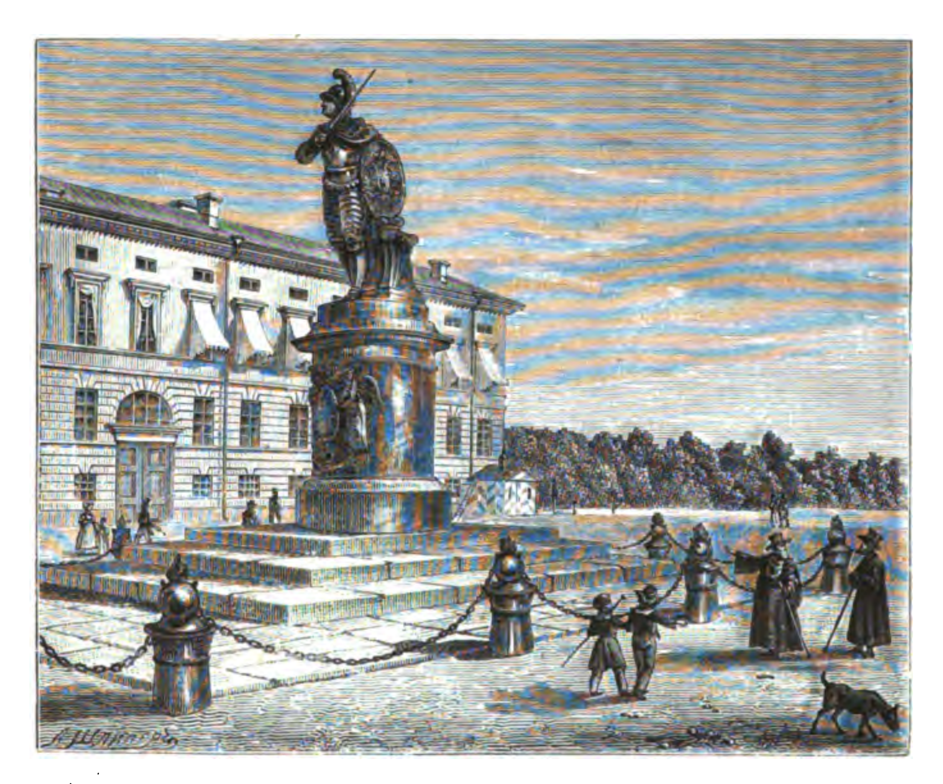
Извѣстіе о Верельскомъ мирѣ произвело неблагопріятное впечатлѣніе въ Лондонѣ и Берлинѣ. Шведскій посолъ въ Константинополѣ, при полученіи извѣстія о мирѣ, очутился въ неловкомъ

---

[1]) Соловьевъ, «Паденіе Польши», 202.

[2]) См. Письма и бумаги Екатерины, изд. Бычковымъ, 84—86.

положеніи. Тѣмъ довольнѣе была Екатерина, успѣвшая окончить войну безъ посредничества какой либо державы. Особенно рѣзко отзывалась она при этомъ случаѣ о Пруссіи. Въ ея письмѣ къ Потемкину сказано: «Одну лапу мы изъ грязи вытащили; какъ вытащимъ другую, то пропоемъ аллилуія». Потемкинъ писалъ, что сталъ спать спокойно съ тѣхъ поръ, какъ узналъ о мирѣ

Памятникъ Суворову въ Петербургѣ, на его первоначальномъ мѣстѣ.

Съ гравюры, приложенной къ „Панорамѣ С.-Петербурга“ Башуцкаго.

съ Швеціею; императрица отвѣчала: «Ты пишешь, что спокойно спишь съ тѣхъ поръ, что свѣдалъ о мирѣ со шведами; на сіе тебѣ скажу, что со мною случилось: мои платья все убавляли отъ самаго 1784 года, а въ сіи три недѣли начали узки становиться, такъ что скоро паки прибавить должно мѣру; я же гораздо веселѣе становлюсь» [1]).

---

[1]) Соловьевъ, «Паденіе Польши», 202.

Конечно, и личныя отношенія между Густавомъ и Екатериною тотчасъ же измѣнились къ лучшему. Храповицкій замѣчаетъ 6 августа: «Получено собственноручное письмо отъ короля шведскаго къ ея величеству; проситъ, по связи крови, возвратить къ нему amitié, забыть сію войну, какъ быстро пронесшуюся грозу». Екатерина въ бесѣдѣ съ Храповицкимъ замѣтила, что никогда не имѣла дружескаго расположенія къ королю. Въ отвѣтѣ послѣднему Екатерина упрекнула его въ томъ, что онъ оказался доступнымъ навѣтамъ недоброжелателей [1]). Отправляя въ Швецію посланникомъ Палена, Екатерина сказала ему, «чтобы имѣлъ глаза и уши, но самъ бы ни во что не вмѣшивался» [2]). Очевидно, императрица убѣдилась въ невозможности относиться къ Швеціи такъ, какъ она обращалась съ Польшею. Агитація русскихъ дипломатовъ въ Стокгольмѣ противъ монархической власти должна была прекратиться. Борьба противъ французской революціи на нѣкоторое время соединила потомъ Россію съ Швеціею, а немного спустя, въ царствованіе внука Екатерины, возобновилась между обѣими державами война изъ-за Финляндіи, окончившаяся въ пользу Россіи.

Турецкая война до Ясскаго мира.

Екатерина, въ 1787 году, начала военныя дѣйствія противъ Порты, питая надежду на осуществленіе широкихъ проектовъ. Походы 1787 и 1788 гг. доказали неудобоосуществимость этихъ плановъ. Неудачныя дѣйствія австрійцевъ, медленность военныхъ операцій Потемкина, давали императрицѣ понятіе о препятствіяхъ, съ которыми приходилось бороться при осуществленіи греческаго проекта. Надежды оживились лишь послѣ взятія Очакова, въ декабрѣ 1788 года.

Изъ нѣкоторыхъ замѣчаній Екатерины видно, что она все время не упускала изъ виду первоначальной цѣли. Такъ, напр., она сказала 21 апрѣля 1788 г.: «Надобно брать Очаковъ.... Молдавію и Валахію оставить независимою для будущей греческой имперіи подъ названіемъ Дакіи». Узнавъ о нѣкоторыхъ успѣхахъ извѣстнаго моряка Поля Джонса (Paul Jones), вступившаго въ

---

[1]) «Qu'il ne faut pas prêter l'oreille aux tracasseries».
[2]) Храповицкій, 25 сентября 1790 г.

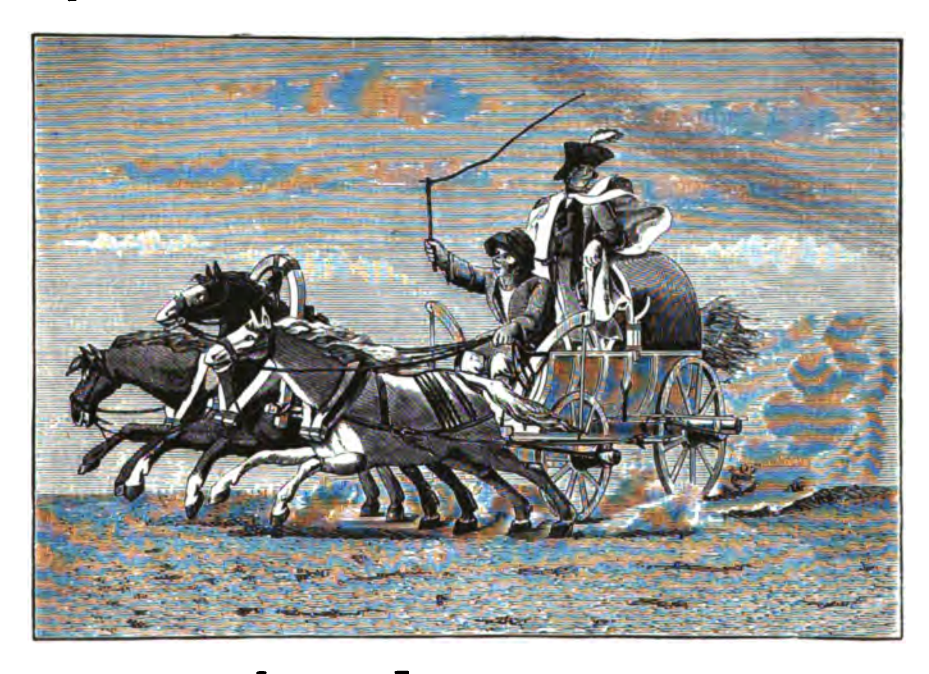
Оуворовъ.

Съ гравюры Уткина, сдѣланной съ портрета, писаннаго Шмидтомъ

русскую службу, Екатерина замѣтила: «Онъ проберется въ Константинополь».

7 іюня она говорила: «Франція, не формально зная о большомъ проектѣ нашемъ, готова согласиться съ нами, и требуетъ только, чтобъ ей все открыть; но теперь еще не время; довольно того, что, предузнавая намѣренія наши, съ нами соглашаются. Пусть турки пойдутъ, куда хотятъ. Греки могутъ составить монархію для Константина Павловича; и чего Европѣ опасаться?

Фельдъегерь Екатерининскаго времени.

Съ рисунка прошлаго столѣтія Гейслера.

ибо лучше имѣть въ сосѣдствѣ христіанскую державу, нежели варваровъ; да она и не будетъ страшна, раздѣлясь на части. Откроется коммерція при портѣ Византійскомъ, гдѣ неудобно уже быть столицѣ».

Около этого же времени, Густавъ III въ своемъ ультиматумѣ требовалъ, чтобы Россія возвратила Крымъ Портѣ и чтобы границы Турціи 1768 года были возстановлены.

Послѣ взятія Очакова, Екатерина стала мечтать объ осуществленіи своей любимой мысли. «Примѣтна въ ея величествѣ возрастающая надежда», пишетъ Храповицкій 17 декабря. — 26

января 1789 года Екатерина сказала о Потемкинѣ: «Онъ будетъ въ нынѣшнемъ году въ Царѣградѣ: о томъ только не вдругъ мнѣ скажите». 30 января, опять она говорила о возможности раздѣла Турціи, и даже съ согласія западныхъ державъ. «Дать куски Англіи и Франціи и Гишпаніи, а остатка довольно для великаго князя Константина Павловича, pour un cadet de la maison; зачѣмъ не быть обѣимъ отраслямъ въ такой связи, какъ дворы Бурбонскіе, т. е. Франція и Гишпанія». Когда Храповицкій, 27 апрѣля 1789 года, поздравилъ императрицу съ рожденіемъ великаго князя Константина Павловича, она сказала: «C'est un cadet de la maison; онъ долженъ искать карьеры; онъ ее найдетъ, увидите». 9 октября, Екатерина сказала о грекахъ: «Ихъ можно оживить. Константинъ мальчикъ хорошъ: онъ черезъ 30 лѣтъ изъ Севастополя проѣдетъ въ Царьградъ. Мы теперь рога ломаемъ, а тогда уже будутъ сломлены и для него легче». Такимъ образомъ, Екатерина не переставала думать и говорить о грекахъ. На островѣ Мальтѣ тоже дѣйствовалъ агентъ русскаго правительства. Гросмейстеру мальтійскаго ордена императрица подарила свой портретъ во весь ростъ. На немъ виднѣлась радуга, опиравшаяся однимъ концомъ на Крымъ, а другимъ на островъ Мальту [1]).

Осуществленіе проектовъ Екатерины зависѣло главнымъ образомъ отъ успѣха русскаго оружія. Не даромъ поэтому она была раздражена неудачею австрійцевъ. Между главнокомандующими русской и австрійской армій происходили разныя недоразумѣнія. Однако, Румянцевъ и герцогъ Кобургскій, въ сентябрѣ 1788 года, заняли Хотинъ. Затѣмъ, военныя операціи остановились на нѣкоторое время. Принцъ де-Линь горько жаловался на бездѣйствіе Румянцева.

Взятіе Очакова не могло не возбудить опасеній Пруссіи и Англіи относительно дальнѣйшей судьбы Турціи. Эти державы начали думать объ участіи въ войнѣ ради спасенія Порты. Россіи грозила опасность со стороны новыхъ противниковъ. Въ то же время приходилось не упускать изъ виду поляковъ, на которыхъ началъ дѣйствовать весьма энергично прусскій министръ Герцбергъ. Россія не имѣла союзниковъ. На Францію, при начавшемся въ этомъ государствѣ кризисѣ, нельзя было разсчитывать. Весною 1789 года, возникла мысль, принимая во вниманіе нерасположеніе Англіи и Пруссіи, заключить миръ съ Портою при посредничествѣ Франціи, однако вскорѣ событія революціи лишили эту державу

---

[1]) Колотовъ, IV, 83.

Побѣда при Фокшанахъ.

Встрѣча Суворова съ принцемъ Кобургскимъ.

Съ гравюры прошлаго столѣтія Кюфнера.

возможности вообще участвовать въ обще-европейскихъ дипломатическихъ дѣлахъ.

Весьма рѣшительно Екатерина уклонялась отъ принятія добрыхъ услугъ Пруссіи. Герцбергъ, пожимая руку посланнику императрицы, Нессельроде, говорилъ: «Еслибы на насъ положились, то и Крымъ, и Очаковъ были бы ваши». Екатерина отмѣтила противъ донесенія Нессельроде: «Намѣстникъ Божій, вселенною распоряжающій: зазнались совершенно!»[1]). Между тѣмъ какъ Потемкинъ совѣтовалъ дѣйствовать крайне осторожно съ Пруссіею, Екатерина предпочитала оставаться вѣрною союзу съ Іосифомъ II. Она скорѣе была готова дѣлать уступки Турціи, чѣмъ Пруссіи[2]).

Въ кампанію 1789 года русскіе сражались успѣшно. Въ апрѣлѣ, Дерфельденъ разбилъ турокъ при Прутѣ и взялъ Галацъ. Такъ какъ турки намѣревались занять вновь Очаковъ, то лѣвый берегъ Дуная оставался главнымъ театромъ военныхъ дѣйствій. Суворовъ, соединившись съ принцемъ Кобургскимъ, 21 іюля (1 августа) нанесъ сильное пораженіе туркамъ при Фокшанахъ. Екатерина обрадовалась особенно тому обстоятельству, что въ этомъ подвигѣ австрійцы и русскіе дѣйствовали сообща. Она выразила надежду, что вслѣдствіе этого умолкнутъ слухи объ охлажденіи между Россіею и Австріею. Императрица плакала отъ радости при полученіи извѣстія о Фокшанской битвѣ[3]). Въ сентябрѣ турки были разбиты при Мартинештахъ на Рымникѣ; австрійцы заняли Бѣлградъ; Потемкинъ и Ангальтъ взяли Бендеры и Аккерманъ. Репнинъ, побѣдивъ турокъ при Исакчи, осаждалъ Измаилъ. Русскіе заняли турецкій фортъ Гаджибей, на мѣстѣ котораго былъ построенъ городъ Одесса. Потемкинъ въ Яссахъ началъ вести переговоры о мирѣ. И австрійцы дѣйствовали успѣшно; имъ удалось занять Семендрію, Пассаровичъ и другія мѣста. Екатерина была чрезвычайно довольна и особенно обрадовалась занятію Бендеръ, потому что этимъ успѣхомъ была обязана Потемкину[4]). Начали говорить о мирѣ. Освобожденный изъ плѣна Булгаковъ отправился къ Потемкину для совѣщаній объ условіяхъ мира. Турки изъявили готовность заключить перемиріе, однако имъ возразили, что Россія желаетъ или окончательнаго мира, или войны.

---

[1]) Соловьевъ, «Паденіе Польши», 196.
[2]) Herrmann, VI, 278 и слѣд.
[3]) Гарновскій, въ «Русской Старинѣ», XVI, 410.
[4]) «Русская Старина», XVII, 211—216.

Порта находилась въ весьма опасномъ положеніи. Можно было ожидать перенесенія театра военныхъ дѣйствій въ самую средину государства. Многое зависѣло отъ того, успѣютъ ли турецкія крѣпости на Дунаѣ удержать дальнѣйшее вторженіе русскихъ войскъ, или нѣтъ.

Къ сожалѣнію, во время похода 1790 года, и австрійскія и русскія войска дѣствовали чрезвычайно медленно. Не было битвъ въ родѣ Фокшанской и Рымникской. За то лѣтомъ происходили столкновенія между турецкими и русскими эскадрами, въ которыхъ послѣдніе одерживали верхъ. Лишь позднею осенью сухопутное войско одержало успѣхъ, который можно было сравнить со взятіемъ Очакова. Считавшаяся до того неприступною крѣпость Измаилъ была взята Суворовымъ послѣ кровопролитнаго штурма [1]). Потеря людьми была громадна, однако подвигъ, совершенный русскимъ войскомъ, произвелъ глубокое впечатлѣніе на современниковъ. Екатерина, желавшая окончанія войны, увидѣла во взятіи Измаила средство къ достиженію этой цѣли. Чѣмъ успѣшнѣе русскіе сражались на Дунаѣ, тѣмъ легче они при заключеніи мира могли разсчитывать на удержаніе за собою Очакова съ окружающею эту крѣпость степью. Екатерина пока хотѣла довольствоваться этимъ пріобрѣтеніемъ.

Въ Константинополѣ съ давнихъ поръ существовало преданіе объ опасности, грозившей Турціи со стороны народа, котораго должно было ожидать съ сѣвера. Теперь же русскія войска начали приближаться къ турецкой столицѣ. Страхъ и уныніе господствовали въ Константинополѣ. Было строжайше запрещено говорить о дѣйствіяхъ русскихъ войскъ. Ежеминутно можно было ожидать возмущенія. Когда распространился слухъ о взятіи Измаила, волненіе народа достигло крайнихъ размѣровъ. Заговорили о необходимости укрѣпленія столицы, о всеобщемъ ополченіи. Болѣе чѣмъ когда либо Турція разсчитывала на помощь Пруссіи и Англіи.

Кончина императора Іосифа II (9 (20) февраля 1790 г.) значительно измѣнила положеніе политическихъ дѣлъ въ Европѣ. Родственники императора приписывали значительную долю бѣдствій, постигшихъ Австрію въ послѣднее время, сближенію Іосифа съ Екатериною. Онъ самъ до гроба оставался вѣрнымъ другомъ и союзникомъ императрицы. Въ послѣднее время его жизни она утѣшала его по поводу революціи въ Нидерландахъ и по слу-

[1]) См. мою монографію объ этомъ эпизодѣ въ «Baltische Monatsschrift», Neue Folge, II, 556—585.

Видъ города и порта Николаева въ концѣ XVIII столѣтія.

Съ рѣдкой гравюры того времени. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

чаю его болѣзни. Чувствуя себя умирающимъ, Іосифъ былъ въ отчаяніи, что оставляетъ свою монархію въ столь затруднительномъ положеніи. Онъ просилъ Екатерину содѣйствовать сохраненію цѣлости австрійскихъ владѣній. Въ весьма дружескихъ выраженіяхъ Екатерина, въ послѣднемъ своемъ письмѣ къ Іосифу, старалась его успокоить. Вскорѣ послѣ этого онъ скончался [1]).

Потемкинъ на смертномъ одрѣ.

Съ единственной гравюры Скородумова. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Екатерина вполнѣ сознавала, что въ Іосифѣ II потеряла неоцѣненнаго друга и союзника. Кончина императора была для нея тяжелымъ ударомъ. Она писала къ Гримму, что не могла видѣть австрійскаго посла безъ слезъ и рыданій, и замѣтила, что въ Австріи не умѣли цѣнить достаточно добродѣтели Іосифа [2]).

---

[1]) Arneth, «Joseph und Katharina», 389.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 483, 484, 608.

Во время турецкой войны былъ возобновленъ на восемь лѣтъ союзъ, заключенный, въ 1781 году, между Австріею и Россіею. Въ минуту кончины Іосифа, нельзя было разсчитывать на скорое окончаніе войны, оказавшейся столь опасною для Австріи.

При Леопольдѣ II образъ дѣйствій и политическая система австрійскаго правительства измѣнились совершенно. Перемѣна эта прежде всего заключала въ себѣ значительную выгоду для Пруссіи. Въ средѣ дипломатовъ ходили слухи о намѣреніи короля Фридриха Вильгельма II «проучить» австрійскій и русскій дворы,

Памятникъ близь Яссъ, на мѣстѣ кончины Потемкина.

Съ гравюры начала нынѣшняго столѣтія.

и показать имъ, что Пруссія не уступаетъ имъ во вліяніи и могуществѣ. Герцбергъ хотѣлъ защитить Турцію отъ страсти къ завоеваніямъ Россіи и Австріи, а далѣе имѣлъ въ виду, въ качествѣ посредника при заключеніи мира, требовать для Пруссіи значительныхъ выгодъ. Австрія, по его мнѣнію, должна была возвратить Галицію Польшѣ, между тѣмъ какъ Польша въ замѣнъ того уступила бы Данцигъ и Торнъ Пруссіи. При такомъ положеніи дѣлъ воцареніе Леопольда имѣло важное значеніе. Онъ вскорѣ сблизился съ Пруссіею. Была заключена Рейхенбахская конвенція. Во время переговоровъ, австрійцы заявили, что не считаютъ

себя въ чемъ либо обязанными предъ Россіею; отношенія Австріи къ Россіи измѣнились совершенно.

При полученіи извѣстія о соглашеніи между Австріею и Пруссіею, Екатерина обрадовалась тому, что Пруссіи не удалось завладѣть Торномъ и Данцигомъ [1]). Не даромъ она около этого же времени выразила удовольствіе въ томъ, что ей удалось заключить миръ съ королемъ Густавомъ III «sans intervention aucunière», какъ сказано въ ея письмѣ къ барону Гримму [2]).

Однако, заключеніе Рейхенбахской конвенціи не могло смягчить раздраженія императрицы противъ Пруссіи. Въ письмахъ къ Гримму, она говорила о Фридрихѣ Вильгельмѣ II въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, насмѣхаясь надъ посредственными способностями короля, надъ его мистицизмомъ и пр. Чрезвычайно рѣзко она осуждала образъ дѣйствій прусскаго министра Герцберга и прусскаго дипломата въ Польшѣ, Лукезини. Къ тому же ей сильно не понравилась уступчивость Пруссіи относительно Франціи, находившейся въ сильномъ броженіи [3]). Въ одномъ изъ писемъ Екатерины къ Потемкину сказано: «Штиль ихъ (пруссаковъ) столь грубъ, да и глупъ, что и сему еще примѣру не бывало, и турецкой самый мягкій въ разсужденіи ихъ. Я Всемогущимъ Богомъ клянусь, что все возможное дѣлаю, чтобъ сносить все то, что эти дворы, наипаче же всемогущій Прусской, дѣлаютъ; но онъ такъ надулся, что если лобъ не разшибетъ, то не вижу возможности безъ посрамленія на всѣ его хотѣнія согласиться; онъ же донынѣ самъ не вѣдаетъ, чего хочетъ, либо не хочетъ» [4]).

Леопольдъ II началъ играть роль посредника. Между тѣмъ какъ Англія и Пруссія старались отдѣлить Россію отъ Австріи и заключить оборонительный союзъ противъ Екатерины, Леопольдъ хлопоталъ о наступательномъ союзѣ Австріи, Россіи, Англіи и Пруссіи противъ Франціи [5]).

Такимъ образомъ, сближеніе Пруссіи съ Австріей устранило опасность, грозившую Россіи со стороны Фридриха Вильгельма II. Въ то же время и непріязнь англійскаго министерства противъ Россіи была смягчена оппозиціонною партіею въ парламентѣ, не желавшею разрыва съ Россіею.

---

[1]) Храповицкій, 2 авг. 1790.

[2]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 492.

[3]) См., напр., замѣчанія Екатерины по поводу приключенія съ прусскимъ дипломатомъ Гюттелемъ, въ «Русской Старинѣ», XVII, 436.

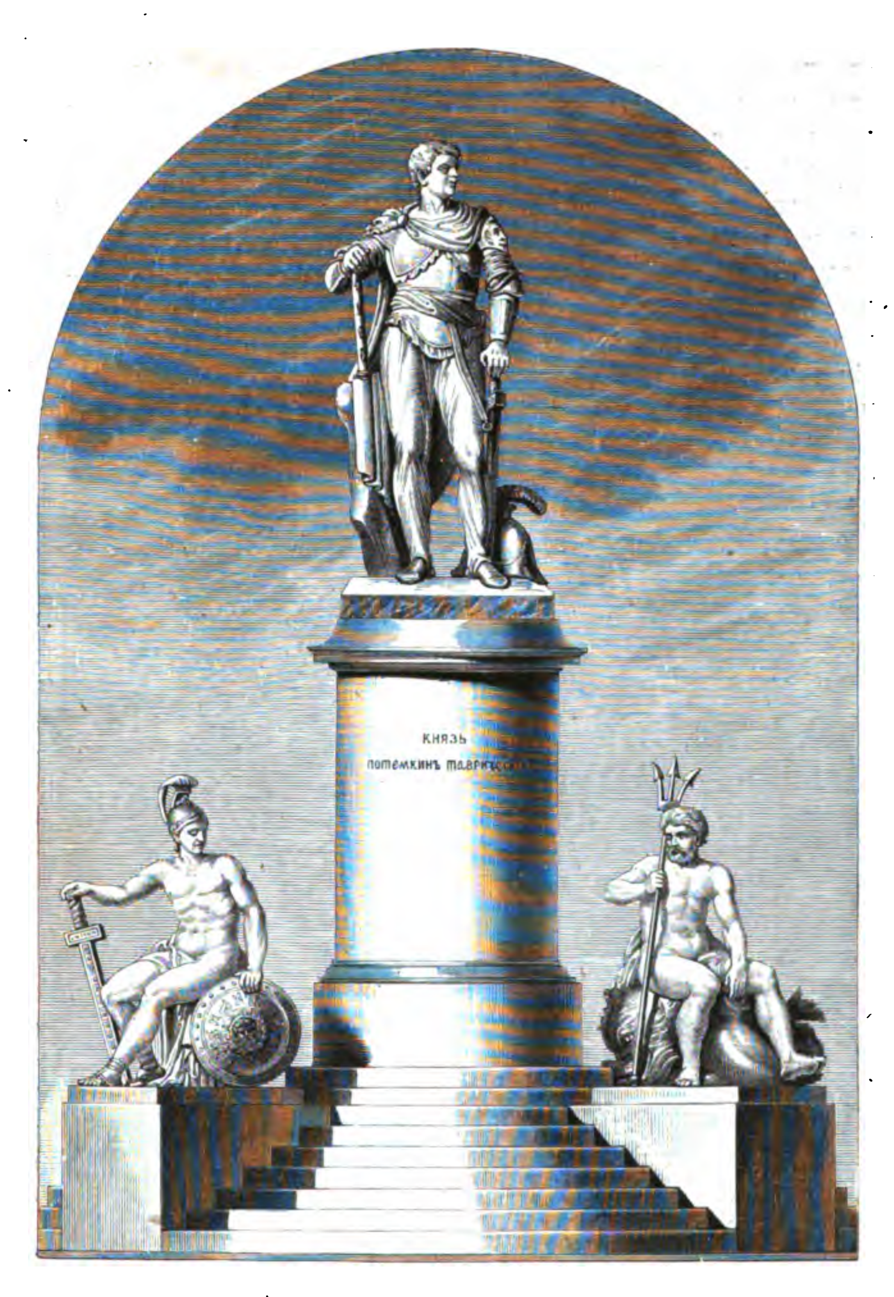
[4]) «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 532.

[5]) См. подробности въ соч. Германа, Ergänzungsband, 2 и слѣд.

Кончина князя Г. А. Потемкина-Таврическаго.

Съ гравюры Скородумова. Гравюра на деревѣ Паннемакера въ Парижѣ.

Памятникъ Потемкину въ Херсонѣ.

Съ гравюры, приложенной къ „Русской Старинѣ" 1875 г.

При всемъ томъ, однако, Екатеринѣ приходилось отказываться отъ приведенія въ исполненіе широкихъ плановъ Россіи и Австріи относительно Порты; Леопольдъ долженъ былъ желать заключенія мира съ Турціею. Нельзя было болѣе разсчитывать на общія дѣйствія русскихъ и австрійскихъ войскъ въ борьбѣ съ турками. Единственнымъ выигрышемъ для Россіи было устраненіе опасности, грозившей со стороны Англіи и Пруссіи. Фридрихъ Вильгельмъ II и его министръ Бишофсвердеръ находились теперь подъ вліяніемъ Леопольда. Хотя еще въ 1791 году прусскій король говорилъ о своемъ намѣреніи объявить войну Россіи, хотя Англія также показывала видъ, что готова къ разрыву, однако вскорѣ можно было видѣть, что въ сущности нельзя ожидать войны. Не даромъ Екатерина была довольна успѣхомъ своихъ стараній освободиться отъ диктатуры обѣихъ державъ [1]).

Таково было положеніе дѣлъ въ то время, когда Россія должна была продолжать и окончить турецкую войну. Къ счастью для нея, кампанія 1791 года была успѣшна. Значительная выгода заключалась въ томъ, что фанатикъ Шейхъ-Манзуръ, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ руководившій борьбою противъ Россіи на Кавказѣ, былъ взятъ въ плѣнъ. «Намъ онъ стоитъ до 30,000 войска», сказано въ дневникѣ Храповицкаго объ этомъ агитаторѣ [2]). Лѣтомъ 1791 г. русскія войска штурмомъ взяли крѣпость Анапу, а князю Репнину удалось нанести туркамъ сильное пораженіе при Мачинѣ (въ іюлѣ 1791 г.). Въ какой степени императрица желала окончанія войны, видно изъ относящихся къ этому времени писемъ и записокъ ея къ Потемкину, въ которыхъ она настойчиво требовала самыхъ энергичныхъ мѣръ для принужденія турокъ къ миру. Во все это время она находилась въ крайнемъ волненіи. Тѣмъ болѣе она обрадовалась извѣстію о Мачинской битвѣ. При дворѣ хвалили энергію князя Репнина, порицая въ то же время медленность дѣйствій Потемкина. Для послѣдняго вѣсть о побѣдѣ, одержанной Репнинымъ надъ великимъ визиремъ, была тяжелымъ ударомъ. Зависть тревожила Потемкина, находившагося тогда въ Петербургѣ; онъ медлилъ отъѣздомъ къ арміи; Екатерина должна была убѣдить его въ необходимости рѣшительныхъ дѣйствій для окончанія войны [3]).

---

[1]) См. ея письмо къ Штакельбергу въ «Русской Старинѣ», III, 608.

[2]) Храповицкій, 6 іюля 1791 г.

[3]) См. мою монографію «Potemkin's Glück und Ende» въ журналѣ «Baltische Monatsschrift». Neue Folge, II, 524 и слѣд.

Потерпѣвшіе уронъ турки начали говорить объ условіяхъ мира. Еще до прибытія Потемкина въ лагерь Репнинымъ были подписаны прелиминарныя условія мира. Въ то же время адмиралу Ушакову удалось разбить турокъ на Черномъ морѣ; онъ преслѣдовалъ турецкій флотъ до самаго Босфора и былъ остановленъ лишь извѣстіемъ о заключеніи прелиминарныхъ условій.

Состоявшійся съѣздъ дипломатовъ въ Систовѣ не повелъ еще прямо къ заключенію мира. Получивъ извѣстіе объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ Ушакова, Екатерина еще разъ на минуту возмечтала о нанесеніи Турціи страшнаго удара. Въ дневникѣ Храповицкаго сказано: «Довольны тѣмъ, что хотя князь теперь Ушакова остановить долженъ, но доказано, что возможность есть идти прямо въ Константинополь»[1]). Вскорѣ были получены извѣстія объ успѣшномъ ходѣ переговоровъ о мирѣ. Австрія еще ранѣе пришла къ соглашенію съ Турціею. Русскіе и турецкіе уполномоченные въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль вели переговоры въ Яссахъ. Осенью умеръ Потемкинъ. Онъ заболѣлъ горячкой и, сознавая опасность своего положенія, поспѣшилъ уѣхать изъ Яссъ въ основанный и очень любимый имъ Николаевъ, но на пути скончался, въ степи, окруженный лишь нѣсколькими близкими къ нему лицами. Безбородко въ качествѣ чрезвычайнаго уполномоченнаго отправился въ Яссы, гдѣ наконецъ миръ былъ заключенъ 29 декабря 1791 г. (9 января 1792 г.)[2]). Условія были слѣдующія: подтвержденіе Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, признаніе уступки Крыма Россіи; пріобрѣтеніе Россіею Очакова со степью между Бугомъ и Днѣстромъ.

Россія могла гордиться успѣхомъ войны. Немного спустя, на развалинахъ турецкаго форта Гаджи-бея поднялся городъ Одесса, пріобрѣтшій вскорѣ всемірное значеніе. Весь сѣверный берегъ Чернаго моря сдѣлался достояніемъ Россіи.

Екатерина сожалѣла о томъ, что заключеніе мира остановило адмирала Ушакова на пути къ Константинополю[3]). Въ началѣ войны она надѣялась положить конецъ существованію Турціи. Окончаніе ея не соотвѣтствовало первоначальнымъ ожиданіямъ императрицы. При всемъ томъ, однако, можно было считать заключеніе Ясскаго мира успѣхомъ. Россіи удалось освободиться

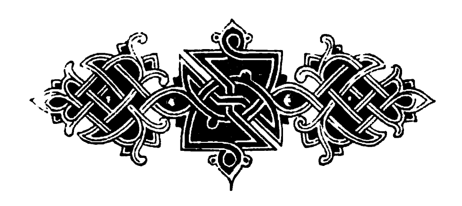
---

[1]) Храповицкій, 24 августа 1791.

[2]) Богатый матеріалъ о переговорахъ въ XXIX т. «Сб. Ист. Общ.», 109—221.

[3]) См. письмо къ Гримму въ «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 563.

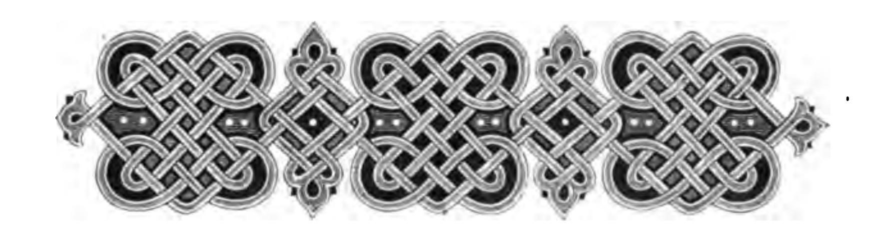
отъ войны, требовавшей страшнаго напряженія силъ и значительныхъ пожертвованій. Во время войны, Россія, встрѣчая всевозможныя затрудненія и принужденная бороться противъ многихъ и сильныхъ непріятелей, удержала за собою прежнее вліяніе и значеніе въ Европѣ.

Аллегорія на заключеніе Ясскаго мира.

Съ рѣдчайшей гравюры прошлаго столѣтія Набгольца. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

ГЛАВА IX.

Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой.

Конституція 3 мая 1792 года.

Современники, слѣдившіе за событіями въ Польшѣ, находили, что это государство послѣ перваго раздѣла сдѣлалось вполнѣ зависимымъ отъ Россіи. Русскій посланникъ игралъ какъ бы роль намѣстника; русскія войска распоряжались въ Польшѣ по своему усмотрѣнію; настоящею столицею, по замѣчанію одного современника, былъ Петербургъ, между тѣмъ какъ Варшава имѣла значеніе губернскаго города; въ области внѣшней политики главнымъ руководителемъ былъ русскій посланникъ; не оставалось почти никакихъ слѣдовъ политической самостоятельности [1]).

Послѣ перваго раздѣла, въ продолженіе двадцати лѣтъ русскимъ посланникомъ въ Польшѣ былъ Штакельбергъ. Изъ переписки Екатерины съ этимъ дипломатомъ можно видѣть, какъ, въ продолженіе всего этого времени, Екатерина думала о польскихъ дѣлахъ и въ какой мѣрѣ она лично руководила ими [2]). Она вникала во всѣ подробности и постоянно давала совѣты, писала наказы, дѣлала предписанія. Особенно зорко импе-

[1]) Костомаровъ, «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. Спб.», 1870. 120 и слѣд.
[2]) «Русская Старина», III.

ратрица слѣдила за отношеніями другихъ державъ къ Польшѣ. Точно также и переписка Екатерины съ Вольтеромъ, Даламберомъ и др. представляетъ многія данныя для знакомства съ видами императрицы относительно Польши. Порою она довольно рѣзко отзывалась объ агитаторахъ въ Польшѣ, насмѣшливо порицала католическій фанатизмъ въ этой странѣ и глумилась надъ участіемъ женщинъ въ дѣлахъ политики [1]. Старанія Австріи въ вопросѣ о польскихъ диссидентахъ отстаивать права и интересы католицизма раздражали императрицу [2]. Между петербургскимъ дворомъ и нѣкоторыми изъ знатнѣйшихъ польскихъ вельможъ постоянно существовали самыя оживленныя сношенія. Въ 1776 году, графъ Артуа, братъ Людовика XVI, вздумалъ было сдѣлаться королемъ польскимъ, и въ Варшаву явился французскій эмиссаръ, который сдѣлалъ Станиславу Августу предложеніе отказаться добровольно отъ польскаго престола и взамѣнъ его взять Лотарингію. Штакельбергъ объявилъ эмиссару, что проектъ не можетъ быть осуществленъ. Получивъ объ этомъ донесеніе посла, Екатерина написала Панину: «Что касается до сумасбродныхъ замысловъ графа д'Артуа, то Штакельбергу дайте знать, что наши дѣла всегда будутъ отъ насъ и защищаемы» [3]. При отправленіи Репнина въ Константинополь въ качествѣ русскаго посла, императрица поручила ему также и руководство польскими дѣлами при турецкомъ дворѣ [4]. Сегюръ, на пути въ Россію пробывшій нѣкоторое время въ Польшѣ, сравнивалъ значеніе Штакельберга въ отношеніи къ королю Станиславу Августу съ перевѣсомъ маіордомовъ надъ Меровингами [5].

Впрочемъ, иногда русскому дипломату въ Варшавѣ приходилось бороться съ разными затрудненіями. Поляки обращались за помощью къ другимъ державамъ; агитація противъ Россіи не прекращалась; говорили о возможности устроить сицилійскую вечерню для всѣхъ русскихъ въ Польшѣ; нерѣдко вельможи осыпали короля упреками за то, что онъ не противодѣйствовалъ умысламъ трехъ державъ, участвовавшихъ въ первомъ раздѣлѣ. Штакельбергъ требовалъ увеличенія русскаго войска для болѣе успѣшнаго сдерживанія мятежнаго духа поляковъ. Когда, во время безпорядковъ, на сеймикахъ случились кровопролитныя схватки,

---

[1] «Сб. Ист. Общ.», XIII, 280, 285, 288, 309; XIV, 256, 263, 267.
[2] Соловьевъ, XXIX, 212.
[3] Тамъ-же, 231.
[4] «Сб. Ист. Общ.», V, 206.
[5] Ségur, Mém., II, 170.

Штакельбергъ доносилъ: «Мы должны смотрѣть на это событіе, какъ на образчикъ сицилійской вечерни»[1]). Довольно часто Екатеринѣ приходилось силою оружія защищать православныхъ въ Польшѣ противъ фанатизма католиковъ. Въ одномъ изъ писемъ къ Потемкину, Екатерина, жалуясь на «продерзости отъ поляковъ»,

Графъ Оттонъ-Магнусъ Штакельбергъ, русскій посланникъ въ Польшѣ.

Съ гравюры Кошкина, сдѣланной съ портрета, писаннаго Бачіарелли.

требовала, чтобы, «въ случаѣ наглости польской, поступаемо было съ твердостью, достоинству нашему и славѣ воинства нашего свойственною»[2]). Съ королемъ Станиславомъ Августомъ Екате-

[1]) Соловьевъ, XXIX, 233.
[2]) «Сб. Ист. Общ.», XXVII, 352—353.

рина все время обращалась строго и безцеремонно. Когда ему, однажды, вздумалось послать любимцу императрицы, Ланскому, знаки ордена Бѣлаго Орла, Екатерина въ раздраженіи отправила подарокъ обратно въ Варшаву. Немного спустя, она требовала этотъ же орденъ для Ермолова и, разумѣется, желаніе императрицы было тотчасъ же исполнено[1]).

Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ король во время свиданія съ Екатериною въ Каневѣ, въ 1787 году, производилъ впечатлѣніе вассала, встрѣчавшаго свою ленную владѣтельницу. Онъ явился просителемъ; представленную имъ при этомъ случаѣ программу политическихъ реформъ приняли съ холодною учтивостью, уклоняясь отъ рѣшительнаго отвѣта на его моленіе о дозволеніи перемѣнъ въ Польшѣ[2]). Несчастный король не могъ надѣяться на Іосифа II, хотя императоръ говорилъ что не допуститъ дальнѣйшихъ потерь Польши.

Турецкая война, начавшаяся вскорѣ послѣ свиданія короля съ Іосифомъ и Екатериною, усилила волненіе въ Польшѣ. Сегюръ сообщаетъ въ своихъ запискахъ разныя свѣдѣнія о ненависти поляковъ къ Россіи[3]), а между тѣмъ Екатерина не переставала хладнокровно предписывать Штакельбергу самыя крутыя мѣры противъ строптивости подданныхъ Станислава Августа.

Противники Россіи считали возможнымъ воспользоваться ея одновременной войной съ Турціей и Швеціей для проведенія политическихъ реформъ въ Польшѣ. Пруссія явилась покровительницею Рѣчи Посполитой, обѣщала полякамъ помощь и намѣревалась положить конецъ вмѣшательству Россіи въ польскія дѣла. Возникъ планъ уступить Россіи нѣкоторую часть Турціи, но требовать отъ нея въ то же время возвращенія Финляндіи Швеціи, отъ Австріи возвращенія Галиціи Польшѣ, при чемъ Пруссія получила бы въ награду за это Данцигъ и Торнъ и т. п.

Около этого времени, шла особенно успѣшно агитація національной партіи въ Польшѣ, которая 29 марта 1790 года заключила оборонительный союзъ съ Пруссіею. Мечтали о дальнѣйшемъ сближеніи между Польшею и Пруссіею. Состоялся проектъ политической реформы, новой конституціи; спѣшили окончаніемъ проекта, потому что ежеминутно можно было ожидать препятствій со стороны Россіи. Хотѣли назначить саксонскаго курфюр-

---

[1]) «Русская Старина», III, 321 и 476.
[2]) См. монографію Лиске въ «Russische Revue», IV, 481—508.
[3]) Mémoires, III, 547.

ста наслѣдникомъ Станислава Августа, объявить польскую корону наслѣдственною, отмѣнить конфедераціи и liberum veto. Торжественное объявленіе новой конституціи происходило 3 мая 1791 года. Король былъ въ восхищеніи. Заговорили о великой будущности Польши; сравнивали новую конституцію съ государственнымъ правомъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ.

Графъ Я. Е. Сиверсъ.
Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета, писаннаго Кугельхеномъ.

Вскорѣ, однако, оказалось, что политическая реформа была лишь результатомъ агитаціи меньшинства поляковъ. На сеймѣ присутствовало не болѣе 157 лицъ, между тѣмъ какъ отсутствующихъ было 327. Большинство далеко не благопріятствовало реформѣ.

Спрашивалось, какъ отнесутся къ новой польской конституціи великія державы.

Нѣтъ сомнѣнія, что Леопольдъ II благопріятствовалъ политической реформѣ въ Польшѣ; даже считали вѣроятнымъ, что онъ принималъ участіе въ приготовленіи къ государственному перевороту, происшедшему 3 мая 1791 года[1]. И со стороны Пруссіи приверженцы реформы не могли ожидать противорѣчія.

Совсѣмъ иначе относилась къ этому дѣлу Екатерина. Кобенцель доносилъ тотчасъ же послѣ полученія извѣстія о конституціи. «Я видѣлъ, что императрица, князь Потемкинъ и графъ Остерманъ были сильно озабочены мыслью, что Польша при наслѣдственной династіи легко можетъ достигнуть значенія, между тѣмъ какъ пока, напротивъ, считали важнѣйшею выгодою для Россіи, чтобы Польша никогда не выходила изъ своего ничтожества. Императрица сказала мнѣ: намъ нужно условиться объ этомъ дѣлѣ» и пр.[2]).

Екатерина, по полученіи извѣстія о новой конституціи въ Польшѣ, писала барону Гримму, что надѣется вскорѣ узнать подробности этого дѣла. «Впрочемъ», сказано далѣе, «мы на все готовы и не остановимся ни предъ какимъ препятствіемъ»[3]). Собравъ затѣмъ подробныя свѣдѣнія объ этомъ событіи, Екатерина, въ другомъ письмѣ къ Гримму, жаловалась на непослѣдовательность поляковъ, «своимъ сумасбродствомъ превосходившихъ парижское національное собраніе» и уничтожившихъ вмѣстѣ съ liberum veto и съ выборомъ королей главныя основы польской свободы. И все это, замѣтила императрица, произошло оттого, что король Станиславъ Августъ распустилъ слухъ о предстоящемъ новомъ раздѣлѣ Польши. «Увидимъ», сказано въ заключеніе, «что̀ король сдѣлаетъ со своими двумя присягами, броситъ ли онъ въ огонь прежнія Pacta conventa, отправится ли онъ въ Венецію для участія въ карнавалѣ» и т. п.[4]).

Кобенцель доносилъ, что Потемкинъ началъ было думать объ образованіи конфедераціи въ сосѣднихъ провинціяхъ Польши для борьбы противъ конституціи. Екатерина писала преемнику Штакельберга въ должности русскаго посла въ Варшавѣ, Булгакову: «Мы, какъ и прежде, останемся спокойными зрителями, пока

---

[1]) Sybel въ «Historische Zeitschrift», XXIII, 72.

[2]) Liske, «Zur polnischen Politik Katharinas 1791», въ журналѣ «Historische Zeitschrift», XXX, 282.

[3]) A tout évènement nous sommes parfaitement préparés et morgué nous ne plierons pas devant le diable. Tiens, souffre douleur, je vous le promets». «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 519.

[4]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 534.

поляки не станутъ просить насъ о помощи для возстановленія прежнихъ учрежденій Рѣчи Посполитой».

Екатерина имѣла еще особую причину отложить, до поры до времени, рѣшительныя дѣйствія противъ конституціи 3 мая 1791 года. Пока она была занята турецкою войною, раздробленіе силъ и средствъ Россіи могло казаться опаснымъ. Впрочемъ, Екатерина уже и прежде въ письмахъ къ Штакельбергу говорила, что никогда не согласится на введеніе въ Польшѣ наслѣдственной монархіи, а также не допуститъ назначенія наслѣдника при жизни короля. Теперь же она, не приступая пока къ рѣшительнымъ мѣрамъ, въ двухъ запискахъ, отправленныхъ къ Потемкину, лѣтомъ 1791 года, изложила свой взглядъ на этотъ предметъ. Здѣсь сказано между прочимъ: «Мы не желаемъ разрыва съ поляками, хотя послѣ столь наглаго съ ихъ стороны нарушенія дружбы, послѣ ниспроверженія гарантированныхъ нами учрежденій, послѣ многихъ нанесенныхъ намъ оскорбленій, имѣли бы на то полное право». Затѣмъ императрица говоритъ о средствахъ, которыя можно употребить для того, чтобы отвлечь Польшу отъ Пруссіи, и упоминаетъ о тайномъ проектѣ Потемкина, относившемся къ воеводствамъ Кіевскому и Брацлавскому и въ Подоліи, т. е. о возможности дальнѣйшаго пріобрѣтенія части Польши и т. п.[1]).

Въ новѣйшее время сдѣлалось извѣстнымъ, что Потемкинъ уже въ 1790 году составилъ проектъ второго раздѣла Польши. Въ письмѣ отъ 18 марта этого года, онъ указываетъ на выгоду, заключавшуюся въ пріобрѣтеніи вышеупомянутыхъ провинцій[2]).

Въ рескриптѣ отъ 18 (29) іюля 1791 года, Екатерина, сильно порицая образъ дѣйствій поляковъ, указала на возможность вызвать въ самой Польшѣ протесты противъ конституціи 3 мая, покровительствовать протестующимъ и этимъ уничтожить умыслы представителей реформы; она прямо указывала на необходимость образованія конфедераціи[3]).

Такимъ образомъ, Екатерина начала дѣйствовать противъ политической реформы въ Польшѣ, усиленіе которой могло быть опаснымъ для Россіи. Оставаясь вѣрною началамъ прежней политики въ отношеніи къ Рѣчи Посполитой, она не могла допустить перемѣны въ польскомъ государственномъ правѣ. Даже и

[1]) Historische Zeitschrift, XXX, 286—295.
[2]) Тамъ-же, XXXIX, 237 и слѣд.
[3]) «Русск. Архивъ», 1865, 758—765. См. статью Лиске въ журналѣ «Historische Zeitschrift, XXX. 286—301, и XXXIX, 232 и пр.

тѣ историки, которые рѣзко осуждаютъ насиліе и безцеремонность образа дѣйствій императрицы при этомъ случаѣ, отдаютъ полную справедливость осмотрительности, ясности, послѣдовательности и рѣшимости мыслей и дѣйствій императрицы въ этомъ дѣлѣ [1]). Она ждала лишь окончанія турецкой войны для принятія энергичныхъ мѣръ противъ Польши. Все было обдумано и приготовлено; былъ составленъ проектъ второго раздѣла; вскорѣ можно было приступить и къ его исполненію [2]).

Второй раздѣлъ.

Пока продолжалась турецкая война, Екатерина предписывала русскому послу въ Варшавѣ крайне осторожный образъ дѣйствій. Она не сомнѣвалась въ томъ, что рано или поздно въ самой Польшѣ возьметъ верхъ оппозиція противъ новой конституціи и что тѣмъ самымъ окажется легко возможнымъ вмѣшательство Россіи въ польскія дѣла. Можно было ожидать немедленнаго образованія конфедераціи противъ приверженцевъ новаго порядка. Въ то время, когда въ Яссахъ происходили переговоры о мирѣ, туда прибыли нѣкоторые знатные поляки, напр., Феликсъ Потоцкій и Северинъ Ржевусскій, съ цѣлью просить покровительства императрицы и условиться съ Потемкинымъ, а затѣмъ, послѣ кончины послѣдняго, съ Безбородкою, о мѣрахъ къ успокоенію Польши [3]).

Тотчасъ же послѣ заключенія Ясскаго мира, Екатерина принялась за польскія дѣла. Въ это время главное вниманіе другихъ державъ было обращено на французскую революцію. Екатерина желала воспользоваться этимъ для того, чтобы свободнѣе дѣйствовать въ Польшѣ. «Я стараюсь», сказала она въ бесѣдѣ съ Храповицкимъ, «втянуть Берлинскій и Вѣнскій дворы въ дѣла французскія. Прусскій бы пошелъ, но останавливается Вѣнскій [4]); у меня много предпріятій неконченныхъ, и надобно, чтобы они были заняты и мнѣ не мѣшали» [5]).

---

[1]) Лиске, Калинка.

[2]) См. замѣчанія Лиске въ журналѣ «Historische Zeitschrift», XXX, 302—303.

[3]) Разныя данныя объ отношеніяхъ Безбородки къ этимъ полякамъ въ XXVI и XXIX томахъ. «Сб. Ист. Общества».

[4]) Je veux les engager dans les affaires pour avoir les coudées franches».

[5]) Храповицкій, 14 декабря 1791 г.

7 марта 1792 года, Екатерина, говоря съ Храповицкимъ о Потоцкомъ и Ржевусскомъ, замѣтила: «Какъ ихъ не принять? Одинъ 30 лѣтъ намъ вѣренъ и преданъ, а другой изъ непріятеля сдѣлался, по обстоятельствамъ, намъ другъ, потому что

Костюшко.

Съ гравированнаго портрета Олещинскаго.

польская республика не можетъ устоять безъ Россіи. По польскимъ дѣламъ есть одинъ изъ самыхъ неблагодарныхъ: это король»[1]). Въ письмахъ къ Гримму, императрица жаловалась на то, что партія реформы въ Польшѣ состоитъ въ связи съ Яко-

[1]) Храповицкій, 7 марта 1792 года.

бинскимъ клубомъ въ Парижѣ и что король, обнаруживая неблагодарность къ Россіи, находится подъ вліяніемъ столь опасныхъ элементовъ. Очевидно, замѣтила Екатерина, Станиславъ Августъ при своихъ дѣйствіяхъ разсчитывалъ на крайнее изнеможеніе Россіи и пр. [1]). И въ другихъ письмахъ къ барону Гримму встрѣчаются рѣзкіе отзывы о королѣ, о его склонности къ измѣнѣ, о его двоедушіи. «Его польское величество», сказано въ письмѣ императрицы отъ 26 августа 1792 года, «считаетъ своею задачею возбудить свой народъ противъ Россіи потому только, что Россія любила Польшу, а онъ хотѣлъ погубить ее» [2]).

Съ самаго начала 1792 года, предприняты были со стороны Россіи систематическія дѣйствія противъ реформы въ Польшѣ. Остерманъ объявилъ прусскому посланнику Гольцу, что соединеніе Саксоніи съ Польшею заключало бы въ себѣ опасность для Россіи и Пруссіи. Екатерина писала: «У насъ трактаты съ Польшею; трактаты имѣли для насъ всегда священную обязанность, и такъ какъ отъ этого зависитъ безопасность имперіи со стороны Польши, то у насъ не будетъ другихъ правилъ кромѣ нашихъ трактатовъ. Все, что̀ противно нашимъ трактатамъ съ Польшею, противно нашему интересу. Заключивъ трактатъ съ республикою, гарантировавъ Pacta conventa (ограничительныя условія) нынѣшняго короля, нарушенныя конституціею 3 мая, не соглашусь ни на что изъ этого новаго порядка вещей, при утвержденіи котораго не только не обратили никакого вниманія на Россію, но осыпали ее оскорбленіями, задирали ее ежеминутно. Но если другіе не хотятъ знать Россіи, то слѣдуетъ ли изъ этого, что и Россія также должна забыть собственные интересы? Я даю знать господамъ членамъ Иностранной Коллегіи, что мы можемъ сдѣлать все, что намъ угодно, въ Польшѣ, потому что противорѣчивые полуволи дворовъ Вѣнскаго и Берлинскаго противопоставятъ намъ только кипу писанной бумаги и мы покончимъ наши дѣла сами. Я высказываюсь враждебно только къ тѣмъ, которые хотятъ меня испугать. Екатерина II часто приводила въ трепетъ враговъ своихъ, но не знаю, чтобы враги Леопольда II когда нибудь его трусили». Когда нѣкоторыя лица совѣтовали составить Русскую партію въ Польшѣ и дѣлать внушенія сосѣднимъ дворамъ, то Екатерина написала: «А я говорю, что дворамъ не сказывать ни слова, а партія сыщется всегда, когда нужно будетъ. Нельзя, чтобъ не было лю-

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 567, 571.
[2]) Тамъ-же, 577.

Петръ Биронъ, герцогъ Курляндскій.

Съ гравированнаго портрета прошлаго столѣтія Баузе.

дей, кои бы лучше желали старину, тутъ же дѣло идетъ о продажѣ староствъ и о уничтоженіи гетмановъ. Взять кажется тутъ Волынію и Подолію много разныхъ предлоговъ, лишь выбрать»[1]).

Россія всячески старалась произвести въ Польшѣ контръ-революцію. Въ особенной декларацiи Екатерина подвергла строгой критикѣ образъ дѣйствій партіи реформы. Явились русскія войска для поддержанія дипломатическихъ дѣйствій русскаго правительства. Такимъ образомъ, состоялась Тарговицкая конфедерація. Указывая на опасность, грозившую Польшѣ по поводу приближенія генерала Каховскаго съ войскомъ, прусскій дипломатъ, маркизъ Люкезини, сказалъ: «Громъ гремитъ въ далекѣ; небо омрачается со стороны Борисѳена; гроза приближается и ясность 3-го мая исчезнетъ навсегда»[2]).

Польша не могла не уступить Россіи. 7 іюля, ночью, пріѣхалъ къ Булгакову Литовскій вице-канцлеръ Хрептовичъ отъ имени короля просить о перемиріи. Булгаковъ совѣтовалъ: «чистосердечно и съ доброю вѣрою прибѣгнуть къ великодушію ея императорскаго величества»; Хрептовичъ говорилъ: «Намѣреніе и желаніе короля и всѣхъ любящихъ отечество поляковъ есть: предложить польскій тронъ съ наслѣдствомъ для великаго князя Константина Павловича, съ просьбою къ ея императорскому величеству учредить новое и прочное правленіе для Польши». Въ этомъ же смыслѣ и самъ король писалъ къ императрицѣ. Польша находилась въ рукахъ Россіи. Двѣ трети страны были заняты русскими войсками. Въ польской столицѣ, у театра, приклеили сатиру на лагерь подъ Варшавою: «Антрепренеры національной защиты будутъ имѣть честь дать печальной публикѣ представленіе новой оригинальной комедіи, сочиненной варшавскимъ военнымъ совѣтомъ, подъ заглавіемъ: «Экспедиція противъ комаровъ, или смѣхотворный лагерь за Прагою»; затѣмъ непосредственно актеры нѣмецкіе и русскіе дадутъ большую трагедію подъ заглавіемъ: «Разрушеніе Польши». Такъ какъ послѣдняя пьеса стоитъ казнѣ около 20 милліоновъ, то входъ для публики безплатный[3])».

Въ отвѣтъ на письмо короля, императрица требовала рѣшительно, чтобы Станиславъ Августъ присоединился къ Тарговицкой конфедераціи, т. е. отказался бы формально отъ своего проекта политической реформы и отъ конституціи 3 мая 1791 года. Ко-

[1]) Соловьевъ, «Паденіе Польши», 259—260.
[2]) Тамъ-же, 268.
[3]) Тамъ-же, 277—281.

роль былъ въ отчаяніи, выразилъ желаніе отказаться отъ престола, требовалъ по крайней мѣрѣ гарантіи ненарушенія территоріи Польши и пр. Булгаковъ объявилъ, что о какихъ либо условіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Такимъ образомъ, король долженъ былъ повиноваться и присоединиться къ Тарговицкой конфедераціи. Русскія войска вступили въ Варшаву. Вожаки партіи реформы искали спасенія въ бѣгствѣ. Новый русскій посолъ, преемникъ Булгакова, Я. Е. Сиверсъ, располагавшій весьма значительными средствами, распоряжался во всѣхъ отношеніяхъ по своему усмотрѣнію.

Одновременно, начались переговоры съ Пруссіею о второмъ раздѣлѣ Польши. Послѣ неудачнаго похода въ Шампань, Пруссія желала чѣмъ нибудь себя вознаградить и требовала присоединенія нѣкоторыхъ польскихъ областей. Чѣмъ болѣе Польша становилась жертвою Россіи, тѣмъ менѣе Пруссія могла допустить, чтобы вся Польша сдѣлалась добычею Екатерины. Прусское войско подъ начальствомъ генерала Мёллендорфа явилось въ предѣлахъ Польши. Въ то время, когда въ Петербургѣ происходили переговоры между Зубовымъ и Гольцомъ, Сиверсъ въ Польшѣ старался придти къ нѣкоторому соглашенію съ прусскимъ дипломатомъ Бухгольцомъ. Такимъ образомъ, обѣ державы легко условились о раздѣлѣ. Пруссія взяла область, составляющую нынѣшнюю Познань и нѣкоторую часть земли на границѣ Силезіи. Россія получила Волынь и Подолію и часть Литвы. Не безъ нѣкоторыхъ затрудненій и препятствій состоялось и соглашеніе съ Австріею [1]).

Созваніе Гродненскаго сейма, волею-неволею одобрившаго результаты военныхъ операцій и дипломатическихъ переговоровъ великихъ державъ, было возможно, благодаря успѣхамъ русскаго оружія и русскимъ деньгамъ. Вскорѣ все было улажено въ смыслѣ интересовъ Россіи, которая пріобрѣла при этомъ случаѣ 4533 квадратныхъ миль и около 3 милліоновъ жителей. Игельстремъ, преемникъ Сиверса, занялъ Варшаву. Въ дневникѣ Храповицкаго сказано, 24 февраля 1793 года: «Изъ Риги получено по почтѣ письмо Северина Ржевусскаго въ собственныя руки. Онъ дѣлаетъ возраженіе на раздѣлъ Польши и описываетъ, сколь затруднительно теперь положеніе его и графа Потоцкаго. Онъ не вѣритъ, чтобы была на то воля ея величества. (Затѣмъ слова императрицы):

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXVI, 430; Blum, III, 153, Herrmann, «Ergänzungsband», 367 и слѣд.

«Я думала войти въ Польшу къ готовой конфедераціи, но вмѣсто того войска мои дошли до Варшавы, и конфедерацію открыли за спиною арміи. Они сами не сдержали слова и теперь беру я Украйну въ замѣнъ моихъ убытковъ и потери людей».

Графъ В. А. Зубовъ.

Съ гравюры Пфейфера, сдѣланной съ портрета, писаннаго Грасси.

(Затѣмъ замѣчаніе Храповицкаго): «Читали съ насмѣшкой и велѣно скорѣе заготовить отвѣтъ»[1]).

Въ августѣ 1793 года, Екатерина писала къ графу Ивану Чернышеву: «Вы меня не поздравляете съ конибелькою (т. е. колыбелькою) русскою, т. е. съ присоединеніемъ къ имперіи трехъ

[1]) Храповицкій, 24 февраля 1793 года.

прекрасныхъ и многолюдныхъ губерній, которому вы, конечно, сорадуетеся»[1]).

Сиверсъ исполнилъ свой долгъ съ рѣшимостью и не обращая вниманія на интересы короля и Польши. Принужденный обстоятельствами употреблять насиліе и строгость, онъ написалъ къ своей дочери между прочимъ: «Держать подъ арестомъ короля и цѣлый сеймъ! Это задача, тяжелая сердцу». Нужно было силою заставить сеймъ согласиться на признаніе договора, заключеннаго съ Пруссіею. Однако образъ дѣйствій Сиверса оказался цѣлесообразнымъ. Россія получила львиную долю; она царствовала въ Польшѣ безусловно. Не даромъ Сиверсъ писалъ, что Польша въ рукахъ Россіи—какъ мягкій воскъ, которому во всякое время можно дать любую форму по усмотрѣнію императрицы [2]).

Третій раздѣлъ.

Въ другомъ мѣстѣ мы укажемъ на отношеніе Екатерины къ французской революціи. Чѣмъ болѣе она была раздражена либерализмомъ національнаго собранія, тѣмъ сильнѣе ее оскорбляли сношенія, существовавшія между недовольными въ Польшѣ и революціонною Франціею. При такомъ положеніи дѣлъ, она считала себя въ правѣ употреблять самыя крутыя мѣры для подавленія мятежнаго духа въ Польшѣ.

Съ другой стороны, нельзя было удивляться тому, что послѣ насильственныхъ и плачевныхъ событій въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ поляки не легко могли успокоиться. Уже прежде они сочувствовали Франціи, такъ что могла явиться мысль о полученіи оттуда готовой конституціи для Польши. Теперь же событія революціи должны были усилить сочувствіе поляковъ къ Франціи. Искавшіе спасенія въ бѣгствѣ поляки, виновники конституціи 3 мая 1791 года, находились въ Парижѣ, въ близкихъ сношеніяхъ съ членами Конвента. Революціонныя идеи могли вовлечь Польшу въ страшный кризисъ. Тамъ начали мечтать о повсемѣстномъ возстаніи противъ перевѣса Россіи.

Екатерина не могла относиться спокойно и равнодушно къ подобному броженію умовъ въ Польшѣ. Она твердо рѣшилась под-

---

[1]) Письма и бумаги Екатерины II, изд. Бычковымъ, Спб. 1873, 95.
[2]) Blum, III, 371, 376, 453.

держивать всячески авторитетъ Россіи въ Польшѣ. Борьба противъ мятежнаго духа поляковъ сдѣлалась неминуемою.

Когда въ Польшѣ, послѣ второго раздѣла, обнаруживалось сильное волненіе, когда приверженцы политической реформы начали говорить о необходимости возстановленія конституціи 3 мая 1791 года и освобожденія Польши отъ вліянія Россіи, Екатерина въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ осуждала образъ дѣйствій поляковъ. Особенно то обстоятельство, что Костюшко и другіе поляки отправились въ Парижъ, гдѣ испрашивали помощи Франціи и въ особенности надѣялись на покровительство Робеспьера, содѣйствовало раздраженію Екатерины. Она писала къ барону Гримму, что Костюшко и Мадалинскій въ Польшѣ развернули «истинно якобинское» знамя бунта, намѣреваясь повѣсить всѣхъ не раздѣляющихъ ихъ революціонныя мнѣнія; немного позже императрица сообщила Гримму о намѣреніи поляковъ отнять у прусскаго короля пріобрѣтенныя имъ въ силу второго раздѣла польскія земли, что нужно было отправить въ Польшу нѣсколько сотенъ казаковъ, которые проучили поляковъ; теперь, прибавляетъ императрица, можно ожидать, что французскіе агенты, сулившіе полякамъ 30 милліоновъ ливровъ для поддержанія бунта, поспѣшатъ возвращеніемъ на родину, ради избѣжанія висѣлицы. Довольно подробно, въ другихъ письмахъ къ Гримму, говорится о военныхъ операціяхъ въ Польшѣ, о неудачныхъ дѣйствіяхъ прусскихъ войскъ, осаждавшихъ Варшаву, и пр. [1]).

Впрочемъ, инстургенты дѣйствовали не совсѣмъ безуспѣшно. Игельстремъ долженъ былъ оставить Варшаву, гдѣ было учреждено временное правленіе; приходилось принимать самыя рѣшительныя мѣры. Суворовъ дѣйствовалъ удачнѣе пруссаковъ, разбилъ поляковъ при Мацѣёвицахъ и 4 ноября 1794 года штурмомъ взялъ Прагу. На другой день сдалась Варшава; 6 ноября русскія войска вступили въ польскую столицу.

Въ одномъ изъ писемъ къ Гримму, Екатерина отзывалась крайне неблагопріятно о Костюшкѣ, взятомъ въ плѣнъ русскими войсками [2]).

Оказалось необходимымъ покончить съ остальною частью Польши. Въ началѣ 1795 года, между Австріею и Россіею состоялось соглашеніе объ условіяхъ третьяго раздѣла. Гораздо

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 611.

[2]) «Kostiuchko amené ici a été reconnu pour un sot dans toute la valeur du terme très au dessous de la besogne»; «Сб. Ист. Общ.», XXIII, 617.

бо́льшія затрудненія явились при переговорахъ, происходившихъ по этому же поводу между Россіею и Пруссіею. Антагонизмъ между Екатериною и Фридрихомъ Вильгельмомъ II усилился вслѣдствіе заключенія въ Базелѣ мира между Пруссіею и Франціею. Поэтому переговоры о польскихъ дѣлахъ продолжались нѣсколько мѣсяцевъ. Екатерина въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ осуждала образъ мыслей короля и Герцберга. Не ранѣе, какъ въ октябрѣ 1795 года, состоялся договоръ о раздѣлѣ Польши, соотвѣтственно начертаніямъ императрицы и австрійскаго министра Тугута. Россія получила всю ту часть Литвы, которая осталась послѣ второго раздѣла, все пространство между Нѣманомъ и верхнимъ теченіемъ Буга, а также Курляндію, значитъ область, обнимавшую около 2,000 квадратныхъ миль; Австріи достались воеводства Краковское, Сендомірское и Люблинское; Пруссіи — остальная часть Польши. Король Станиславъ-Августъ, отказавшись отъ короны, переселился на нѣкоторое время въ Гродно, а затѣмъ въ Петербургъ, гдѣ и скончался въ царствованіе императора Павла.

Екатерина спеціально занималась изученіемъ исторіи Россіи. Теперь же она въ подробной запискѣ старалась доказать, что присоединенныя къ Россіи части Польши принадлежали когда то Россіи, и что поэтому, не взявъ ни пяди чужой земли, она не имѣла повода къ принятію титула польской королевы.

Въ 1814 году, извѣстный государственный дѣятель, Поццо ди-Борго, замѣтилъ, что главнымъ содержаніемъ новой исторіи Россіи должно считать уничтоженіе Польши; достиженіе этой цѣли, говорилъ онъ далѣе, было необходимо для сближенія Россіи съ западною Европою, для усиленія ея вліянія, для удовлетворенія ея честолюбія и пр. Это замѣчаніе можно отнести не только къ Польшѣ, но и къ Турціи и къ Швеціи и пр. Правда, особенною послѣдовательностью отличалась политика Россіи при Екатеринѣ въ области польскихъ раздѣловъ. Однако и въ отношеніи къ другимъ государствамъ замѣтны, какъ мы видѣли, тѣ же самыя черты стремленія къ власти, къ расширенію предѣловъ Россіи. Успѣхъ былъ замѣчателенъ. Хотя не удалось привести въ исполненіе первоначальный проектъ Екатерины, заключавшійся въ томъ, чтобы превратить всю Польшу въ вассальное государство, императрица могла быть довольна результатами своей дѣятельности въ этомъ направленіи. Подѣлившись добычею съ Пруссіею и Австріею, Россія пріобрѣла важныя области и значительно подвинула свои границы къ западу.

Первымъ дѣйствіемъ Екатерины, въ области внѣшней политики, какъ мы видѣли, было возведеніе на курляндскій престолъ герцога Эрнста Іогана Бирона. Царствованіе этого вассала Россіи можетъ считаться какъ бы переходнымъ временемъ для Курляндіи, которой было суждено сдѣлаться достояніемъ Россіи. На фактѣ, во все это время Курляндія уже была провинціею Россіи. Авторитетъ Польши въ Курляндіи исчезъ окончательно. Господствовало вліяніе русскаго правительства, всячески подавлявшаго малѣйшія попытки сближенія недовольныхъ курляндцевъ съ Польшею [1]). Совершенно такъ же, какъ польскій король Станиславъ-Августъ, и курляндскій герцогъ Петръ, сынъ Эрнста-Іогана, вполнѣ зависѣлъ отъ русскаго посланника. Неоднократно Екатерина играла роль третейскаго судьи въ разныхъ спорахъ, возникавшихъ въ Курляндіи [2]). Еще за два года до окончательнаго присоединенія Курляндіи къ Россіи, всѣ предвидѣли такую судьбу этой страны. Между курляндскимъ дворянствомъ образовалась, подъ покровительствомъ графа Зубова, партія противъ курляндскаго герцога. Присоединеніе Курляндіи къ Россіи сдѣлалось неминуемымъ. Повторилось при этомъ случаѣ то же самое, что̀ происходило съ Польшею въ нѣсколько бо̀льшихъ размѣрахъ. Разница заключалась лишь въ томъ, что не приходилось изъ-за Курляндіи вести переговоры съ другими державами. Все было улажено по исключительному усмотрѣнію русскаго правительства.

Польскія и турецкія дѣла не переставали занимать Екатерину до послѣднихъ дней ея царствованія. Около того времени, когда состоялся третій раздѣлъ Польши, можно было считать вѣроятнымъ разрывъ съ Турціею. Французскіе дипломаты старались возбудить Порту къ нападенію на Австрію. Екатерина должна была думать о приготовленіяхъ къ походу. При этомъ появились вновь обширные проекты, занимавшіе Екатерину во время тѣснаго союза съ императоромъ Іосифомъ II. Еще разъ, въ 1795 году, императрица мечтала о возможности занятія Константинополя [3]). Турція оставалась опаснымъ противникомъ Россіи. Турецкіе шпіоны въ Малороссіи и въ Крыму старались вооружить населеніе противъ русскаго правительства. Въ 1795 году, между

---

[1]) «Сб. Ист. Общ.», XVI, 91 и слѣд.
[2]) Blum, III, 27.
[3]) «Русскій Архивъ», 1876, I, 218.

польскимъ королемъ и султаномъ существовали кое-какія тайныя сношенія. Карлъ Сюдерманландскій, регентъ Швеціи, также старался сѣять раздоръ между Портою и Россіею. Такимъ образомъ, отношенія между обѣими державами оставались натянутыми. До конца своей жизни императрица не покидала мысли о нанесеніи Турціи окончательнаго, смертельнаго удара.

Персидская война въ концѣ царствованія Екатерины имѣла лишь эпизодическій характеръ и не могла повести къ важнымъ послѣдствіямъ. Нельзя было не защитить Грузіи отъ нападеній со стороны хана Астерабадскаго. Валеріанъ Зубовъ дѣйствовалъ успѣшно на западномъ берегу Каспійскаго моря. Русскія войска заняли Дербентъ и Баку; смерть императрицы положила конецъ военнымъ операціямъ въ этомъ краѣ.

И отношенія къ Швеціи послѣ Верельскаго мира не были особенно дружескими. Въ 1791 году даже считали возможнымъ возобновленіе войны между Екатериной и Густавомъ III. Обѣ державы готовились къ походу. Рѣзкій и высокомѣрный образъ дѣйствій русскаго посла въ Стокгольмѣ, Штакельберга, произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе. Несмотря на все это, между Екатериною и Густавомъ III былъ заключенъ наступательный союзъ противъ Франціи. Войны между Россіею и Швеціею не было. О пребываніи юнаго короля Густава IV въ Петербургѣ въ самое послѣднее время жизни Екатерины мы будемъ говорить ниже.

Также въ послѣдней части настоящаго труда будетъ помѣщенъ разборъ вопроса объ отношеніи Россіи къ французской революціи. Участвуя въ борьбѣ противъ революціонной Франціи, Россія пожинала плоды прежняго вмѣшательства въ дѣла Германской имперіи. Сначала коалиціонная война противъ Франціи служила Екатеринѣ средствомъ для отвлеченія вниманія другихъ державъ отъ польскихъ дѣлъ; затѣмъ, однако, во время разгара радикализма во Франціи, императрица обращала все бо̀льшее и бо̀льшее вниманіе на революцію, казавшуюся опасною для всѣхъ государей, для представителей высшихъ классовъ общества въ разныхъ странахъ и для сторонниковъ стараго порядка вообще. Екатерина не дожила до эпохи Наполеона: она, однако, неоднократно говорила о необходимости диктатуры, которая могла бы положить предѣлъ революціонному броженію во Франціи.